

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Один из лучших
ФЭНТЕЗИ-РОМАНОВ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ!

Хитрости
**ЛОККА
ЛАМОРЫ**

СВЕЖО, ОРИГИНАЛЬНО,
КРАЙНЕ ЗАНИМАТЕЛЬНО —
И ВЕЛИКОЛЕПНО ИСПОЛНЕНО.

ДЖОРДЖ МАРТИН

СКОТТ ЛИНЧ

Звезды новой фэнтези

СКОТТ ЛИНЧ

Хитрости Локка Ламоры

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Линч С.

Хитрости Локка Ламоры / С. Линч — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-12179-9

«Свежо, оригинально, крайне занимательно – и великолепно исполнено» (Джордж Мартин). Однажды Воровской наставник явился к отцу Цеппи, Безглазому священнику храма Переландро, чтобы сбыть с рук несносного мальчишку Локка Ламору. Ведь Ламора, хоть и прирожденный вор, был воистину несносен, и для его исключительных талантов город-государство Каморр – прорезанное десятками каналов, раскинувшееся на множестве островов под сенью исполинских башен из стекла Древних – могло оказаться тесным. С течением лет Локку и его Благородным Канальям сходит с рук многое вплоть до нарушения Тайного уговора, регулирующего всю жизнь Путных людей Каморра, но вот в закулисы преступного сообщества появляется Серый король – безжалостный, невидимый и неуязвимый убийца, – внося свои коррективы в очередную гениальную аферу Локка... В новом переводе – один из самых ярких фэнтези-дебютов последних лет.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12179-9

© Линч С., 2006

© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Пролог. Мальчик, который слишком много крал	7
1	7
2	8
3	10
4	11
5	15
6	16
7	21
8	22
9	24
Часть I. План	29
Глава 1	29
1	29
2	30
3	33
4	33
5	37
6	40
7	45
8	47
Интерлюдия	50
Глава 2	53
1	53
2	55
3	57
4	58
5	64
6	65
Интерлюдия	68
1	68
2	72
3	74
Глава 3	78
1	78
2	79
3	82
4	85
5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Скотт Линч

Хитрости Локка Ламоры

*Милой Джени, которая все время стояла за моим плечом,
благословляя рождение этого маленького мира, с вечной любовью
посвящается*

Scott Lynch
THE LIES OF LOCKE LAMORA
Copyright © 2006 by Scott Lynch

© М. Куренная, перевод, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Лучшая зарубежная книга года в жанре фэнтези по версии журнала «Мир фантастики». Нашумевший образец авантюрно-плутовской фэнтези, первый роман цикла «Благородные Каналы», погружающий читателя в мир ренессансного Каморра, где живут и «работают» блистательные аферисты и воры, проворачивающие свои операции по извлечению денег из богатых кошельков. Но когда в городе появляется Серый король, начинают исчезать подданные владыки воровского мира – мира, к которому относится и сам Локк...

Labirint.ru

Перечитываю дебютный роман Линча уже второй раз, и со всей ответственностью готов заявить: эта книга – в моей личной верхней десятке, а то и пятерке. Если вы еще не читали про Локка Ламору – немедленно читайте. Если читали – перечитывайте.

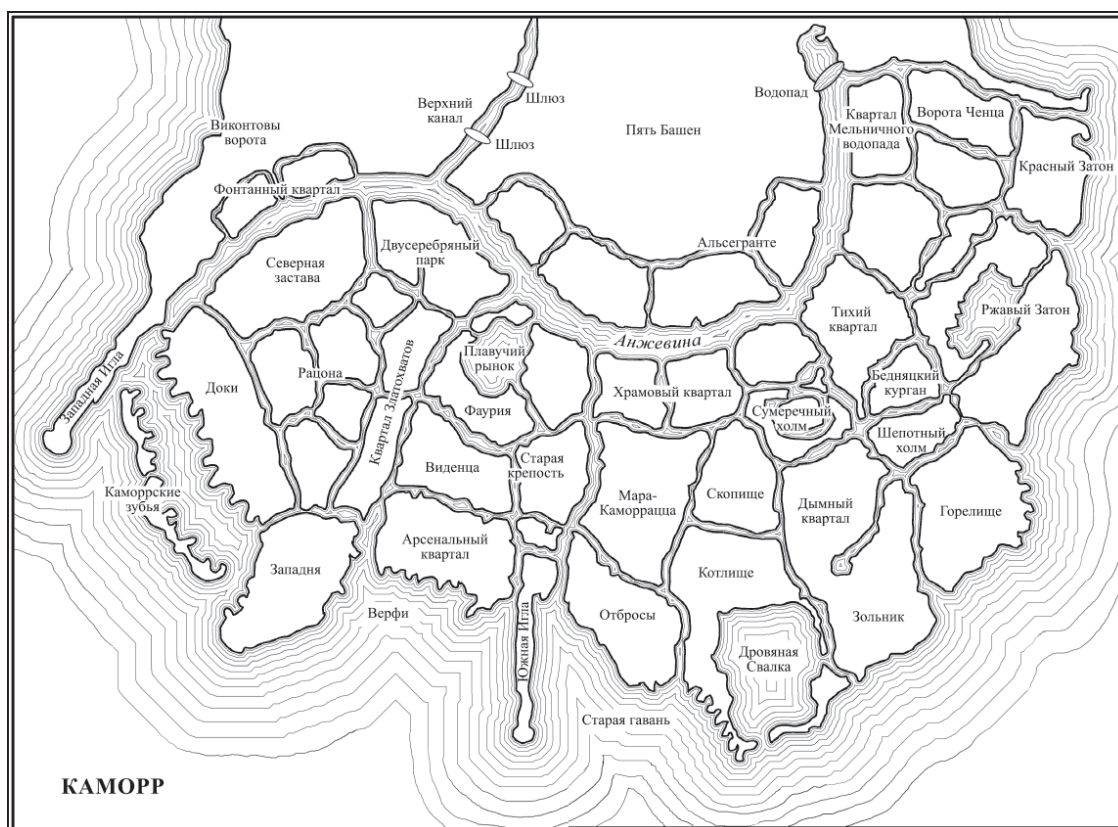
Патрик Ротфусс

Это та самая книга, в которой плохие парни имеют свои моральные ценности и свято их блюдут. Та книга, читая которую девочки-подростки влюбляются в мальчиков-хулиганов, наделяя их чертами пиратов, разбойников, подонков, но ироничных, умных и благородных. А уж если у героя разбито сердце, его любовь находится за тридевять земель и он не смотрит ни на одну красивую женщину, которых, как правило, в изобилии водится вокруг, – все, пиши пропало: главный герой тут же заносится в разряд наилюбимейших! И как хорошо, что автор уже написал продолжение. В трудные минуты жизни можно будет снова с головой нырнуть в мир Скотта Линча, полный жестокости, но такой романтический...

Livelib.ru

Высокооктановая и совершенно органичная смесь плутовского романа и фэнтези.

Ричард Морган

Пролог. Мальчик, который слишком много крал

1

В середине долгого сырого лета семьдесят седьмого года Сендовани к Безглазому священнику храма Переландро нежданно-негаданно явился каморрский Воровской наставник в отчаянной надежде сбегать с рук несносного мальчишку Ламору.

– Ох и выгодную же сделку я тебе предложу! – с порога начал гость, взяв не самый верный тон.

– Поди, такую же выгодную, как с Кало и Галдо? – проворчал Безглазый священник. – Я по сей день бьюсь, чтобы отучить этих вечно хихикающих болванов от дурных привычек, перенятых у тебя, а взамен привить дурные привычки, угодные мне.

– Ну знаешь, Цеппи, – пожал плечами Воровской наставник, – я ведь сразу предупредил, что они ни дать ни взять мартышки пакостливые, но тогда тебя это нимало не смутило...

– Или, может, такую же выгодную, как с Сабетой? – Священник возвысил голос, густой и звучный, и слова замерли на языке у Воровского наставника. – Сам прекрасно помнишь, какую цену за нее заломил. Ободрал меня как липку, забрал все подчистую, кроме разве костей моей покойной матушки. Надо было заплатить тебе одними медяками и посмотреть, как ты надрываешь пуп.

– Но Сабета, согласишься, не рядовой товар. И мальчишка этот, он тоже особенный. Ровно такой, какого ты просил подыскать после того, как купил Кало с Галдо. В нем есть решительно все, что тебе любо-дорого в Сабете. Каморрец, но не чистых кровей, а еще теринских и вадранских в равных долях. И он просто прирожденный вор – это так же верно, как то, что в море полно рыбьей мочи. Вдобавок я согласен уступить малого... ну... со скидкой.

Безглазый священник с минуту поразмыслил, а затем сказал:

– Ты уж прости, но когда иссохшая сморщенная репка, которую ты называешь сердцем, вдруг ни с того ни с сего возгорается желанием меня облагодетельствовать, мне хочется взять в руки оружие и встать спиной к стене.

Воровской наставник постарался придать своему лицу искреннее выражение (без особого, впрочем, успеха) и чересчур небрежно пожал плечами:

– Ну да, положим, с мальчишкой сложности. Но это только пока он находится под моей опекой. Уверен, если ты возьмешь его на свое попечение, все сложности исчезнут сами собой.

– О, так твой малец обладает волшебным даром. Что ж ты сразу не сказал! – Священник поскреб лоб под белой шелковой повязкой, закрывавшей глаза. – Превосходно. Я посажу его в чертову землю и выращу лозу до заоблачной зачарованной страны.

– Ага! Вот и знакомые стрелы сарказма полетели! – Воровской наставник отвесил шуточный поклон, несколько скованный по причине старческой подагры. – Обычно они свидетельствуют о твоей готовности поторговаться. Почему бы просто не признать, что предложение тебя заинтересовало?

Теперь пожал плечами Безглазый священник.

– Ладно, допустим, Кало, Галдо и Сабете не помешает обзавестись новым товарищем по играм или хотя бы новой грушей для битья. Допустим, я согласен отдать за твоего кота в мешке три медяка да горшок мочи. Но ты должен убедить меня, что я не прогадаю, отдав в придачу к указанной сумме еще и целый горшок мочи. Так в чем беда с твоим мальчишкой, а?

– Беда с ним в том, – медленно проговорил Воровской наставник, – что, если ты его не купишь, мне придется перерезать паршивцу глотку, а тело бросить в залив. Причем нынче же ночью.

2

Той памятной ночью, когда Воровской наставник взял под свое крыло маленького Ламору, на старом кладбище на Сумеречном холме выстроилось вереницей множество детей. Тихо и смирно стояли они в ожидании, когда новые братья и сестры проследуют в усыпальницы.

Все до единого подопечные Воровского наставника держали свечи, холодный голубой свет которых пробивался сквозь серебристую пелену речного тумана подобно тому, как пробивается сквозь закопченное окно тусклый свет уличных фонарей. Цепочка призрачных огоньков, повторяя извивы кладбищенских дорожек, спускалась с вершины холма к широкому стеклянному мосту через Дымный канал, едва видный под покровом душного теплого тумана, что летними ночами сочится из отсыревших костей Каморра.

– Шагайте живее, милые мои, золотые мои, новообетенные мои чада! – шептал Наставник, подталкивая в спину последнего из тридцати детей-сирот, взошедших на Дымный мост. – Пусть огни впереди не пугают вас: там ждут ваши новые друзья, чтобы показать вам путь на вершину моего холма. Прибавьте шагу, мои сокровища. Ночь убывает, а разговор нам предстоит долгий.

В редкие минуты досужего раздумья Воровской наставник воображал себя художником. Если точнее – скульптором, для которого малолетние сироты служат глиной, а старое кладбище на Сумеречном холме – мастерской.

Огромный девяностотысячный город непрерывно и равномерно производил человеческие отбросы, количество которых денно и ночью пополнялось, кроме прочего, за счет постоянного притока осиротелых, потерянных и брошенных детей. Многих из них отлавливали работорговцы, чтобы переправить в Тал-Веррар или на Джеремские острова. По закону рабство в Каморре было запрещено, разумеется, но на сами акты порабощения и горожане, и власти смотрели сквозь пальцы, если за жертву было некому заступиться.

В общем, одни беспризорники попадали в рабство, другие погибали по собственной глупости. Смерть от голода и сопутствующих болезней тоже была обычным делом среди тех, у кого не хватало смелости или сноровки, чтобы прокормиться на городских улицах воровством или иным незаконным способом. Смелые же, но недостаточно сноровистые часто заканчивали жизнь в петле на Черном мосту, напротив Дворца Терпения. Магистраты герцога вешали юных воришек на той же веревке, что и преступников постарше, только детям еще привязывали к ногам груз, чтобы уж наверняка и быстро.

А сирот, чудом избежавших перечисленных злосчастных жребиев, собирали по всему городу подопечные Воровского наставника и приводили в свое братство, по одному, по двое или испуганными стайками. Там новички очень скоро узнавали, какая жизнь ожидает их под старым кладбищем, в самом сердце владений Воровского наставника, где без малого полторы сотни сирых детей преклоняли колена перед одиноким согбенным стариком.

– Давайте, шевелите ножками, мои родненькие, мои новые сыночки и доченьки! Следуйте по цепочке огней, поднимайтесь на вершину холма. Мы уже почти дома, где вас накормят, намоют и спать уложат. Где вы найдете спасение от дождя, тумана и душной жары.

Лучшее время для пополнения рядов братства наступало сразу после моровых поветрий. Эти тридцать сирот из Горелища ускользнули из губительных объятий так называемого черного шепота – повальной хвори, которую Воровской наставник ценил выше всех прочих. Болезнь пришла в квартал невесть откуда, и только своевременно принятые карантинные меры (любого, кто пытался переправиться через канал или уплыть на лодке, настигала смерть от ярдовой стрелы) спасли остальной город от всех сопряженных с эпидемией неприятностей, кроме разве что тревоги и параноидального страха. Черный шепот означал мучительную

смерть для всякого старше одиннадцати-двенадцати лет (насколько могли судить лекари, хотя болезнь собирала жатву без особой оглядки на правила). Дети же младше одиннадцати обычно отделялись всего лишь отеком глаз и лихорадочным румянцем, которые проходили через пару-другую дней.

На пятый день карантина пронзительные крики стихли и попытки переправиться через канал прекратились. Поэтому квартал избежал прискорбной участи, не раз постигавшей его в прошлом, в чумные годы, и послужившей причиной для нынешнего его названия. На одиннадцатый день, когда карантин сняли и герцогские Упыри вошли в Горелище, чтобы оценить последствия эпидемии, из четырех сотен детей, насчитывавшихся там ранее, в живых остался лишь каждый восьмой. В борьбе за выживание они уже сбились в шайки и освоили азы жестокости, необходимые в жизни без взрослых.

Воровской наставник дождался, когда всех детей соберут и выведут из квартала, объятых зловещей тишиной.

Он щедро заплатил серебром за тридцать лучших из них и еще больше заплатил за молчание Упырям и стражникам, сопровождавшим детей. А потом повел своих новых подопечных – отощалых, вонючих, растерянных – в темный парной туман каморрской ночи, к старому кладбищу на Сумеречном холме.

Ламора был самым младшим и самым мелким из всех: мальчонка лет пяти-шести, живой скелетик, обтянутый грязной кожей. Наставник и братъ-то его не собирался – малыш просто увязался за ними, словно так и надо. Старик, конечно, сразу заметил приبلудыша, но в своей жизни он неоднократно убеждался, что любой незачумленный сиротка, даже самый мозглявый, – это подарок судьбы, от которого грех отказываться.

Дело было летом семьдесят седьмого года Гандоло – Отца удачи, бога торговли и звонкой монеты. Воровской наставник шел сквозь туманную ночь, ласково подгоняя детей, бредущих неровной вереницей.

Через каких-нибудь два года он будет чуть ли не на коленях умолять отца Цеппи, Безглазого священника, забрать у него маленького Ламору. И точить нож на случай, если священник откажется.

3

Безглазый священник поскреб щетинистый кадык:

– Не шутишь?

– Нисколько. – Воровской наставник залез во внутренний карман камзола, который пару лет назад можно было назвать просто потрепанным, и извлек кожаный кошелек, затянутый тонким кожаным шнурком. Кошелек был ржаво-красного цвета запекшейся крови. – Уже сходил к самому и получил разрешение. Перережу мальчишке глотку от уха до уха и скормлю рыбам.

– О боги... Экая душещипательная история. – Священник, с поразительными для слепца меткостью и проворством, ткнул Воровского наставника точно в грудину. – Нет уж, найди другого дурака, который согласится снять бремя с твоей совести и взвалить на себя.

– Да к черту совесть, Цеппи! Я о корысти толкую, твоей и моей. Оставить мальчишку у себя я не могу, вот и предлагаю тебе редкую возможность. Выгодную сделку.

– Если мальчишка шибко строптивый, почему бы не вбить в него немного ума-разума и не подождать, когда он созреет до надлежащего продажного возраста?

– Исключено, Цеппи. У меня руки связаны. Я не могу просто взять и отколошматить гаденыша: нельзя допустить, чтобы остальные паршивцы узнали, что он... гм... отмочил. Если у кого-нибудь из них возникнет хоть малейшее желание сотворить то же самое... о боги!.. я навсегда утрачу влияние на них. Мне остается либо убить мальчишку сегодня же, либо продать сейчас же. Шиш с маслом или ничтожная прибыль. Угадай, что я выбираю?

– Мальчишка выкинул что-то такое, о чем ты даже обмолвиться не можешь при своих подопечных? – Цеппи потер лоб над повязкой и вздохнул. – Черт... Мне даже стало любопытно.

4

Старинная каморрская пословица гласит: ничто на свете не постоянно, кроме непостоянства человеческого. Всё и вся, кроме него, рано или поздно выходит из моды – даже такая полезная и нужная вещь, как холм, наштапигованный мертвецами.

Сумеречный холм был первым в истории Каморра кладбищем для знати, где бранные останки горожан, сытно питавшихся при жизни, покоились вне досягаемости соленых вод Железного моря. Однако со временем соотношение сил между соперничающими семьями камнерезов, гробовщиков и профессиональных гробоносцев изменилось, и постепенно на Сумеречном холме стали хоронить все меньше и меньше знатных господ, поскольку на расположенном неподалеку Шепотном холме предлагали больше места для более внушительных и помпезных памятников, пусть и за большее комиссионное вознаграждение. Войны, моровые поветрия и политические козни делали свое дело, и с течением десятилетий количество семей, ухаживавших за могилами на Сумеречном холме, неуклонно сокращалось. В конце концов единственными посетителями кладбища остались служители Азы Гийи, ночевавшие в гробницах в период своего ученичества, да бездомные сироты, поселившиеся в заброшенных, темных и пыльных склепах.

Воровской наставник (хотя тогда он, разумеется, таковым еще не был) волею случая оказался в одном из таких склепов в самые черные дни своей жизни, когда он представлял собой жалкое недоразумение – ибо как еще назовешь вора-карманника с девятью перебитыми пальцами?

Сперва он держался с сиротами полуугрожающе-полупросительно. Какая-то остаточная потребность во взрослом вожаке помешала детям убить пришлеца во сне. Он же, со своей стороны, неохотно начал объяснять им секреты своего ремесла.

По мере того как пальцы медленно заживали (правда, семь из них срослись плохо и навсегда остались кривыми, как надломленные сучки), он передавал все больше и больше своих порочных знаний маленьким оборванцам, прятавшимся вместе с ним от дождя и городской стражи. Число учеников постепенно увеличивалось, как и совокупный доход сообщества, и дети все шире расселялись по сырým каменным склепам старого кладбища.

В скором времени кривопалый карманник стал знаменитым Воровским наставником, а Сумеречный холм – царством, где он безраздельно властвовал.

Маленький Ламора со своими товарищами из Горелища впервые вступил в это царство спустя два десятка лет после его основания. Кладбище представляло собой обширное скопление неглубоких старых склепов, соединенных между собой сетью подземных тоннелей и галерей, чьи плотно утрамбованные стены были укреплены частыми опорами, похожими на ребра давно истлевших драконов. Исконных обитателей кладбища уже давно повытаскивали из гробниц и побросали в залив под покровом ночи, и ныне Сумеречный холм превратился в гигантский муравейник, населенный сиротами-воришками.

Вновь прибывшие дети вошли в темные недра самого верхнего мавзолея и двинулись по тоннелю с ребристыми стенами, освещенному серебряными огнями прохладных алхимических шаров. Маслянистые щупальца тумана обвивались вокруг щиколоток; из всех углов и закоулков выглядывали старожилы Сумеречного холма, с холодным любопытством рассматривая новичков. В спертом воздухе висел запах сырой земли и давно не мытых тел, каковой смрадный дух маленькие оборванцы из Горелища ощутимо усилили своим присутствием.

– Проходите! Проходите! – восклицал Наставник, потирая руки. – Отныне мой дом – ваш дом! Добро пожаловать! Всех нас здесь объединяет одно: все мы круглые сироты. Печально, что и говорить, но теперь у вас будет братьев и сестер сколько пожелаете и сухая земля над головой. Дом... семья.

Дети-старожилы вереницей устремились по тоннелю вслед за Наставником, на ходу задывая свои призрачные голубые свечи, и вскоре путь освещало лишь серебристое сияние настенных алхимических шаров.

В самом сердце владений Воровского наставника находилось огромное теплое помещение с утоптаным земляным полом высотой в полтора человеческих роста и размером тридцать на тридцать ярдов. У дальней стены стояло единственное кресло из полированного черного дерева – массивное такое, с высокой спинкой, – и старик с довольным вздохом в него опустился.

Десятки ветхих покрывал, расстеленных на полу, были уставлены едой: котелками с костлявыми цыплятами, маринованными в дешевом миндальном вине, мисками с мягкими хвостами морских лисиц, завернутыми в бекон и щедро сдобренными уксусом, тарелками с соевым горохом и чечевицей, подносами с грубым хлебом, политым колбасным жиром, и грудями перезрелых помидоров и груш. Пища непритязательная на самом деле, но представленная в таком количестве и разнообразии, какое сиротам из бедного квартала даже не снилось. Они жадно накинулись на еду, не дожидаясь приглашения, и Воровской наставник снисходительно улыбнулся.

– Я не настолько глуп, чтобы вставать между вами и вкусной едой, дорогие мои. Ешьте досыта, ешьте сколько влезет. Наверстывайте упущенное. Поговорим позже.

Пока оголодалые сироты набивали живот, в подземном логове собрались все обитатели Сумеречного холма – они обступили новеньких тесной толпой и молча наблюдали. Воздух в переполненном помещении с каждой минутой становился все более спертым. Пиршество продолжалось, пока на «столе» не осталось ни крошки. Наконец дети, выжившие после нашествия черного шепота, дочиста облизали перепачканные жиром пальцы и только тогда обратили настороженные взгляды на Воровского наставника и его подопечных. Старик, словно по сигналу, вскинул три скрюченных пальца.

– Теперь о деле! – воскликнул он. – На повестке дня три пункта. Во-первых, вы здесь потому, что я вас выкупил. Причем заплатил сверх положенного, чтобы вас отдали именно мне, а не кому-нибудь другому. Поверьте, всех до единого ваших товарищей, которых не взял я, уже отдали работорговцам. Куда еще девать сирот? Держать вас негде, заботиться о вас некому. Стражники продают таких, как вы, по цене кувшина вина, голубчики мои. Сержанты не считают нужным упоминать о вас в своих рапортах, а капитаны не считают нужным обращать на это внимание. Сейчас, – продолжал Наставник, – когда с вашего квартала снят карантин, все каморрские работорговцы – и все желающие таковыми заделаться – уже рыщут по городу в поисках добычи. Вы вольны покинуть наш холм когда пожелаете, хоть сейчас, – только имейте в виду, что в самом скором времени вы будете сосать грязные елдыки или ворочать веслами на галерах... Что подводит меня ко второму пункту. Все мои друзья, которых вы здесь видите, – он широким жестом обвел детей, теснившихся вдоль стен, – могут уходить с холма когда захочется и разгуливать там, где вздумается, поскольку они находятся под моей защитой. Я знаю, – продолжал он с видом внушительным и серьезным, – что сам по себе я не произвожу грозного впечатления, однако пусть это не вводит вас в заблуждение. У меня есть могущественные друзья, способные обеспечить безопасность моим подопечным. Если кто-нибудь – например, работорговец – осмелится поднять руку на одного из моих питомцев, наказание последует незамедлительно и будет достаточно жестоким...

Когда никто из новичков не выказал должного воодушевления, Наставник значительно кашлянул и пояснил:

– Этого гнусного скота просто убьют. Ясно?

Яснее было некуда.

– Что прямо подводит нас к третьему пункту – а именно ко всем вам, мои милые. Наша маленькая семья всегда нуждается в новых братьях и сестрах, и вы можете считать, что вам

предлагают – можно даже сказать, вас просят – осчастливить нас своей искренней и крепкой дружбой. Изберите Сумеречный холм своим домом, меня – своим хозяином, а этих славных мальчиков и девочек – своими братьями и сестрами. Вы будете жить в тепле и сытости, под надежной защитой. Либо вы можете уйти сейчас же и закончить в одном из джеремских публичных домов, там свежим ягодкам всегда рады. Ну что, есть такие желающие?

Никто из новичков не издал ни звука.

– Я знал, что могу положиться на вас, бесценные мои сокровища! – Воровской наставник распростер руки и широко улыбнулся, показав полумесяц зубов цвета болотной воды. – Но разумеется, за все хорошее надо платить. Взаимные услуги, равный обмен. Еда не произрастает у меня из задницы. Ночные горшки не опоражниваются сами собой. Улавливаете, о чем я?

Десять-двенадцать из вновь прибывших детей неуверенно кивнули.

– Правила очень простые, со временем вы все их усвоите. Пока же запомните главное: кто ест, тот работает, а кто работает, тот ест. Что подводит нас к четвертому... ох, батюшки! Уважьте забывчивого старика, милые детки: вообразите, будто он поднял не три, а четыре пальца... Итак, вот четвертый важный пункт повестки дня. У каждого из нас есть работа здесь, на холме, но у каждого из нас есть работа и в другом месте. Работа деликатная и необычная... интересная и увлекательная. Делается она в городе, иногда днем, иногда ночью. И требует смелости, ловкости и... гм... осторожности. Мы будем очень рады, если вы станете помогать нам в этих... гм... особенных делах.

Воровской наставник ткнул кривым пальцем в мальчишку, доставшегося ему бесплатно, в маленького приبلудыша, который пристально смотрел на него опухшими немигающими глазами, приоткрыв измазанный помидорным соком рот.

– Вот ты, малыш, ты, дополнительный привесок к тридцати избранным... Что скажешь? Будет ли от тебя польза? Готов ли ты помогать своим братьям и сестрам в их интересной работе?

Мальчонка на секунду задумался, потом пропищал тоненьким голоском:

– Вы хотите, чтобы мы крали разные вещи.

Старик уставился на него и долго молчал. Несколько сирот-старожилов прыснули в ладошку.

– Ну да, – наконец промолвил Воровской наставник, медленно кивнув. – Можно и так сказать – хотя, надо заметить, ты слишком прямолинейно судишь об известных проявлениях личной инициативы, говоря о которых мы предпочитаем употреблять более изысканные и неопределенные выражения. Не то чтобы я рассчитывал, что ты поймешь, о чем речь... Как тебя зовут, малыш?

– Ламора.

– Верно, твои родители были скрягами, раз дали тебе одну лишь фамилию. Как еще они тебя звали?

С минуту мальчонка напряженно обдумывал вопрос.

– Меня звать Локк, – наконец сказал он. – В честь отца.

– Славное имя. Легко с языка слетает. А ну-ка, Локк-в-честь-отца Ламора, подойди ко мне на пару слов. Все остальные – ступайте прочь. Ваши братья и сестры покажут, где вам лечь спать. А сперва покажут, куда отнести посуду, куда сложить покрывала и все такое прочее. Первая ваша работа по хозяйству, так сказать. Сегодня вы просто уберете все здесь за собой, но в дальнейшем у каждого из вас появятся иные обязанности, всю важность которых вы поймете ко времени, когда узнаете, как меня называют за пределами нашего холма.

Локк подошел к Воровскому наставнику, восседавшему на деревянном троне. Новички поднялись с пола и беспорядочно топтались взад-вперед, пока старшие из сирот Сумеречного холма не начали их строить, отдавая нехитрые распоряжения. Через считанные минуты маленький Локк и Воровской наставник остались наедине.

– Видишь ли, дружок мой, – заговорил старик, – всех новых своих чад, прибывающих на Сумеречный холм, мне приходится отучать от некоторых предрассудков. Ты знаешь, что такое предрассудок?

Ламора помотал головой. Его круглое личико облепляли сальные тускло-каштановые волосы; разводы помидорного сока вокруг рта подсохли и стали походить на грязные потеки. Старик подался вперед и осторожно вытер ребенку губы и щеки рукавом своего потрепанного синего камзола. Мальчик не отшатнулся.

– Это значит, что всем детям сызмалу внушали, что красть нехорошо, а потому в разговорах с ними мне приходится прибегать к разным недомолвкам и околичностям, покуда они не свыкнутся с мыслью о допустимости воровства. Ясно? Однако ты, похоже, не скован подобными предрассудками, поэтому мы с тобой можем говорить прямо. Ты уже крал раньше, верно?

Малыш кивнул.

– И до чумы тоже?

Снова кивок.

– Я так и подумал. А скажи-ка, голубчик... ты ведь лишился родителей еще до нашествия черного шепота, да?

Мальчик опустил голову и опять кивнул, едва заметно.

– То есть ты уже научился... гм... сам о себе заботиться. Ну, тебе нечего стыдиться. Возможно даже, благодаря своему опыту ты сумеешь снискать известное уважение в нашем братстве – вот только надо бы испытать тебя на деле...

Вместо ответа Ламора достал что-то из-под драной рубашонки и протянул Воровскому наставнику. На раскрытую ладонь старика легли два маленьких дешевых кошелька – замызганные мешочки из жесткой кожи, затянутые потертыми шнурками.

– А это у тебя еще откуда?

– Стражники, – прошептал Локк. – Они брали нас на руки и несли.

Наставник отпрянул, будто ужаленный гадюкой, и недоверчиво уставился на кошельки:

– Ты стянул кошельки у городских стражников? У желтокурточников?

Малыш кивнул, на сей раз с видимым воодушевлением:

– Ага, они брали нас на руки и несли.

– Боги мои... – выдохнул Воровской наставник. – О боги... Да ты нас всех без ножа режешь, Локк-в честь-отца Ламора. Просто режешь без ножа.

5

– Он нарушил Тайный уговор в первую же ночь, как вступил в братство, нахальный маленький паршивец! – Воровской наставник удобно сидел в саду на крыше храма, держа в руках просмоленную кожаную кружку с вином; вино было дрянное – страшно кислое, перебродившее почти в уксус, – но оно служило обнадеживающим признаком, что сделка еще может состояться. – Такого никогда не случалось – ни до, ни после.

– Кто-то научил мальчишку обчищать карманы, но не предупредил, что желтокурточники неприкосновенны. – Отец Цеппи поджал губы. – Любопытно, очень любопытно. Наш дорогой капа Барсави был бы рад свести знакомство с твоим подопечным.

– Я так и не выяснил, кто натаскал мальчика. Он заявил, что сам всему научился, но это чушь собачья. Пятилетние дети играют сдохлыми рыбешками да конскими говешками, Цеппи. Они не изобретают тонких приемов карманного воровства по своей прихоти.

– А как ты поступил с кошельками?

– Да помчался обратно на сторожевую заставу Горелища и лизал там башмаки и задницы, пока язык не почернел. Объяснил капитану, что один из новичков просто не знал о заведенных в Каморре порядках, и вернул украденное с изрядной доплатой, моля о великодушном прощении и милостивом снисхождении.

– И они приняли извинения?

– Деньги всегда веселят душу, ты же знаешь. Я набил оба кошелька серебром до отказа. Вдобавок дал каждому из тамошних стражников на выпивку, чтоб на всю неделю хватило, и мы условились, что они выпьют пару-другую стаканов за здоровье капы Барсави, которого совсем не обязательно... гм... беспокоить такими мелочами, как тот факт, что преданный ему Воровской наставник сел в лужу, позволив пятилетнему карапузу нарушить чертов уговор.

– Итак, – промолвил Безглазый священник, – то были первые часы твоего знакомства с моим таинственным мальчишкой – неожиданным подарком судьбы, так сказать.

– Я премного рад, что ты уже называешь маленького гаденыша своим, Цеппи, поскольку у меня на него ну никакого терпения не хватает. Даже и не знаю, как сказать. Одним моим детям нравится воровать, другие вообще не задумываются, хорошо это или плохо, а есть и такие, которые воруют противно своей воле, ибо понимают, что у них просто нет другого выбора. Но на моей памяти еще никто – никто, повторяю, – не был *настолько* охоч до воровства. Если Ламора будет валяться с располосованным горлом и лекарь попытается зашить рану, этот маленький поганец украдет у него иголку с ниткой и сдохнет, радостно хихикая. Он... слишком много крадет.

– Слишком много крадет, – задумчиво повторил Безглазый священник. – Уж чего-чего, а такой жалобы я никак не ожидал услышать от человека, который живет обучением детей воровству.

– Можешь смеяться, – вздохнул Воровской наставник. – Но в этом-то вся соль.

6

Текли месяцы. Миновали парфис, фесталь и аурим, и на смену туманным летним грозам пришли проливные зимние дожди. За семьдесят седьмым годом Гандоло наступил семьдесят седьмой год Морганте – Отца города, бога Петли и Лопаты.

Число сирот из Горелища заметно сократилось: восемь бедолаг, не обнаруживших способностей к деликатной и интересной работе, предложенной Воровским наставником, закончили свои дни в петле на Черном мосту перед Дворцом Терпения. Но жизнь продолжалась, и все остальные были слишком поглощены своей собственной деликатной и интересной работой, чтобы особо переживать по поводу товарищей.

Братство Сумеречного холма, как скоро узнал Локк, жестко делилось на два клана: уличники и домушники. Последние, меньшие числом и более искусные в воровском деле, промышляли только после заката: забирались на крыши, спускались по дымоходам, отмыкали замки, проникали за решетки и крали все подряд – от монет и драгоценностей до шматов свиного сала, оставленных без присмотра в кладовых.

Дети же из уличников рыскали по площадям, улицам и мостам Каморра в дневное время, причем всегда работали группами. Старшие и более опытные (хватуны) ловко обчищали карманы и прилавки, а младшие и менее умелые (заманухи) отвлекали внимание – надрывно звали своих несуществующих матерей, разыгрывали всяческие припадки или метались взад-вперед с криком «Держи вора!», пока хватуны убегали со своей добычей.

Каждого сироту, вернувшегося на кладбище после вылазки в город, обыскивал старший и более сильный ребенок. Все украденное или добытое иным способом передавалось вверх по иерархии влиятельных членов братства, кулакастых и напористых, и в конечном счете оказывалось у Воровского наставника, который по получении дневного дохода всякий раз отмечал плюсами или минусами имена в своем точном мысленном списке. Дети, принесшие прибыль, получали свой ужин; всем прочим приходилось потрудиться позже вечером с двойным усердием.

Ночь за ночью Воровской наставник – обремененный кошельками, ожерельями, шелковыми платками, железными пуговицами и прочими ценными предметами – проходил по извилистым тоннелям Сумеречного холма. Подопечные тихо подкрадывались из темных закоулков или пытались отвлечь внимание разыгранными спектаклями, чтобы стянуть у него хоть что-нибудь. Всякого, кого он хватал за руку, ждало немедленное наказание. Воровской наставник предпочитал не лупцевать проигравших в подобных учебных играх (хотя мог и отстегать хлыстом под настроение), а заставлять их пить чистое имбирное масло из фляжки, под насмешливое улюлюканье остальных детей. Каморрское имбирное масло – гадость редкостная, на вкус ничуть не лучше (по мнению Наставника), чем тлеющая зола ядовитого сумаха.

Упрямец, отказывавшихся открывать рот, переворачивали вверх ногами и вливали масло через нос. Одного такого урока, как правило, хватало навсегда.

Со временем даже сироты с обожженными имбирем языками и глотками осваивали азы карманного воровства и незаметного отъема товаров у зазевавшихся купцов. Воровской наставник воодушевленно объяснял детям устройство камзолов, дублетов, сюртуков и поясных кошельков, сообразуясь со всеми последними веяниями моды, и обстоятельно растолковывал, что можно срезать, что – оторвать, а что – вытащить проворными пальцами.

– Не следует тереться об ногу жертвы, как трахучий пес, или хвататься за руку, как потерявшееся дитя. Даже полсекунды телесного соприкосновения зачастую оказываются перебором. – Наставник плавным жестом изобразил петлю на шее и высунул язык. – Чтобы выжить, вы должны неукоснительно соблюдать три священных правила. Во-первых, всегда убеждайтесь, что внимание вашей жертвы надежно отвлечено – либо заманухами, либо какой-нибудь

посторонней херотенью, вроде драки или пожара. Для нашей работы нет ничего лучше пожаров, дорожите такими подарками судьбы. Во-вторых, сокращайте – до последнего возможного предела сокращайте – время непосредственного соприкосновения с жертвой, даже когда ее внимание отвлечено. – Он скинул с шеи воображаемую петлю и хитро улыбнулся. – И в-третьих, сразу же, как сделали свое дело, смывайтесь прочь, даже если жертва молчит как пень. Чему я учил вас?

– Стянул – беги куда попало, – хором говорили ученики. – Замешкаешь – пиши пропало!

Новенькие сироты прибывали по одному и парами; каждые несколько недель кто-нибудь из детей постарше бесследно исчезал с холма. Локк догадывался, что подобные исчезновения свидетельствуют о неких дисциплинарных мерах почище имбирного масла, но никаких вопросов не задавал, поскольку занимал слишком низкое положение в иерархии братства, чтобы любопытничать или получать достоверные объяснения.

Что же до его обучения, то на следующий день после прибытия на холм Локка зачислили в клан уличников одним из заманух (в качестве наказания, подозревал он). Уже через два месяца он, благодаря своим незаурядным способностям, перешел в разряд хватунов. Это считалось большим шагом вверх по иерархической лестнице, но Ламора, похоже единственный на всем холме, предпочитал работать заманухой еще долго после того, как получил право оставить это занятие.

В пределах холма Ламора держался угрюмо и замкнуто, но на городских улицах, в роли заманухи, просто оживал. Он придумал пользоваться пережеванной апельсиновой коркой, изображая рвоту. Если другие заманухи просто хватались за живот и стонали, то Локк расцветивал свои выступления тем, что изрыгал желто-белое месиво под ноги намеченным жертвам (а когда пребывал в особенно капризном настроении, так и прямо на сапоги или подола).

Другим его замечательным изобретением стал прием с длинной сухой веткой, спрятанной под штаниной и крепко привязанной к щиколотке. Резко падая на колени, он переламывал ветку с громким хрустом, после чего испускал душераздирающий вопль, неизменно привлекавший сочувственное внимание всех окружающих, тем паче если дело происходило в непосредственной близости от колес какой-нибудь телеги. Выполнив намеченное, Локк избавлялся от внимания толпы при помощи своих товарищей, которые подбегали и кричали, что отнесут его домой к матушке, а уж матушка вызовет к бедняге лекаря. Разумеется, способность ходить возвращалась к нему за ближайшим углом.

Маленький Ламора столь быстро освоил и усовершенствовал репертуар заманух, что Воровской наставник счел нужным еще раз побеседовать с ним с глазу на глаз – после того, как Локк изловчился незаметно перерезать карманным ножичком пояс у одной молодой дамы, вследствие чего с нее, на потеху честному народу, свалилась юбка.

– Послушай, Локк-в-честь-отца Ламора, – сказал старик, – на сей раз обойдемся без имбирного масла, не бойся, но мне бы очень хотелось, чтобы в своих уловках ты отказался от излишней театральности в пользу простой практичности.

Мальчишка молча смотрел на него, переминаясь с ноги на ногу.

– Ладно, скажу прямо. В последнее время заманухи выходят в город не работать, а глазеть на твои представления. Так вот, содержать собственную театральную труппу никак не входит в мои планы. Прекрати строить из себя великого актера, не заморачивай голову моим подопечным, пускай они возвращаются к своей обыденной работе.

После этого разговора какое-то время все шло тихо-гладко.

Потом, спустя без малого полгода после своего прибытия на холм, Ламора стал невольным виновником пожара в таверне «Стеклянная лоза» и непосредственной причиной страшного карантинного переполоха, едва не стеревшего Скопище с карты Каморра.

Скопищем назывался беднейший квартал на северной окраине города, обширное скопление лачуг и хибар, расположенное в широкой природной впадине, своего рода амфитеатре

глубиной около сорока футов. По стенкам этой громадной бурлящей чаши теснились ряды барачков и безоконных лавчонок, развалюха на развалюхе, и змеились туманные улочки, где двум мужчинам не пройти плечом к плечу.

«Стеклянная лоза» стояла у булыжной дороги, что тянулась на запад, через каменный мост, в зеленые сады острова Мара-Каморрацца. Это было ветхое деревянное строение в три этажа, осевшее и скособоченное, с шаткими внутренними и наружными лестницами, на которых калечился по меньшей мере один посетитель в неделю. На самом деле там всюду делали ставки, кто следующий из завсегдатаев оступится и разможжит башку на хлипких ступеньках. В таверне собирались курильщики трубок и наркоманы-глядель, которые прилюдно закапывали в глаза свое драгоценное зелье и часами лежали во власти видений, мелко вздрагивая и дергаясь, пока другие гости заведения шарили у них по карманам, а то и использовали бесчувственные тела в качестве столов.

В один из первых дней семьдесят седьмого года Морганте маленький Локк Ламора приковылял в общий зал «Стеклянной лозы», шумно всхлипывая и шмыгая носом. Кровоточащие губы, лихорадочный румянец и синяки вокруг глаз изобличали в нем зараженного черным шепотом.

– Прошу вас, господин хороший... – прошептал он объятый ужасом вышибале; костыри, карточники, подавальщики, воры и шлюхи застыли на месте, уставившись на мальчишку. – Умоляю вас... Родители захворали... не знаю, что с ними. Лежмя лежат, я один еще на ногах стою... Вы должны... – он громко шмыгнул носом, – помочь мне! Прошу вас, сударь...

Во всяком случае, такие слова услышали бы все присутствующие, если бы вышибала не завопил во все горло: «Черный шепот! Черный шепот!», что послужило сигналом к стремительному массовому исходу из «Стеклянной лозы». В последующей панической давке маленький Ламора уцелел потому лишь, что признаки страшной болезни у него на лице ограждали надежнее щита. Игральные кости со стуком попадали на столы, карты разлетелись по полу, точно осенние листья под порывом ветра, жестяные стаканы и просмоленные кожаные кружки попрокидывались, выплескивая дешевое пойло. Люди в бегстве своем переворачивали столы и лавки, выхватывали ножи и дубинки, чтобы подгонять недостаточно проворных. Топча недвижные тела глядел, орава человеческого отребья хлынула ко всем дверям, кроме той, у которой стоял Локк, тщетно взывая о помощи.

Когда в таверне не осталось никого, кроме нескольких стонущих (или вообще не подающих признаков жизни) глядел, внутрь прошмыгнули товарищи Локка: дюжина самых быстрых и ловких уличников, отобранных Ламорой для этой вылазки. Они миготом рассыпались по всему залу, торопливо собирая все ценное, что валялось между опрокинутых столов и за обветшалой стойкой. Здесь горсть монет, там добротный нож, тут игральные кости из китовой кости, с метками из гранатовых кристалликов. В кладовой – корзина черствого, но вполне съедобного хлеба, брусок соленого масла, завернутый в вощеную бумагу, и дюжина бутылок вина. На всё про всё Локк дал товарищам полминуты и сразу стал отсчитывать в уме секунды, стирая с лица грим. Досчитав до тридцати, он знаком велел своим сообщникам покинуть таверну.

Уже били тревожные барабаны, призывая стражу, и сквозь мерный их грохот доносились леденящие душу завывания дудок, свидетельствующие о приближении герцогских Упырей – карантинной службы.

Участники грабительского налета пробрались через толпы смятенных, испуганных обитателей Скопища и помчались домой окольными путями, кто через Мара-Каморрацца, кто через Дымный квартал.

На памяти старожиллов никто еще ни разу не возвращался из вылазки с такой богатой добычей: целая груда вещей и продуктов, а вдобавок несколько пригоршней медных полубаронов, гораздо больше, чем Локк рассчитывал добыть. Он не знал, что игроки в кости или карты всегда выкладывают деньги на стол, поскольку на Сумеречном холме играть в азартные

игры дозволялось только старшим и самым влиятельным детям, а Локк к числу таковых не относился.

Поначалу Воровской наставник был просто смущен и озадачен.

Но позже ночью пьяные мужики, охваченные паникой, запалили «Стеклянную лозу», и сотни жителей попытались сбежать из квартала, когда городским стражникам не удалось установить местонахождение малолетнего виновника переполоха. Тревожные барабаны гремели до рассвета, на мостах стояли заградительные кордоны, и лучники герцога Никованте, запасшись стрелами на всю ночь, несли дозор в плоскодонках на каналах вокруг Скопища.

Утро застало Воровского наставника за очередным разговором с самым младшим и самым несносным из всех подопечных сирот.

– Беда с тобой в том, Локк чертов Ламора, что ты не предусмотрителен. Знаешь, что значит «дальновидный»?

Локк помотал головой.

– Попробую объяснить. У таверны был хозяин. Он работал – как работаю я – на очень важного человека – капу Барсави. Хозяин таверны платил капе – как плачу я – за спокойную жизнь, без неприятностей. По твоей милости у него случились жуткие неприятности, хотя он исправно платил деньги и ждать не ждал ничего подобного. Так вот, возбуждение паники среди горожан и подстрекательство пьяных скотов к поджогу таверны – прямая противоположность действиям дальновидным. Ну как, догадываешься теперь, что означает это слово?

Локк почел за лучшее живо кивнуть.

– Если в прошлый раз, когда ты попытался вогнать меня в могилу прежде времени, я сумел откупиться, то сейчас, когда откупиться никаких денег не хватило бы, мне, хвала богам, и откупаться не придется – такой страшный переполох творится в городе. Ночью желтокурточники избили дубинками добрых две сотни человек, прежде чем сообразили, что среди них нет больных. Герцог подступил к Скопищу со своим чертовым регулярным войском, еще немного – и спалил бы квартал дотла. Ты, Локк Ламора, сейчас стоишь передо мной, а не плаваешь с изумленной физиономией в акульем брюхе по одной лишь единственной причине: потому что от «Стеклянной лозы» осталось только пепелище и никто не знает, что до пожара таверна была ограблена. Никто, кроме нас. Значит, мы все сделаем вид, будто никто из нас о случившемся ведать не ведает, а ты все-таки научишься осторожности, о которой я вам талдычу с утра до вечера. Договорились?

Мальчик кивнул.

– Мне нужны от тебя ловкие мелкие кражи, и ничего больше. Кошелек здесь, кольцо колбасы там. Я хочу, чтобы ты проглотил свое честолубие, высрал его, как переваренную жратву, и на следующую тыщу лет стал обычным юным заманухой. Можешь сделать мне такое одолжение? Не воруй у желтокурточников. Не поджигай таверны. Не устраивай переполохов в городе. Притворись заурядным карманным воришкой, каковыми являются твои братья и сестры. Все ясно?

Локк снова кивнул, постаравшись принять подобающий случаю горестный вид.

– Хорошо. А теперь... – Наставник извлек из кармана почти полную флягу имбирного масла, – мне хотелось бы подкрепить свои наставления делом.

И опять какое-то время – после того, как Локк восстановил способность нормально дышать и говорить, – все шло тихо-гладко.

Но за семьдесят седьмым годом Морганте наступил семьдесят седьмой год Сендовани, и хотя Локку довольно долго удавалось скрывать свои похождения от Воровского наставника, в конце концов он, в одном совсем уже вопиющем случае, снова забыл об осмотрительности.

Когда Воровской наставник понял, что сотворил паршивец на сей раз, он отправился к капе Каморра и оформил у него разрешение на одну маленькую смерть. Однако по зрелом

размышлении старик решил все-таки сперва навеститься к Безглазому священнику, движимый отнюдь не милосердием, но слабой надеждой выгадать хоть самую малость.

7

Небо уже окрасилось тусклым багрянцем, и об ушедшем дне напоминала лишь тающая золотая полоска над западным горизонтом. Локк Ламора плелся в длинной тени Воровского наставника, направлявшегося к храму Переландро, чтобы продать своего подопечного. Наконец-то мальчик понял, куда исчезали старшие дети.

Мощная арка стеклянного моста соединяла северо-западное подножие Сумеречного холма с восточной оконечностью огромного вытянутого Храмового квартала. На самом верху моста Наставник остановился и устремил взгляд на север – за окутанный мраком Тихий квартал и подернутые туманной пеленой воды стремительной Анжевины, на темные роскошные особняки и белокаменные бульвары четырех островов Альсегранте, над которыми вздымались невероятной высоты Пять башен.

Пять башен были самыми приметными сооружениями из Древнего стекла в городе, полном загадочных архитектурных изысков. Меньшая и самая скромная из них, Заревая, имела восемьдесят футов в ширину и четыреста в высоту. Истинный цвет каждой из пяти гладкостенных башен сейчас терялся в багровых отблесках заката, и паутина канатов с грузовыми клетями, протянутая между верхушками величественных строений, едва различалась на фоне рдяного неба.

– Давай постоим здесь немного, дружок, – промолвил Воровской наставник непривычно печальным голосом. – Здесь, на моем мосту. Столь мало людей ходит по нему на Сумеречный холм, что я привык считать его своим.

Ветер Герцога, весь день дувший с Железного моря, уже переменился; в каморрской ночи всегда властвовал береговой Ветер Палача, сырой и теплый, насыщенный запахами возделанных полей и гниющих болот.

– Я с тобой расстаюсь, – после долгой паузы добавил старик. – Прощай навсегда. Очень жаль, что тебе не хватает... здравого смысла, что ли.

Локк молчал, неподвижно глядя на могучие стеклянные башни. Небо за ними быстро тускнело, бледно-голубые звезды становились все ярче, и скоро последние лучи солнца погасли на западе – точно огромный глаз сомкнулся.

Однако, едва над Каморром стала сгущаться ночная тьма, в ней зародился новый свет, поначалу слабый и зыбкий. Он исходил из недр Пяти башен и полупрозрачного моста, на котором стояли старик с мальчиком, и с каждым мгновением набирал силу, разливался все шире, растекался над городом, подобный призрачному дымчатому сиянию пасмурного дня.

Наступил час Лжесвета.

И мощные стены Пяти башен, и громадные стеклянные волнорезы обсидиановой гладкости, и рукотворные рифы под свинцовыми водами моря – каждая грань, каждая поверхность, каждый осколок Древнего стекла в Каморре, каждая крупница неземного строительного материала, в незапамятное время оставленная здесь основателями города, – источали таинственный Лжесвет. Каждый вечер после захода солнца стеклянные мосты обращались размытыми полосами дрожащего света, стеклянные башни, стеклянные мостовые, причудливые сады стеклянных скульптур бледно мерцали лиловым, лазурным, жемчужно-белым, а звезды и луны тускнели в поднебесье.

То был час, когда последние дневные работники расходились по домам, ночная стража заступала в дозор и городские ворота закладывались засовами. Час потустороннего сияния, которое скоро сменится непроглядным ночным мраком.

– Ну ладно, пойдем, – наконец произнес Наставник, и они двое зашагали к Храмовому кварталу, ступая по мягкому неземному свету.

8

Двери каморрских храмов закрывались лишь по истечении часа Лжесвета, и сейчас Безглазый священник старался с толком потратить все оставшееся время, чтобы наполнить медную чашу для пожертвований, стоявшую перед ним на ступенях обветшалого храма Переландро.

– Сироты! – восклицал он зычным голосом, более уместным на бранном поле. – Не все ли мы осиротеваем рано или поздно? Увы, увy всем, оторванным от материнской груди еще в пору младенчества!

Там же на ступенях, с одной и другой стороны от медной чаши, сидели два худых мальчика в белых балахонах с капюшоном – вероятно, сироты. Они пристально следили за мужчинами и женщинами, спешащими по своим делам через квартал богов, и отблески призрачного Лжесвета горели в черных провалах их глаз.

– Увы, увy всем, брошенным жестокой судьбой в мир, где они никому не нужны! – продолжал священник. – Рабами, вот кем они становятся! Рабами, а то и хуже – игрушками для утоления низменных страстей нечестивцев и безбожников, обрекающих несчастных на постыдное, жалкое существование, в сравнении с коим даже рабская участь кажется великим благом!

Локк, никогда прежде не видевший театральных представлений и не слышавший опытных ораторов, так и замер с разинутым ртом. Речи священника дышали жгучим презрением, которое заставило бы и камень обратиться в кипящую воду, дышали страстным укором, от которого к глазам мальчика подступали горячие слезы стыда, хотя он сам был сиротой. Он бы слушал и слушал, как этот громогласный человек кричит на него.

Слава отца Цеппи, Безглазого священника, была столь велика, что даже маленький Локк Ламора уже слышал о нем раньше – об этом вот крепком пожилom мужчине, с грудью шириной с пистолетную конторку и грубым морщинистым лицом, с бородой, похожей на жесткую волосанную мочалку. Плотная белая повязка, закрывающая глаза и лоб; белая полотняная ряса, ниспадающая до голых лодыжек; черные железные кандалы на запястьях. Толстые цепи тянулись от кандалов вверх по ступеням, в глубину храма. Когда отец Цеппи вздымал руки, цепи натягивались почти до предела, а значит, сейчас он находился у самой границы пространства своей свободы.

По слухам, вот уже тринадцать лет отец Цеппи ни разу не ступал дальше крыльца своего храма. В знак всецелой преданности Переландро – богу милосердия, Покровителю сирых и обездоленных – он приковал себя к стене храмового святилища железными цепями без замков и заплатил лекарю за то, чтобы тот прилюдно его ослепил.

– Покровитель сирых и обездоленных неусыпно смотрит за детьми, потерявшими отца и мать, поверьте мне! И всякий, кто не по долгу родства, но по зову сердца оказывает помощь и поддержку несчастным сиротам, благословен в его очах...

Хотя священник был в наглазной повязке, да и вообще слепым (если верить молве), Локк мог поклясться, что он повернул голову к ним с Наставником, когда они двинулись через площадь к храму.

– От чистой благодати души своей они кормят и защищают детей Каморра – не из расчетливой корысти, но из бескорыстной доброты! Воистину благословенны покровители бедных, несчастных сирот Каморра! – патетическим шепотом закончил отец Цеппи.

Воровской наставник стал подниматься по храмовым ступеням, стараясь топтать посильнее, дабы возвестить о своем прибытии.

– Кто-то приближается! – встрепнулся Безглазый священник. – Двое, если мне не изменяет слух.

– Я привел мальчика, о котором мы говорили, отец, – сообщил Наставник достаточно громко, чтобы слышали случайные прохожие. – Я как мог подготовил его к... гм... испытаниям ученичества и посвящения.

Священник шагнул к Локку, волоча за собой гремящие цепи. Мальчики в капюшонах, сторожащие чашу для пожертвований, едва удостоили Локка беглым взглядом и не произнесли ни слова.

– Привел, значит? – Рука отца Цеппи с пугающей точностью взметнулась вперед, и заско-рузные пальцы по-паучьи проворно пробежали по лбу, носу, щекам и подбородку Локка. – Мальчик маленький, похоже. Совсем еще ребенок. Хотя и не без характера, насколько можно судить по исхудалым чертам этого несчастного сиротки.

– Его зовут Локк Ламора, – сказал Воровской наставник. – Надеюсь, в ордене Переландро он найдет полезное применение своей... гм... деятельнейшей предприимчивости.

– Хорошо бы он был еще честным, прямодушным, совестливым и дисциплинированным, – пророкотал священник. – Впрочем, я не сомневаюсь, что за время, проведенное под вашей опекой, малыш перенял от вас все эти замечательные качества. – Он трижды хлопнул в ладоши. – Дети мои! На сегодня с работой покончено. Возьмите сосуд с жертвованиями добрых горожан Каморра, и давайте отведем в храм будущего члена нашего ордена.

Воровской наставник потрепал Локка по плечу и энергично подтолкнул к Безглазому священнику. Когда мальчики в балахонах проносили мимо позвякивающую медную чашу, старик бросил в нее маленький кожаный кошель, после чего театрально раскинул руки и поклонился со змеиной грацией. Обернувшись напоследок, Локк увидел, как Наставник быстро удаляется прочь, широко размахивая кривопалыми руками и вольно покачивая плечами – походкой человека, избавившегося наконец от тяжелой обузы.

9

Святылище храма Переландро оказалось затхлым каменным помещением, с лужами на полу и ветхими гобеленами на стенах, проеденными плесенным грибок до дыр. Освещалось оно лишь бледным Лжесветом да слабым мерцанием матового алхимического шара, ненадежно установленного в скобе прямо над вделанной в стену железной пластиной, к которой крепились цепи Безглазого священника. В дальнем углу Локк разглядел занавешенный дверной проем.

– Кало, Галдо! – сказал отец Цеппи. – Будьте добреньки, позаботьтесь о дверях, а?

Мальчики поставили медную чашу на пол и подошли к одному из гобеленов. Совместными усилиями они отодвинули его в сторону и потянули за ржавые рычаги, скрывавшиеся за ним. В стенах святылища заскрежетал какой-то огромный механизм, и двойные двери храма, распахнутые наружу, начали медленно закрываться, скребя по каменным плитам. Когда створки наконец сомкнулись, алхимический шар внезапно вспыхнул ярким светом.

– А теперь, – промолвил священник, опускаясь на колени между грудями своих цепей, – подойди ко мне, Локк Ламора. Проверим, есть ли у тебя способности, необходимые для служения в этом храме.

Стоя на коленях, он был почти одного роста с Локком. По призывному знаку священника мальчик приблизился и выжидательно остановился. Отец Цеппи наморщил нос:

– Чую, твой бывший хозяин по-прежнему не брезглив к скверному запаху своих подопечных. Впрочем, не важно: телесные запахи – дело поправимое. А сейчас дай-ка мне руки, вот так... – Цеппи мягким, но решительным движением поднес ладошки Локка к своему лицу и положил на белую шелковую повязку. – Так... теперь закрой глаза и сосредоточься... хорошенько сосредоточься. Пусть все твои добродетельные мысли всплывут из глубин ума, пусть тепло твоей благородной души истечет из твоих невинных рук. Да, да... вот так...

Со смешанным чувством испуга и любопытства Локк наблюдал, как по морщинистому лицу отца Цеппи расплывается выражение восторга и рот приоткрывается в счастливом предвкушении.

– Да, да... – хриплым от волнения голосом прошептал священник. – У тебя и впрямь есть способности... особый дар... я чувствую его... Мне кажется, сейчас... ах, сейчас свершится чудо!

В следующий миг Цеппи резко запрокинул голову, и Локк испуганно отпрыгнул назад. Гремя цепями, священник вскинул руки к лицу и картинным жестом сорвал повязку. Мальчик отшатнулся, ожидая увидеть страшные пустые глазницы, однако, к несказанному своему удивлению, увидел самые обычные глаза. Цеппи страдальчески зажмурился от света алхимического шара и потер веки костяшками пальцев.

– О-хо-хо-хо! – прогремел он затем, простирая руки к Локку. – Я исцелен! Я! Снова! Вижу!

Уже второй раз за вечер маленький Ламора застыл на месте с разинутым ртом, не зная, что и сказать. Мальчишки в балахонах сдавленно захихикали у него за спиной, и Локк подозрительно сдвинул брови.

– Так вы... не слепой вовсе, – медленно проговорил он.

– А ты малый смекалистый! – вскричал священник, вскакивая на ноги с такой резвостью, что в коленях у него что-то влажно хрустнуло. Он взмахнул закованными в кандалы руками, точно птица, собирающаяся взлететь. – Кало! Галдо! Снимите с меня эти чертовы железяки, и давайте скорее перечтем благословенные дары дня минувшего!

Мальчишки подбежали к нему и что-то сделали с кандалами (что именно – Локк не понял), после чего оковы разомкнулись и с резким лязгом упали на пол. Цеппи осторожно потер запястья, мертвенно-белые, как мясо свежей рыбы.

– Да вы и не священник вовсе! – поразился Локк.

– О нет, – возразил Цеппи, продолжая растирать постепенно розовеющие запястья. – Я именно что священник, просто служу не Переландро. И послушники мои служат не Переландро. И ты будешь служить не Переландро. Поприветствуй Кало и Галдо Санца, Локк Ламора.

Мальчики откинули капюшоны, и Локк увидел, что они близнецы, годом-двумя старше его и гораздо здоровее на вид. Смуглолицые и черноволосые, как чистокровные каморрцы, но с длинными, чуть крючковатыми носами, для каморрцев нехарактерными. Насмешливо улыбаясь, братья взяли за руки и одновременно поклонились Локку в пояс.

– Э-э... привет, – неуверенно произнес Локк. – И кто из вас кто?

– Сегодня я Галдо, – ответил один из них.

– А завтра я буду Галдо, – сказал другой.

– Или, может, мы оба захотим быть Кало, – добавил первый.

– Со временем, – вмешался в разговор отец Цеппи, – ты научишься различать этих негодников по количеству вмятин, оставленных моим башмаком на их задницах: один из них всегда умудряется опережать другого. – Он встал за спиной Локка и положил ему на плечи тяжелые широкие ладони. – Знакомьтесь, балбесы, это Локк Ламора. Как вы поняли, я только что купил его у вашего прежнего благодетеля, хозяина Сумеречного холма.

– Мы тебя помним, – сообщил предполагаемый Галдо.

– Ты из Горелища, – подхватил предполагаемый Кало.

– Отец Цеппи купил нас вскорости после того, как ты вступил в братство... – ухмыляясь, сказали они хором.

– Хватит валять дурака! – царственным тоном перебил священник. – Вы двое только что вызвались приготовить ужин. Груши и жареная колбаса. Вашему новому брату – двойная порция. Живо за дело! А мы с Локком займемся пожертвованиями.

Хихикая и размахивая руками, близнецы бросились к занавешенному дверному проему и скрылись в нем. Локк услышал, как они топчут, спускаясь по какой-то лестнице. Потом отец Цеппи знаком велел мальчику сесть подле чаши с деньгами.

– Сядь, дружок. Давай поговорим о наших делах. – Священник уселся, скрестив ноги, на сырой пол и задумчиво воззрился на Локка. – Твой бывший хозяин сказал, что ты неплохо знаешь счет. Это правда?

– Да, хозяин.

– Не называй меня «хозяин». Терпеть не могу, аж зубы сводит и яйца скукоживаются. Называй просто «отец Цеппи». А теперь давай посмотрим, как ты переворачиваешь чашу и пересчитываешь все монеты.

Локк попытался опрокинуть медный сосуд набок и сразу понял, почему Кало и Галдо пришлось тащить его вдвоем. Подавшись вперед, Цеппи подтолкнул чашу снизу, и ее содержимое высыпалось на пол рядом с Локком.

– Чем чаша тяжелее, тем умыкнуть труднее, – усмехнулся мужчина.

– Как вы можете... как вы можете притворяться священником? – спросил Локк, раскладывая целые и ломаные медяки по разным кучкам. – Неужто совсем не боитесь богов? Гнева Переландро?

– Боюсь, конечно. – Цеппи прочесал пальцами лопатистую косматую бороду. – Очень даже боюсь. Но я и в самом деле священник, только служу не Переландро. Я посвященный служитель Безымянного Тринадцатого бога – Хранителя воров, Многохитрого Стража, Великого Благодетеля, Отца уловок и плутней.

– Но ведь... богов всего двенадцать.

– Просто диву даешься, сколь широко распространено сие прискорбное заблуждение. Представь, что у Двенадцати богов есть младший брат – паршивая овца в семье, так сказать.

Этакий негодник, покровительствующий вора́м, как ты да я. Хотя Двенадцать старших не позволяют упоминать вслух имя Тринадцатого, все они сыздавна относятся снисходительно к забавной разновидности беззакония, которой он веда́ет. Вот почему старых притворщиков вроде меня, незаконно занявшего храм почтенного бога Переландро, не поражает молния и не разрывает на части толпа.

– И вы священник этого... Тринадцатого?

– Именно так. Священник воров и сам вор. Такими же священниками однажды станут Кало с Галдо – да и ты, возможно, если стоишь хотя бы тех нескольких жалких медяков, что я за тебя заплатил.

– Но если... – Локк вытащил из груды монет кошелек Воровского наставника (ржаво-красный кожаный мешочек) и протянул священнику. – Если вы заплатили за меня, почему мой бывший хозяин оставил вам такое щедрое пожертвование?

– О, будь уверен, я заплатил за тебя, хотя и сущую мелочь. А это не пожертвование. – Цеппи развязал мешочек и вытряхнул на ладонь содержимое – акулий зуб длиной с большой палец Локка. – Видал такой когда-нибудь?

– Нет. А что это?

– Метка смерти. Зуб волчьей акулы – личный знак капы Барсави, повелителя твоего бывшего хозяина. И нашего с тобой повелителя, коли на то пошло. Означает же метка смерти, что ты настолько туполобый, бестолковый и упрямый мальчишка, что твой бывший хозяин пошел к капе и получил у него разрешение тебя убить.

Цеппи ухмыльнулся с таким видом, будто рассказал всего лишь непристойный анекдот, и ничего больше. Локк невольно содрогнулся.

– Не повод ли это остановиться и подумать, дружок? Посмотри внимательно на этот зуб, посмотри хорошенько. Он означает, что за право тебя убить уже заплачено. В придачу к тебе я купил у твоего бывшего хозяина и твою метку смерти. А стало быть, даже если сам герцог Никованте завтра усыновит тебя и объявит своим наследником, я все равно смогу разmozжить тебе башку, а самого приколотить к столбу – и никто во всем городе даже пальцем не шевельнет, чтобы мне помешать.

Цеппи проворно сунул акулий зуб обратно в красный мешочек, а мешочек повесил Локку на шею.

– Будешь носить его, пока я не разрешу снять или не воспользуюсь правом, которое он мне дает, – вот так! – Он чиркнул в воздухе двумя пальцами, наставленными на горло Локка. – Носи его на теле под рубахой как напоминание о том, что сегодня ты, считай, чудом избежал смерти. Будь твой бывший хозяин чуть менее жаден и чуть более мстителен, ты бы уже плавал в заливе с перерезанной глоткой.

– Но чего он на меня взъелся-то?

Цеппи придал своим глазам такое выражение, что Локк мгновенно устыдился своего возмущенного тона и неловко поерзал на месте, крутя в пальцах мешочек с меткой смерти.

– Послушай, дружок, давай не будем недооценивать умственных способностей друг друга. Лишь трех человек на всем белом свете тебе никогда не удастся обмануть: ростовщика, шлюху и родную мать. Ты у нас сирота, и теперь я тебе вместо матери. А значит, меня на кривой не объедешь. – Голос Цеппи звучал очень серьезно. – Ты прекрасно знаешь, почему твой бывший хозяин был тобой недоволен.

– Он сказал, что я... ну, недальновидный.

– Недальновидный, – повторил священник. – Хорошее слово. И да, ты действительно недальновидный. Он мне все рассказал.

Локк поднял на него широко раскрытые глаза, полные слез:

– Все?

– Решительно все. – Несколько долгих мгновений Цеппи буравил мальчика взглядом, потом вздохнул. – Ну ладно. Так сколько же добрые горожане пожертвовали на благое дело Переландро сегодня?

– Двадцать семь медных баронов.

– Хм. То есть чуть больше четырех серебряных солонов. Негусто. Но все равно больше, чем можно наворовать за день любым другим способом.

– Вы крадете жертвенные деньги у Переландро?

– Само собой. Говорю же, я – вор. Только вор не такого рода, с какими ты знался прежде, а гораздо лучше. В Каморре полно болванов, которые заканчивают на виселице потому лишь, что считают, будто воровать можно только руками.

– Э-э... а чем же воруете вы, отец Цеппи?

Бородатый священник легонько постучал себя по виску двумя пальцами и широко ухмыльнулся:

– Острым умом и бойким языком, дружок. Острым умом и бойким языком. Я пристроил свою задницу здесь тринадцать лет назад, и с тех пор благочестивые простаки Каморра исправно снабжают меня деньгами. К тому же слава обо мне идет повсюду – от Эмберлена до Тал-Веррара, что очень приятно, хотя звонкую монету я люблю куда больше славы.

– Но разве вам не тягостно жить здесь? – Локк обвел взглядом убогое каменное помещение. – Никогда не выходить дальше крыльца?

Цеппи усмехнулся:

– Этот жалкий закуток сравнительно с остальным храмом все равно что твое прежнее подземное жилище сравнительно со всем кладбищем. Так вот, Ламора, мы воры иной масти. В своем деле мы полагаемся на умение обмануть, ввести в заблуждение, заморочить голову. Мы не видим необходимости трудиться в поте лица, когда притворством и складной брехней можно заработать гораздо больше.

– Получается, вы на заманух похожи.

– Пожалуй... в том смысле, в каком бочка горячего масла похожа на щепоть красного перца. Вот почему я купил тебя, дружок, даром что здравомыслия в тебе не больше, чем в морковном корешке. Ты врешь как дышишь. Ты изворотлив, как акробат. Думаю, я смогу сделать из тебя мастера воровского дела, если ты заслужишь мое доверие.

Священник устремил на Локка пытливый взгляд, и мальчик понял, что нужно что-то сказать.

– Мне бы очень этого хотелось, – прошептал он. – А что я должен делать?

– Для начала расскажи о том, что ты творил на Сумеречном холме. Обо всех своих безобразиях, которыми довел своего бывшего хозяина до белого каления.

– Но... вы же и так все знаете.

– Знаю, но хочу выслушать тебя. Давай все как на духу, внятно и четко, без умолчаний и лишних отступлений. Если попытаешься скрыть что-то важное, мне не останется ничего другого, как счесть тебя недостойным доверия и осуществить свое право, подтверждение которого висит у тебя на шее.

– А с чего мне начать? – спросил Локк чуть дрогнувшим голосом.

– С последних своих проступков. На Сумеречном холме есть один закон, подлежащий неукоснительному соблюдению, однако твой бывший хозяин сказал, что ты нарушил его дважды, самонадеянно полагая, что тебе удастся выйти сухим из воды.

Локк густо покраснел и уставился на свои руки.

– Ну, рассказывай. По словам Воровского наставника, ты подстроил убийство двух своих собратьев и он догадался о твоей причастности к делу только после второго убийства. – Цеппи сложил ладони домиком и невозмутимо воззрился на мальчика с меткой смерти на шее. – Я

хочу знать, почему ты их убил. Я хочу знать, как ты их убил. И хочу услышать это из твоих уст, прямо сейчас.

Часть I. План

*Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать «Я рад!» – когда на сердце скорбь,
И увлажнять слезой притворной щеки,
И принимать любое выраженье.*

Генрих VI. Акт III¹

Глава 1 Облапошить дона Сальвару

1

Локк Ламора твердо держался следующего практического правила: перед всяким крупным мошенничеством необходимо потратить три месяца на планирование, три недели на непосредственную подготовку и три секунды на то, чтобы навсегда завоевать или потерять доверие жертвы. На сей раз он собирался провести решающие три секунды, картинно задыхаясь в наброшенной на шею удавке.

Локк стоял на коленях, с трижды обвитой вокруг шеи пеньковой веревкой, концы которой держал Кало, стоявший у него за спиной. Грубая веревка выглядела устрашающе, и после нее на горле останутся весьма убедительные красные полосы. Разумеется, любой настоящий каморрский убийца, вышедший из сопливого возраста, воспользовался бы для своей цели проволокой или тонким шелковым шнуром (чтобы сильнее передавить дыхательные пути). Однако, если дон Лоренцо Сальвара с расстояния тридцати шагов сумеет отличить поддельное удушение от настоящего, значит они здорово недооценили человека, которого намеревались обокрасть, и вся затея с треском провалится.

– Ну что, не видать его еще? И Клоп не подает сигнала? – чуть слышно прошипел Локк, после чего издал несколько выразительных булькающих звуков.

– Ни Клопа, ни дона Сальвары. Дышать-то можешь?

– Все в порядке, – прохрипел Локк. – Только трясина меня покрепче, для пущей достоверности.

Они находились в тупиковом проулке за старым храмом Благоприятных Вод; из-за высокой оштукатуренной стены доносился шум священных храмовых водопадов. Локк снова схватился обеими руками за обмотанную вокруг шеи веревку и покосился на Усмирленную лошадь, навьюченную внушительными товарными тюками. Бедная бессловесная животина стояла чуть поодаль, уставившись на него немигающими молочно-белыми глазами, в которых не отражалось ни любопытства, ни страха. Даже если бы Локка душили по-настоящему, она бы и ухом не повела.

Текли драгоценные секунды. Солнце стояло высоко в безоблачном, опаленном жаром небе, и вязкая грязь липла к штанинам Локка, точно сырой строительный раствор. Рядом, в той же густой грязной жиже, лежал Жан Таннен, а Галдо делал вид, будто крушит ему ребра

¹ Перевод Е. Бируковой.

ногами. Вот уже добрую минуту один близнец приплясывал возле Жана, а другой «душил» Локка.

Дон Сальвара вот-вот должен был показаться из-за угла и (если все пойдет по плану) броситься в проулок, чтобы спасти Локка и Жана от «грабителей». А заодно уже и от скуки.

– Да где же Сальвара, будь он неладен? – прошипел Кало на ухо Локку, грозно хмурясь, чтобы со стороны казалось, будто он чего-то требует. – И куда Клоп запропастился? Мы не можем торчать здесь весь день: мимо чертова проулка и другие люди ходят.

– Души меня, не отвлекайся, – прошептал Локк. – Думай о двадцати тысячах крон и души меня. Я готов хоть до ночи хрипеть и задыхаться, коли понадобится.

2

Утром того дня все шло замечательно, даже несмотря на нервическую раздражительность юного воришки, впервые допущенного к участию в крупном деле.

– Да помню я, где должен находиться, когда все начнется! – Клоп страдальчески закатил глаза. – Я ж на той крыше проторчал больше времени, чем в мамкиной утробе!

Жан Таннен свесил правую руку в теплую воду канала и откусил от кислого болотного яблока, зажатого в левой руке. Он расслабленно полулежал в носу плоскодонной барки в розовом свете раннего утра, удобно разместив между бортами свое двухсотдвадцатифунтовое тело – живот бочонком, мощные плечи, кривые ноги и все прочее. Кроме него, в пустой барке находился один только Клоп – долговязый лохматый паренек лет двенадцати, орудовавший шестом на корме.

– Мамке твоей, понятно, не терпелось поскорее от тебя избавиться. – Голос Жана, мягкий и ровный, никак не вязался с его грозной наружностью и подобал бы скорее учителю музыки или переписчику свитков. – А у нас такой цели нет. Посему сделай милость, позволь мне еще раз удостовериться, что ты уяснил все до последней мелочи.

– Черт! – ругнулся Клоп, налегая на шест и с усилием толкая барку против медленного течения. – Ты, Локк, Кало и Галдо ждете в проулке между храмом Благоприятных Вод и садами храма Нары, так? Я сижу на крыше храма через дорогу.

– Продолжай, – невнятно проговорил Жан, жуя яблоко. – Где находится дон Сальвара?

Мимо них, рассекая мутные от глины воды канала, проплывали другие барки, тяжело нагруженные самым разным товаром – от бочек с пивом до мычащих коров. Клоп толкал плоскодонку на север по Виа Каморрацца – главному водному пути Каморра, ведущему к Плаву-чему рынку, а огромный город вокруг них постепенно пробуждался.

Кривобокие каменные бараки с мокрыми от ночной сырости стенами извергали своих обитателей на свет солнца, с каждой минутой пригревавшего все сильнее. Стоял летний месяц парфис, а значит, влажный туман испарений, висящий над улицами, скоро бесследно рассеется, оставив город во власти сухой раскаленной жары.

– Около полудня он выйдет из храма Благоприятных Вод, как делает в каждый Покаянный день. Если нам повезет, с ним будет слуга и две лошади.

– Странный обычай, – сказал Жан. – Зачем он туда таскается?

– Выполняет последнюю волю своей матери. – Клоп уперся шестом в дно, поднатужился и толкнул барку еще немного вперед. – Она сохранила вадранскую веру, когда вышла замуж за старого дона Сальваро. Поэтому теперь раз в неделю дон Лоренцо оставляет в вадранском храме жертвоприношение и спешит поскорее вернуться домой, чтоб не привлекать к себе лишнего внимания. Черт возьми, Жан, да знаю я всю эту дребедень! Чего я здесь делаю, спрашивается, если ты мне не доверяешь? И вообще, почему именно я должен толкать эту паршивую барку всю дорогу до рынка?

– О, можешь бросить шест хоть сейчас, если одолеешь меня в кулачном бою, в трех схватках из пяти. – Жан оскалил в ухмылке кривые сколотые зубы отъявленного драчуна, которые были вполне под стать лицу, выглядевшему так, будто в свое время какой-то неумелый кузнец бил по нему молотом, пытаясь придать чертам более правильную форму. – Кроме того, ты еще только учишься почетному воровскому ремеслу под наставничеством самых искусных и самых требовательных мастеров, каких только можно сыскать. Любая черная работа чрезвычайно полезна для твоего нравственного воспитания.

– Что-то я не припомню, чтобы вы особо занимались моим нравственным воспитанием.

– Правда твоя. Это потому, наверное, что мы с Локком до недавних пор и о своей-то нравственности не слишком заботились. Что же до того, почему мы с тобой еще раз повторяем весь план, то позволь напомнить тебе: одна-единственная оплошность – и участь вон тех бедолаг покажется нам завидной по сравнению с нашей скорбной участью.

Жан показал пальцем на телегу с огромным помойным баком, стоящую на набережной канала в ожидании, когда из верхнего окна кабака хлынет темная струя нечистот. Такие телеги-дерьмовозы обслуживались мелкими преступниками, провинившимися перед законом не настолько тяжело, чтобы содержаться в строгом заточении во Дворце Терпения. В защитных кожаных накидках до пят, прикованные цепями к своим телегам, они по утрам выходили из ворот темницы, чтобы наслаждаться солнечным светом каждую свободную минуту, когда они не проклинали на все лады сомнительную меткость тысяч каморрцев, опорожнявших свои ночные горшки.

– Я не оплошаю, Жан! – Клоп пошарил в уме, точно в пустом кармане, отчаянно пытаясь найти достаточно внушительные слова, чтобы выглядеть таким же спокойным и уверенным, как Жан и все остальные Благородные Канальи. Но у большинства двенадцатилетних мальчишек язык далеко опережает мысли. – Просто не оплошаю, и все, поверь!

– Молодец, – кивнул Жан. – Рад это слышать. Но в чем именно ты не оплошаешь?

Клоп вздохнул:

– Я подаю знак, когда Сальвара выходит из храма Благоприятных Вод. Я во все глаза слежу, не идет ли кто – особенно стражники – в сторону вашего проулка. А если вдруг кто появится, я живо спрыгну с крыши и мечом поотрубаю им бошки.

– Что-что ты сделаешь?

– Любым способом отвлеку их внимание. Ты оглох, что ли, Жан?

Слева от них проплывала череда счетных домов – с мраморными фасадами, полированными резными дверями, шелковыми навесами и прочими приметами роскоши. Деньги и власть прочно обосновались в трех-четырёхэтажных зданиях квартала Златохватов. Этот старейший и богатейший финансовый квартал на континенте славился могуществом и замысловатыми ритуалами не меньше, чем стеклянные громады Пяти башен, где обособленно от своего города жили правители – герцог и Великие семейства.

– Сворачивай к берегу под мостами. – Жан неопределенно махнул обгрызенным яблоком. – Там нас поджидает его милость.

Ровно в середине набережной Златохватов через Виа Каморрацца были перекинута две стеклянные арки, одна повыше, другая пониже: узкий пешеходный мост и широкий мост для повозок. Сверкающие сооружения из цельного неземного стекла были подобны расплавленным алмазам, которые чьи-то гигантские руки растянули, плавно изогнули и оставили затвердевать над каналом. Справа лежал берег Фаурии – густонаселенного острова, тесно застроенного многоярусными каменными домами с висячими садами. У самой набережной, взбивая белую пену, крутились деревянные лопастные колеса – они подавали воду наверх, в сеть желобов и виадуков, пролежавших над улицами Фаурии на всех уровнях.

Клоп подвел барку к хлипкому причалу под пешеходным мостом, и из бледной, полупрозрачной тени стеклянной арки выступил мужчина, одетый (как и Жан с Клопом) в поношенные

кожаные штаны и грубую полотняную рубаху. Он спрыгнул на причал, а оттуда легко соскочил в барку, едва колыхнувшуюся под ним.

– Приветствую вас, господин Жан Таннен, и от души поздравляю с тем, что вам в кои-то веки удалось прибыть без опоздания.

– Приветствую вас, господин Ламора, и выражаю глубочайшее восхищение ловкостью и изяществом, с какими вы сошли на борт нашего скромного судна. – После этих слов Жан отправил в рот огрызок яблока вместе с черенком и принялся жевать с влажным хрустом.

– Фу, гадость! – Локк Ламора скорчил гримасу отвращения. – Ну зачем жрать такую дрянь, а? Ты же знаешь, что из семечек этих поганых яблок черные алхимики изготавливают яд для рыбы.

– Мое счастье, что я не рыба, – ухмыльнулся Жан, проглотив пережеванную кашу.

Локк имел внешность среднюю во всех отношениях: средний рост, среднее телосложение, средней длины волосы средне-темного цвета, лицо не особо привлекательное и совсем незапоминающееся. Единственной приметной его чертой были ясные серые глаза. Сейчас он выглядел обычным теринцем (хотя не таким смуглым и румяным, как Жан и Клоп), но при другом освещении вполне мог сойти за сильно загорелого вадранца. Когда бы боги задумали создать человека, которого никто не замечает и не запоминает, они дали бы ему такую вот наружность. Локк присел на левый борт и закинул ногу на ногу:

– И тебе привет, Клоп! Я знал, что ты сжалишься над своими старшими товарищами и позволишь им греться на солнышке, пока сам работаешь шестом.

– Жан – наглый старый лентяй, вот он кто, – проворчал Клоп. – А если я откажусь толкать барку, он мне все зубы повышибает.

– Жан – добрейшая душа во всем Каморре, и твои обвинения глубоко его ранят. Теперь он проплачет всю ночь, глаз не сомкнет.

– Я в любом случае по ночам не смыкаю глаз, – добавил Жан. – Плачу от ревматических болей да свечи жгу, чтобы прогнать вредоносную сырость.

– Не сказать, правда, что днем наши бедные кости не скрипят, – вздохнул Локк, растирая колени. – Мы ведь вдвое тебя старше – весьма почтенный возраст для представителей нашего ремесла.

– На этой неделе служители Азы Гийи шесть раз пытались совершить надо мной заупокойный обряд, – пожаловался Жан. – Тебе повезло, что мы с Локком еще достаточно бодры, чтобы взять тебя с собой на дело.

Сторонний наблюдатель принял бы Локка, Жана и Клопа за команду наемной барки, направляющейся за грузом к рынку, расположенному в слиянии Виа Каморрацца и Анжевины. Чем дальше они продвигались вперед, тем больше становилось вокруг грузовых барок, длинных черных челнов и утлых суденышек разного рода, из которых иные еле держались на плаву.

– Кстати, о деле, – сказал Локк. – Хорошо ли наш прилежный юный ученик уяснил свою роль в общем ходе событий?

– Да я сто раз уже повторил весь план Жану, – пробурчал Клоп.

– И каков результат?

– Запомнил все в полной точности.

Клоп со всей силы налег на шест, направляя барку в узкий просвет между двумя высокобортными плавучими садами. Когда они всплыли под свисающие ветви, на них волной накопился аромат жасмина и апельсиновых деревьев. Бдительный охранник одного из плавучих садов перегнулся через борт, держа наготове шест, чтобы оттолкнуть барку при необходимости. Очевидно, большие суда везли саженцы для сада какого-то аристократа.

– До мельчайшей мелочи запомнил, и я вас не подведу, обещаю. Где сидеть, куда смотреть, когда знак подавать – все знаю. Я не подведу!

3

Кало тряс Локка с подлинным рвением, и Локк изображал жертву просто мастерски, но томительно текли секунды, а дон Сальвара все не показывался. В своей бесконечной, однообразной пантомиме они четверо являли собой подобие живой картины, представляющей страдания грешников в одном из изошренных адов, описанных в теринской теологии: два грабителя, обреченные до скончания веков душить и избивать своих жертв, которые никогда не испустят дух и никогда не отдадут деньги.

– Мне все тревожнее становится, а тебе? – тихо проговорил Кало.

– Не отвлекайся от дела, – прошипел Локк. – Нельзя одновременно молиться и душить человека.

Внезапно откуда-то справа раздался пронзительный мальчишеский вопль, отразившийся эхом от булыжных мостовых и каменных стен Храмового квартала. Потом слышались громкие крики и тяжелые поскрипывающие шаги мужчин в боевом облачении – но шум удалялся от проулка.

– Похоже, Клоп орал, – выдохнул Локк.

– Надеюсь, он просто отвлекает внимание, – прошептал Кало, на секунду ослабив удавку.

В следующий миг над ними, на фоне узкой полоски неба между высокими стенами проулка, промелькнула неясная темная тень.

– Черт, а это еще что такое? – спросил Кало.

Справа опять донесся вопль.

4

Барка с Клопом, Локком и Жаном достигла Плавучего рынка точно в намеченное время, когда стеклянные ветряные колокольцы на западной дозорной башне, освобожденные от креплений, закачались на легком морском ветру и прозвонили одиннадцать часов.

Плавучим рынком называлось сравнительно спокойное озеро в самом центре Каморра, имевшее около трехсот ярдов в поперечнике. Оно было защищено от стремительного течения Анжевины и окружающих каналов рядами каменных волнорезов, и воду в нем возмущали лишь сотни торговых судов и суденышек, которые медленно двигались по кругу противосолонь, стараясь найти выгодные места у широких плоских волнорезов, где толпились покупатели и зеваки.

Городские стражники в горчично-желтых плащах плавали взад-вперед на черных остроносых челнах с закованными в цепи гребцами, узниками из Дворца Терпения, и с помощью длинных шестов и площадной брани расчищали проходы в хаотичной круговерти рынка. По проложенным водным коридорам медленной вереницей шли прогулочные барки знати, тяжело груженные барки купцов и порожние барки вроде той, в которой трое Благородных Каналий плыли сейчас через шумное море человеческой алчности и надежды.

Они миновали нескольких мелочных торговцев в утлых грязно-серых лодчонках; потом продавца пряностей, разложившего свой товар на стойке посередине неуклюжей круглой плоскодонки-вертолы; потом Канальное дерево, покачивавшееся на громадном плоту из надутых кожаных мешков. Погруженные в воду длинные корни пили мочу и прочие зловонные выделения большого города; развесистая изумрудно-зеленая крона роняла узорчатую тень и струила цитрусовый аромат. За деревом присматривали средних лет женщина и трое ребятишек, которые юрко сновали среди ветвей и по требованию кидали в проходящие мимо барки лаймы или лимоны (ибо на этом гибридном дереве, выведенном алхимиками, произрастали плоды обоого вида).

Над торговыми судами всех мастей реяли флаги, вымпелы и шелковые знамена, соперничающие друг с другом в умении привлечь внимание покупателей яркостью красок. На флагах помещались грубые изображения рыб и птиц, пивных кружек и винных кувшинов, хлебных ковриг и фруктов, башмаков и штанов, портновских иголок с ниткой, плотницких инструментов, предметов кухонной утвари и разных других товаров. Там и сям в скопищах лодок под флагами с цыплятами или плотов под флагами с башмаками разгорались нешуточные битвы за покупателей: каждый торговец громко нахваливал свой товар или последними словами честил соседа: мол, и жена его шлюха, и дети ушлепки. Челны же стражников тем временем держались на разумном расстоянии от них, готовые вмешаться в дело, если вдруг кто-нибудь начнет тонуть или пойдет на абордаж.

– До чего ж порой обидно притворяться бедняками, – вздохнул Локк, мечтательно озираясь кругом.

Клоп тоже с удовольствием поглазел бы по сторонам, не будь он сейчас поглощен попытками избежать столкновения. Впереди, им наперерез, медленно шла барка, груженная деревянными клетками с воющими кошками; над ней развевался голубой вымпел с мастерски выполненным изображением мертвой мыши, из чьего разорванного горла струилась алая кровь.

– Есть в этом месте что-то необъяснимое, – задумчиво продолжал Локк. – Я почти готов убедить себя, что мне позарез нужны два фунта рыбы, пара-другая тетив, старые башмаки и новая лопата.

– К счастью для нас, мы уже приближаемся к следующей важной вехе на нашем пути к огромной куче денег. – Жан указал рукой за северо-восточный волнорез рынка, на ряд богатых гостиниц и таверн, отделяющий рынок от Храмового квартала.

– Ты, как всегда, прав. Алчность превышает праздных мечтаний. Не позволяй нам отвлекаться от дела. – Локк воодушевленно (хотя и без всякой надобности) показал пальцем туда же, куда указывал Жан. – Клоп! Выходи в реку и поворачивай направо. Один из близнецов поджидает нас у гостиницы «Фрегат», третьей по счету на южном берегу.

Клоп стал толкать барку на север, с трудом доставая шестом до дна, ибо «рыночное» озеро было раза в полтора раза глубже, чем все окружающие каналы. Пока они медленно лавировали между чрезмерно усердными продавцами грейпфрутов, пирожков с мясом и алхимических осветительных палочек, Локк с Жаном развлекались своей любимой игрой – высматривали юных карманников в толпах на волнорезах. Вот уже почти двадцать лет минуло с тех пор, как они навсегда покинули сырые подземелья Сумеречного холма, а ротозейство каморрцев по-прежнему кормило дряхлого Воровского наставника.

Как только барка покинула спокойные воды рынка и вышла в реку, Клоп и Жан без слов поменялись местами. Чтобы тягаться на равных с быстрым течением Анжевины, требовалась недюжинная сила Жана, а Клопу следовало хорошенько отдохнуть перед делом. Когда Клоп устало уселся в носу барки, Локк неведь откуда достал коричный лимон и кинул мальчишке. Тот в несколько укусов съел плод вместе с сухой кожурой и косточками, нарочито комично пережевывая красновато-желтую мякоть кривоватыми белыми зубами, а потом широко ухмыльнулся:

– Из них ведь не делают яда для рыбы, верно?

– Верно, – кивнул Локк. – Яд изготавливают только из той дряни, которую жрет мой друг.

– От рыбьего яда в малых дозах волосы на груди растут, – проворчал Жан. – Если только ты не рыба, конечно.

Он вел барку вдоль самого берега, где шест свободно доставал до дна, и, когда они проплывали под мостами, жемчужно-белые потоки преломленного стеклом света слепили и обжигали. От быстротечной реки, имевшей в ширину двести ярдов, поднимались влажные испарения вместе с запахами ила и рыбы.

К северу от них дрожали и струились в знойном мареве склоны островов Альсегранте, где обитали самые состоятельные простолюдины Каморра и низшая знать. То было царство роскошных садов, скульптурных фонтанов и белокаменных особняков, к которому людей, одетых, как Локк, Жан и Клоп, и близко не подпускали. Сейчас, когда солнце приближалось к зениту, огромные тени Пяти башен отползли в Верхний город и лежали на северных берегах Альсегранте подобием тускло-розовых бликов от витражного стекла.

– Славный все-таки город наш Каморр, – негромко произнес Локк, барабанив пальцами по бедрам. – Порой мне думается, что он возник единственно потому, что преступления любезны сердцу богов. Карманники крадут у простых людей, торговцы обирают всякого, кого сумеют одурачить, капа Барсави грабит и грабителей, и простой народ, мелкая знать грабит почти всех, а герцог Никованте время от времени выступает со своим войском и беспощадно грабит Тал-Веррар и Джерем, не говоря уже о том, что он творит с собственными подданными всех званий.

– Выходит, мы грабим грабителей, которые работают на грабителя, грабящего всех остальных грабителей, – сказал Клоп.

– Да, мы и впрямь несколько портим эту благостную картину. – Локк ненадолго задумался, тихо прищелкивая языком. – Считай, что мы просто... э-э... тайно взимаем налоги со знатных господ, у которых денег с избытком, а благоразумия не хватает. Ага, вот мы и прибыли.

Под гостиницей «Фрегат» находился длинный ухоженный причал с дюжиной швартовых тумб, в настоящее время пустующий. Гладкая серая стенка набережной поднималась над уровнем воды футов на десять; наверх вели широкие каменные ступени и мощный пандус для лошадей и грузов. На краю причала ждал Кало Санца, одетый лишь немногим лучше, чем его товарищи, а позади него спокойно стояла Усмирённая лошадь.

– Эй, как у вас дела? – крикнул Локк, помахав рукой.

Жан ловко и уверенно толкал шестом барку – до причала оставалось двадцать ярдов, потом десять, и вот они уже плавно скользили вдоль него, легко скребя бортом по краю настила.

– Галдо уже притащил все в комнату – это Бушпритный номер на втором этаже, – приглушенным голосом сообщил Кало, наклоняясь за причальным канатом барки.

У него была густо-смуглая кожа, волосы чернее ночи и темные глаза с морщинками от смеха в уголках (хотя любой, кто знал близнецов Санца, сказал бы, что не от смеха, а от вечных дурацких ухмылок). Его невероятно острый крючковатый нос воинственно выдавался вперед, точно взятый на изготовку кинжал.

Привязав барку к швартовой тумбе, Кало бросил Локку увесистый железный ключ на плетеном шнуре из красных и черных шелковых нитей. В приличных гостиницах вроде «Фрегата» каждый номер запирался на хитроумный съемный замок, вставленный в специальное гнездо в двери (извлечь его оттуда мог лишь хозяин заведения одному ему известным способом). Всякий раз, когда в комнату заселялся новый постоялец, дверь оснащалась другим, случайно выбранным замком, к которому прилагался соответствующий ключ. Поскольку за полированной стойкой в приемном зале хранились сотни таких одинаковых с виду замков, представлялось совершенно очевидным, что изготавливать дубликаты ключей с целью последующего ограбления номера – только время зря тратить.

Эта замечательная предохранительная мера позволит также Локку с Жаном надежно укрыться от посторонних глаз, чтобы быстро переменить обличье.

– Прекрасно! – Локк выпрыгнул на причал с той же ловкостью, с какой немногим ранее соскочил в барку; Жан отдал шест Клопу и прыгнул следом за товарищем, сотрясши судно мощным толчком ногой. – Пойдем же пригласим на выход наших эмберленских гостей.

Локк и Жан зашагали вверх по ступеням, а Кало знаком велел Клопу помочь ему с лошадью. Белоглазое животное было напрочь лишено и страха, и деятельной воли, но именно в силу полного отсутствия инстинкта самосохранения представляло опасность как для барки, так и для себя самого. После нескольких минут совместных усилий, толкающих и тянущих, Кало

с Клопом наконец завели кобылу в барку и поставили ровно посередине, где она и осталась неподвижно стоять, точно каменное изваяние, по странному случаю наделенное легкими.

– Прелестное создание, – сказал Кало. – Я бы назвал ее Препоной. Ее можно использовать в качестве стола. Или арочного устоя.

– У меня от Усмиранных мурашки по спине, – поежился Клоп.

– А у меня здоровенные мураши, с кулак размером. Но неопытные новички и безголо-вые дурни предпочитают иметь дело с Усмиранными лошадьми, а наш славный эмберленский торговец как раз и неумен, и неискушен.

Прошло несколько минут. Кало и Клоп стояли в дружелюбном молчании под нещадно палящим солнцем. Со стороны они выглядели обычными перевозчиками, ждущими у своей барки важного пассажира, который вот-вот должен появиться из недр гостиницы. В скором времени означенный пассажир спустился по ступеням на причал и дважды кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

Это был Локк, разумеется, но разительно изменившийся внешне: волосы зализаны назад с помощью розового масла; скулы словно бы заострились, а щеки запали глубже; глаза наполовину скрываются за круглыми очками в оправе из черного перламутра, отсверкивающими серебром на солнце.

Теперь на нем был наглухо застегнутый черный камзол эмберленского фасона, плотно облегающий тело в верхней части и расширяющийся от пояса книзу. Талию охватывали два черных кожаных ремня с блестящими серебряными пряжками. Из-за воротника ниспадало черное шелковое жабо, легко трепыхавшееся на горячем ветерке. На ногах были расшитые серые чулки и башмаки из акульей кожи – на толстом каблуке, с длинными узкими язычками, которые нелепо загибались вперед и поникло висели над ступнями. На лбу у Локка уже выступили бисеринки пота, ибо знойное каморрское лето ни в коей мере не потворствовало проникновению в город чужеземной моды, рассчитанной на более прохладный климат.

– Меня зовут Лукас Фервайт, – произнес Локк Ламора отрывистым четким голосом, лишенным привычных модуляций. К своему родному каморрскому говору, сейчас слегка искаженному, он добавил толику жестковатого вадранского акцента – так работник за питейной стойкой смешивает в стакане разные напитки. – На мне одежда, которая через считанные минуты насквозь промокнет от пота. Я достаточно глуп, чтобы разгуливать по улицам Каморра безо всякого оружия. И к тому же, – добавил он с нескрываемым сожалением, – я полностью вымышленный персонаж.

– От всей души вам сочувствую, господин Фервайт, – промолвил Кало. – Но в утешение спешу доложить, что и барка, и лошадь готовы к вашему важному путешествию.

Локк медленно двинулся к краю причала, чуть покачиваясь всем телом, как человек, совсем недавно сошедший с корабля и еще не привыкший ступать по поверхностям, которые не колеблются под ногами. Неестественно прямая спина, скованная чопорность движений – он облекся в манерные повадки Лукаса Фервайта, словно в незримый костюм.

– Мой спутник вот-вот присоединится к нам, – сообщил Локк – Фервайт, осторожно слезая в барку, один в двух лицах. – Его зовут Грауманн, и он тоже обнаруживает признаки вымышленности.

– Боги милосердные, – сказал Кало. – Должно быть, это заразно.

И вот наконец по мощеному скату грузной поступью сошел Жан, обремененный поскрипывающей конской сбруей и битком набитыми кожаными тюками общим весом сто двадцать фунтов. Он был в черном камзоле нараспашку, белой шелковой рубаше, туго натянутой на животе и местами уже прозрачной от пота, и в белом же шейном платке. Расчесанные на прямой пробор и густо смазанные маслом волосы Жана, и всегда-то не ахти какие живописные, сейчас напоминали две пухлые подушки, пристроенные на голову подобием двускатной крыши.

– Мы опаздываем, Грауманн. – Локк раздраженно заложил руки за спину. – Извольте поторопиться и предоставьте бедной лошади выполнять ее работу.

Жан взвалил ношу на спину Усмирённой кобылы, не обратившей на сей факт ни малейшего внимания, и крепко затянул подпругу. Клоп передал шест Кало, отвязал причальный канат от тумбы, и они вновь тронулись в путь.

– Вот будет забавно, если сегодня дон Сальвара вдруг решит отступить от заведенного обычая, – сказал Кало.

– Не волнуйся. – Сейчас Локк говорил обычным своим голосом, хотя и сохранял горделивую осанку Лукаса Фервайта. – Он свято чтит память своей матери. Зачастую совесть надежнее водяных часов, когда речь идет о выполнении последней воли.

– Твои бы слова да богам в уши, – отозвался Кало, легко и весело орудуя шестом. – А если ты все-таки ошибаешься, меня-то не убудет. Это ж тебе приходится по жаре париться в черном шерстяном камзоле весом добрых десять фунтов.

Поднявшись вверх по Анжеvine до западной границы Храмового квартала, они проплыли под широким стеклянным мостом, на котором стоял худой темноволосый мужчина, как две капли воды похожий на Кало.

Когда барка заходила под мост, Галдо Санца как бы случайно выронил недоеденное красное яблоко, и оно с тихим всплеском упало в воду всего в паре ярдов позади кормы.

– Сальвара в храме! – воскликнул Клоп.

– Превосходно! – Локк с усмешкой развел руки в стороны. – Я же говорил, что он страдает обостренным чувством сыновнего долга.

– Как хорошо, что своими жертвами ты выбираешь только носителей высоких нравственных устоев, – сказал Кало. – Любые другие служили бы дурным примером для Клопа.

Буквально через минуту они достигли длинного общественного причала, расположенного на северо-западном берегу Храмового квартала, прямо под огромным новым храмом Иона, Отца штормов, Повелителя Алчных вод. Там Жан с похвальной быстротой пришвартовал барку и вывел из нее Препону, которая по всем статьям выглядела как навьюченная товаром лошадь богатого купца.

За ним последовал Локк, полностью в образе надменного и раздражительного Фервайта; вся шутивая веселость в нем разом угасла, точно задутая ветром свеча. Клоп стрелой помчался через людную набережную, спеша поскорее занять свою наблюдательную позицию над входом в тупиковый проулок, где в скором времени тщеславие дон Сальвары подвергнется жестокому искушению. Кало нашел взглядом своего брата, сходящего с моста, и неторопливо двинулся к нему. Оба близнеца безотчетно потрагивали оружие, спрятанное под мешковатыми рубашками.

Ко времени, когда братья Санца встретились и в ногу зашагали к условленному месту встречи у храма Благоприятных Вод, Локк и Жан уже приближались к нему с противоположной стороны. Дело завершилось.

В четвертый раз за последние четыре года Благородные Каналы, в нарушение самого незыблемого закона каморрского преступного мира, взяли на прицел одного из влиятельнейших людей в городе. Они направлялись на встречу, в результате которой дон Лоренцо Сальвара мог лишиться почти половины своего состояния. Теперь все зависело от пунктуальности намеченной жертвы.

5

С крыши храма Клоп должен был первым увидеть пеший патруль; это предусматривалось планом. Появление пешего патруля планом тоже предусматривалось и означало, что план провалился.

– Ты будешь нашими глазами, Клоп, – объяснил Локк. – Мы поджидаем Сальвару на самой пустынной улице Храмового квартала, любой наземный наблюдатель там будет виден за милю. Другое дело – мальчишка, затаившийся на высоте двух этажей.

– А кого мне высматривать-то?

– Да любого и всякого, не имеет значения. Герцога Никованте и Ночных дозорщиков. Повелителя Семи Сущностей. Старушку с навозной тачкой. Одним словом, как только заметишь кого-нибудь на улице – мигом подаешь сигнал. Простых горожан, возможно, ты сумеешь так или иначе отвлечь. Если же появятся стражники... ну, тогда нам придется либо изображать невинность, либо улепетывать со всех ног.

И вот сейчас шестеро мужчин в горчично-желтых плащах и в полном боевом снаряжении, с дубинками и зловеще бряцающими клинками на двойных поясных ремнях, неторопливо шагали по улице с юга и уже находились в нескольких десятках ярдов от храма Благоприятных Вод. Они неминуемо пройдут прямо у выхода из проулка, где разыгрывается сцена ограбления. Даже если Клоп сию же секунду условным криком предупредит товарищей об опасности и Кало, положим, успеет спрятать веревку-удавку, Локк и Жан все равно будут перепачканы в грязи, а близнецы все равно будут наряжены как театральные разбойники, да еще и с платками на лицах в довершение ко всему. Изобразить невинность уже всяко не получится; если сейчас Клоп подаст сигнал, им останется только улепетывать со всех ног.

Еще ни разу в жизни Клопу не приходилось соображать столь быстро. Сердце частило так, что казалось, будто кто-то перелистывает веером книжные страницы у него в груди. Он должен сохранять спокойствие и сосредоточенность, должен найти выход из положения. Как там любит повторять Локк? Рассматривай все возможности! Он должен выбрать один из возможных вариантов действий.

Но выбирать-то не из чего. Двенадцатилетний мальчишка, скорчившийся под кустом в одичалом саду на крыше заброшенного храма. У него ни дальнобойного оружия какого-нибудь, ни вообще ничего, чем можно отвлечь внимание. Дон Сальвара все еще свидетельствует почтение богам своей матери в храме Благоприятных Вод, и единственные люди в поле видимости Клопа – четверо Благородных Каналий да обливающиеся потом патрульные стражники, которые вот-вот испортят все дело.

Хотя...

В двадцати футах под ним и шестью футами правее, у самой стены ветхого здания, на крыше которого он прятался, лежала куча мусора. Полусгнившие джутовые мешки вперемешку с какой-то бурой дрянью.

Конечно, самое благоразумное сейчас – предупредить товарищей об опасности, чтобы те успели дать деру. В конце концов, Кало и Галдо не впервой играть в догонялки с желтокурточниками. Можно ведь и отложить все на неделю. Но с другой стороны – вдруг сегодняшняя неудачная попытка встревожит городские власти и в ближайшие недели здесь будет вдвое больше патрулей? Вдруг поползут слухи, что в Храмовом квартале стало неспокойно? Вдруг капа Барсави, несмотря на крайнюю свою занятость, обратит внимание на недозволенное нарушение порядка и усилит охрану квартала собственными солдатами? Тогда Благородным Канальям не видать денег дона Сальвары как своих ушей.

Нет, сейчас не до благоразумия. Клоп просто обязан спасти дело. И мусорная куча внизу давала возможность для великого и славного подвига, граничащего с помешательством.

Ни о чем больше не думая, Клоп бросился с крыши. Он падал спиной вниз, раскинув руки и уставившись в знойное полуденное небо, падал с непоколебимой уверенностью двенадцатилетнего мальчишки, что смерть и увечье могут грозить любому на свете, кроме него самого. В падении он завопил, с диким восторгом, для того лишь, чтобы уж точно привлечь внимание стражников.

В последнюю долю секунды Клоп боковым зрением увидел под собой темную землю и одновременно заметил какую-то тень, стремительно пронесшуюся прямо над храмом Приятных Вод. Изящные вытянутые очертания, зримая телесность... Птица, что ли? Крупная чайка? Других птиц такого размера в Каморре не водилось – не говоря уже о птицах, летающих со скоростью арбалетной стрелы и...

Когда Клоп рухнул в мусорную кучу, несколько смягчившую падение, воздух с влажным хрипом вырвался у него из легких и голова резко дернулась вперед. Острый подбородок отскочил от тощей груди, зубы лязгнули, прокусывая язык, и рот наполнился теплым солоноватым привкусом. Он снова заорал, уже непроизвольно, и отплюнул кровь. Небо над ним накренилось сначала в одну сторону, потом в другую, словно мир предлагал рассмотреть себя под новыми, странными углами.

Топот тяжелых башмаков по булыжнику. Скрип форменных ремней и лязг оружия. Между Клопом и небом всунулось немолодое красное лицо с обвислыми усами, мокрыми от пота.

– Лопни Переландровы яйца, парень! – Стражник выглядел равно изумленным и встревоженным. – Какого хрена ты здесь лазишь по крышам? Твое счастье, что ты приземлился туда, где лежишь.

Остальные желтокурточники, столпившиеся позади него, нестройным хором выразили согласие с последними словами своего товарища. Клоп слышал исходящий от них запах пота и промасленных ремней, слышал и мерзкую вонь гнилья, в которое упал. Что ж, когда прыгаешь в кучу какой-то бурой дряни на улице Каморра, не приходится ожидать, что она будет благоухать розами. Клоп потряс головой, прогоняя пляшущие перед глазами белые искры, и осторожно подергал ногами, проверяя, слушаются ли. Слава богам, кости вроде целы. Когда все закончится, он пересмотрит свои взгляды на собственное бессмертие.

– Господин сержант... – прохрипел Клоп, пуская кровавые слюны (черт, прокушенный язык горел огнем). – Господин...

– Что, малый, что? – Глаза мужчины округлились еще больше. – Руками-ногами пошевелить можешь? Болит где-нибудь?

Клоп поднял руки, дрожащие не вполне притворной дрожью, и вцепился в поясные ремни сержанта, словно желая встать.

– Господин сержант, – проговорил он через несколько секунд, – что-то ваш кошелек не шибко увесистый. Небось хорошо с девками погуляли прошлой ночью, а?

Он потряс маленьким кожаным кошельком прямо под темными усами сержанта, и воровская часть его души (прямо скажем, большая) возликовала при виде ошеломления, проступившего на лице мужчины. На долю секунды Клоп забыл даже о боли от не самого мягкого приземления в мусорную кучу. Мгновение спустя другая его рука как по волшебству взметнулась вверх, и «сиротский фунтик» врезался стражнику прямо промеж глаз.

«Сиротским фунтиком», или «красным кистеньком», назывался длинный утяжеленный мешочек, похожий на миниатюрную дубинку, который уличные мальчишки носили под одеждой, но ни в коем случае не на голом теле. Обычно его набивали перемолотыми стручками жгучего красного перца и разными едкими отходами из алхимических лавок. Штуковина совершенно бесполезная против настоящей угрозы, но самое то против других уличных мальчишек. Или взрослых похотливцев с блудливыми руками.

Или незащищенной физиономии на расстоянии плевка.

Клоп стремительно откатился влево, и облако рыжего порошка, вырвавшееся из «фунтика», его не задело. Сержанту повезло меньше: удар был сильным, и дьявольски жгучая молодая смесь попала бедняге и в нос, и в рот, и в глаза. Он испустил сдавленный хриплый вопль и отпрянул назад, судорожно царапая щеки. Клоп уже вскочил на ноги и мчался прочь с легким

проворством, свойственным юному возрасту. Даже дикая боль в прокушенном языке временно отступила перед необходимостью удирать во все лопатки.

Теперь Клоп безраздельно завладел вниманием стражников. Он несся во всю прыть, дробно стуча пятками по булыжной мостовой, глубокими обжигающими глотками хватая влажный воздух, и слышал позади громкие крики и топот. Он сделал все от него зависящее, чтобы дело не сорвалось. Товарищи могут продолжать без него, пока он занимается с герцогскими констеблями бегом на дальние расстояния.

Какой-то особо сообразительный стражник наконец сунул в рот свисток и засвистел: три короткие резкие трели, пауза, потом еще три. «Нападение на патрульного». Ох, черт... Сейчас сюда примчатся желтокурточники из всех окрестных кварталов, с оружием на изготовку. В том числе с арбалетами. А значит, Клоп должен во что бы то ни стало улизнуть от своих преследователей, пока другие патрули не начали посылать на крыши выглядчиков. Происходящее перестало казаться веселой забавой. У него оставалось минуты полторы, наверное, чтобы добраться до одного из своих обычных укрытий и схорониться там.

Прокушенный язык нестерпимо задержало болью.

6

Дон Лоренцо Сальвара вышел из-под портика храма на ослепительное солнце душного каморрского полудня, ни сном ни духом не ведая, какой жизненный урок получает сейчас на этой самой улице один шибко умный юный воришка. Издалека слабо доносились свистки патрульных. Сальвара прищурился и не без любопытства всмотрелся в одинокого стражника поодаль, который брел по булыжной мостовой, сильно пошатываясь, спотыкаясь и налетая на стены. Обими руками мужчина держался за голову, как если бы боялся, что она вот-вот сорвется с плеч и взмоет в небеса.

– Ну мыслимое ли дело, сударь? – Конте уже вывел лошадей из неприметного грота, служившего храмовой конюшней, и ждал хозяина у портика. – Еще за полдень не перевалило, а он уже пьян, как младенец в пивной бочке. Сборище никчемных придурков эти новые желтушники.

Конте был средних лет мужчиной с иссушенным солнцем морщинистым лицом, талией профессионального танцора и руками профессионального гребца. В каком качестве он состоял при молодом доне, любой понимал с первого взгляда, даже прежде, чем замечал пару длинных стилетов у него на поясе.

– А в ваше время подобного не допускалось, да?

Дон Лоренцо же был привлекательным молодым человеком чистых каморрских кровей – черноволосым, с темно-медовой кожей. Лицо у него было тяжеловатое, с мягкими чертами, но фигура стройная и подтянутая. В целом он выглядел как примерный благовоспитанный студент, переодетый аристократом, и лишь глаза за модными очками без оправы – цепкие глаза лучника, нетерпеливо высматривающего мишень, – нарушали это впечатление.

Конте фыркнул:

– В наше время мы, по крайней мере, знали, что напиваться в дымину следует за закрытыми дверями.

Он передал хозяину поводья холеной мышастой кобылы немногим крупнее пони, хорошо обученной, но явно не Усмиренной. Ровно то, что надо для коротких прогулок по городу, где владельцы судов (или акробаты, как часто жаловалась донья София) по сей день чувствовали себя вольготнее, чем лошади. Шатающийся стражник скрылся за углом – в направлении, откуда доносились настойчивые свистки. Поскольку шум не приближался, Сальвара внутренне пожал плечами и вывел кобылу на середину улицы.

В следующее мгновение взорам дона Лоренцо и Конте внезапно явилось во всей красе второе за день диковинное зрелище. Когда они свернули направо, глазам их открылся тупиковый проулок с высокими стенами, расположенный сразу за храмом Благоприятных Вод, и в проулке этом два разбойника вытрясали душу из двух богато одетых господ.

Сальвара застыл на месте от изумления: головорезы в масках здесь, в Храмовом квартале? Один из них душил удавкой мужчину, одетого во все черное... похоже, в тесный и плотный вадранский камзол, совершенно неуместный в такую жару. Боги милостивые! Чуть в стороне стояла Усмиренная лошадь с поклажей, безразлично наблюдая за происходящим.

После секундного замешательства, вызванного единственно удивлением, дон Сальвара бросил поводья своей кобылы и бегом устремился в проулок. Он даже не оглянулся, зная наверное, что Конте следует за ним по пятам, с обнаженными кинжалами.

– Эй, вы! – крикнул молодой человек уверенным, хотя и звенящим от возбуждения голосом. – А ну, отпустите этих людей и стойте смирно!

Разбойник, что поближе, резко повернул голову на окрик, и его темные глаза над платком-маской расширились при виде дона Сальвары и Конте. Он рывком поднял на ноги свою побагровевшую от удушья жертву, прикрываясь ею от незваных гостей.

– Вам нет нужды беспокоиться, сударь, – произнес разбойник. – Просто повздорили малость. Сугубо личное дело.

– Своими личными делами вам следовало заняться в менее публичном месте.

– А что, герцог отдал вам в собственность этот проулок? – злобно осведомился головорез. – Сделаете еще хоть шаг – сверну малому шею.

– Ну так не медли. – Дон Сальвара выразительно положил руку на эфес своей рапиры с корзинчатой гардой. – Мы с моим слугой перекрываем единственный выход отсюда. Уверен, ты ничуть не пожалеешь, что убил этого человека, когда тебе в горло вонзятся три фута стали.

Первый разбойник не выпустил из рук веревки, затянутой на шее едва живого господина в черном, но медленно попятился в глубину тупика, неуклюже таща за собой жертву. Второй налетчик немного отступил от простертого на земле мужчины, которого недавно избивал ногами, и обменялся со своим сообщником быстрым значительным взглядом.

– Не делайте глупостей, друзья мои.

Сальвара наполовину вытащил рапиру из ножен, и солнце ослепительно сверкнуло на превосходнейшей каморрской стали. Конте чуть согнул ноги в коленях и подался вперед, принимая хищную стойку бывалого поножовщика.

Без дальнейших слов первый головорез с силой толкнул свою жертву прямо на Конте и Сальвару. Бедняга в черном, судорожно хватая ртом воздух, вцепился в своих спасителей, а двое налетчиков опрометью бросились к глухой стене в конце проулка. Отодвинув в сторону задыхающегося, дрожащего вадранца, Конте ринулся за ними следом, однако разбойники оказались не только проворны, но и хитры: со стены свисала тонкая, еле заметная веревка с навязанными через равные промежутки узлами. Налетчики молниеносно вскарабкались по ней один за другим и исчезли за стеной. Конте со своими клинками опоздал буквально на пару секунд. Утяжеленный грузом дальний конец веревки перелетел через ограду и шлепнулся в схваченную коркой грязь у его ног.

– Никчемные лодыри, твою мать! – Слуга дона Сальвары стремительным, отточенным за годы практики движением засунул стилеты за пояс и наклонился над телом, по-прежнему неподвижно лежащим на земле; жутковатый белый взгляд Усмиренной лошади, казалось, пристально следил за ним, когда он приложил пальцы к толстой шее мужчины, проверяя сердцебиение. – Чертовы стражники напиваются допьяна с утра пораньше – и смотрите, что творится в Храмовом квартале, пока они шляются без дела...

– О, благодарение Сущностям! – сдавленно прохрипел господин в черном, наконец снятая с шеи и бросая на землю удавку; теперь дон Сальвара разглядел, что платье на нем (не по

сезону теплое, конечно, и сейчас заляпанное грязью) просто отменного качества: великолепно скроенное, точно подогнанное по фигуре и отделанное неброско, но по-настоящему дорого. – Благодарение Соли и благодарение Сладости! Благодарение Подводным Дланям, что негодяи напали на нас рядом с этим храмом, средоточием священной силы, чьи могучие токи принесли вас на помощь к нам!

Вадранец говорил по-терински грамотно, хотя и с сильным акцентом; голос его по понятной причине звучал хрипло. Подслеповато шурясь и потирая горло, он принялся шарить в грязи свободной рукой.

– Полагаю, я еще раз смогу помочь вам, – произнес дон Сальвара на лучшем своем вадранском, столь же грамотном и столь же искаженном акцентом, как теринский, на котором говорил незнакомец.

Он подобрал с земли очки (на удивление легкие, но прочные, такие немалых денег стоят) и подал вадранцу, предварительно протерев стекла рукавом своего просторного ярко-красного камзола.

– О, так вы говорите по-вадрански! – восторженно вскричал мужчина, переходя на вадранский с резковатым эмберленским выговором. Он надел очки и, часто моргая, уставился на своего спасителя. – Еще одно чудо! Смел ли я надеяться на такое?.. Ах, Грауманн! – Он с трудом поднялся на ноги и неверной поступью направился к своему товарищу.

Грузный мужчина, уже перевернутый на спину усилиями Конте, лежал по-прежнему неподвижно, но его измазанная в грязи могучая грудь мерно вздымалась.

– Живой он, живой, не волнуйтесь. – Конте пощупал ребра и живот бедняги. – Вроде ничего не сломано, не разорвано, хотя в ближайшие недели ваш приятель будет ходить весь в синяках. Сперва зеленых, как ряска на пруду, потом черных, как ночь, – это так же верно, как то, что я в состоянии отличить говешку от заварной булочки.

Вадранец в черном испустил протяжный вздох облегчения:

– От заварной булочки... ну да, конечно. Святые Сущности в высшей степени милосердны. Грауманн – мой постоянный спутник, мой секретарь, мой усердный и незаменимый помощник. Увы, он совершенно не владеет оружием, но, с другой стороны, сам я тоже вопиюще слаб по этой части. – Незнакомец, опять говоривший на теринском, пристально всмотрелся в дону Сальвару и изумленно округлил глаза. – И сейчас я неучтив равно вопиюще, ибо вы, не иначе, один из благородных донов Каморра. – Он низко поклонился – гораздо ниже, чем предписывал этикет иноземцу, приветствующему представителя родовой знати Мирного герцогства Каморр; казалось, еще немного – и он ткнется лбом в землю, потеряв равновесие. – Позвольте представиться: Лукас Фервайт, служащий торгового дома бель Аустеров из кантона Эмберлен, что в королевстве Семи Сущностей. Я полностью к вашим услугам и невыразимо благодарен вам за помощь.

– Я Лоренцо, дон Сальвара, а это мой слуга Конте. И это *мы* всецело к вашим услугам и почтем за счастье быть вам полезными. – Каморрский аристократ поклонился ровно так, как полагалось по этикету, и подал руку для пожатия. – Я в известном смысле несу ответственность за гостеприимство Каморра, а вам здесь оказали прием далеко не гостеприимный. Прийти к вам на помощь было для меня делом чести.

Фервайт сжал протянутую руку чуть выше запястья и потряс. Хватка у него была по-детски слабая, но дон Лоренцо снисходительно отнес это на счет того, что бедняга еще не вполне оправился после встречи с грабителями. Потом Фервайт склонил голову и легко прикоснулся лбом к тыльной стороне ладони своего спасителя, тем самым завершив обмен формальными знаками любезности.

– Позвольте с вами не согласиться, сударь. Вас сопровождает верный слуга, человек бывалый, судя по виду. Честь свою вы вполне могли удовлетворить, послав к нам на помощь Конте, однако же вы сами обнаружили готовность вступить в схватку. Насколько я заметил, именно

вы бежали впереди, а он старался вас нагнать. Уверяю вас, я прекрасно видел все происходящее, хотя и находился в крайне неудобном положении.

Дон Сальвара небрежно отмахнулся от слов вадранца, точно от мухи.

– Просто жаль, что негодяям удалось скрыться, господин Фервайт, а значит, справедливость не восторжествовала в полной мере – за что опять-таки приношу вам извинения от имени всего Каморра.

Фервайт опустил на колени рядом с Грауманном и убрал с его лба мокрые от пота темные волосы.

– Ну как же не восторжествовала? Мне несказанно повезло остаться в живых. Всемило-стивые боги хранили меня в долгом путешествии, а потом, в отчаянную минуту, послали вас ко мне на помощь. Я жив-здоров и могу спокойно заняться делом, приведшим меня в ваш город. На мой взгляд, это и есть самое настоящее торжество справедливости. – Вадранец вскинул голову и снова внимательно всмотрелся в Сальвару. – Прошу прощения, но не тот ли вы самый дон Сальвара, что владеет накоццанскими виноградниками? И не приводится ли вам супругой некая донья София, знаменитый алхимик-ботаник?

– Я действительно имею такую честь и имею такое счастье, – отвечал дон Сальвара. – А вы, насколько я понял, служите в торговом доме бель Аустеров? И вероятно, имеете дело с... э-э...

– О да, именно так! Я служу тем самым бель Аустерам и занимаюсь поставкой и продажей того самого напитка, о котором вы подумали. Поразительно, просто поразительно! Святые Сущности играют мной, Подводные Длани желают, должно быть, чтобы я умер на месте от удивления. Подумать только: вы спасаете мне жизнь, вы говорите по-вадрански, у нас с вами оказывается общий деловой интерес... Просто невероятно!

– Да уж, поистине удивительные совпадения, и притом чрезвычайно приятные. – Дон Сальвара обвел проулок задумчивым взглядом. – Моя мать была вадранского происхождения, вот почему я говорю на вашем языке с премногим удовольствием, хотя и недостаточно хорошо. А вы не заметили слежки за собой? Оставленная на стене веревка свидетельствует о заранее подготовленном нападении, да и Храмовый квартал, знаете ли... обычно здесь так же безопасно, как в личной читальне великого герцога.

– Мы прибыли в город сегодня утром, – сказал Фервайт. – Сняли комнаты в гостинице «Фрегат», несомненно известной вам, и сразу же направились в храм Благоприятных Вод, дабы вознести благодарность и сделать приношение богам, охранившим нас от злоключений на нашем пути из Эмберлена. Я понятия не имею, откуда взялись эти разбойники. Хотя... – Он на миг задумался. – Хотя теперь припоминаю, что один из них перекинул через стену веревку после того, как повалил наземь Грауманна. Да, они проявили предусмотрительность, но нет, они не поджидали нас здесь в засаде.

Сальвара хмыкнул и перевел внимание на пустоглазую Усмиренную кобылу.

– Странно... Вы всегда берете с собой навьюченных лошадей, когда направляетесь в храм, чтобы возблагодарить богов? Если эти тюки набиты ценным товаром, я прекрасно понимаю, почему разбойники впали в искушение.

– Обычно любой дорогостоящий товар мы оставляем в гостинице под замком. – Фервайт похлопал Грауманна по плечу и вновь поднялся на ноги. – Но в данном случае мне нельзя ни на минуту оставлять товар без присмотра, как и забывать о своем важном деле. Боюсь, именно поэтому я и стал соблазнительной мишенью для грабителей. Прямо скажем, сложное положение. – Фервайт нерешительно поскреб подбородок. – Я уже в неоплатном долгу у вас, дон Лоренцо, а потому мне неловко просить вас еще об одной услуге. Однако речь идет о важном поручении, с которым я прибыл в Каморр. Будучи представителем местной знати, вы ведь наверняка знаете некоего дона Джакобо?

Чуть скривив рот, дон Сальвара вперил в Фервайта долгий, пристальный взгляд и после томительно-долгой паузы коротко промолвил:

– Знаю – и что?

– Этот дон Джакобо... по слухам, он очень богат. Слишком богат даже для каморрского аристократа.

– Да, это правда.

– По слухам, он горячая голова. Отчаянный малый. Как у вас говорится, так и ищет приключений на свою задницу. Готов идти на любой риск.

– Пожалуй, можно сказать о нем и так.

Фервайт взволнованно облизал губы:

– Дон Лоренцо... это очень важно. Не могли бы вы... не соблаговолили бы вы, пользуясь своим высоким положением, устроить мне встречу с доном Джакобо? Совестно просить вас об этом, конечно, но еще совестнее будет не выполнить дело, порученное мне бель Аустерами.

Дон Сальвара улыбнулся без малейшего намека на веселость, отвернул голову и уставился на Грауманна, неподвижно лежащего в грязи. Конте уже поднялся на ноги и сейчас во все глаза глядел на своего хозяина.

– Господин Фервайт, – наконец сухо вымолвил дон, – разве вы не знаете, что Палери Джакобо – мой заклятый враг? Что мы с ним дважды сходились в поединке до крови и уже давно уладили бы наши дела раз и навсегда, не запрети нам герцог Никованте драться до смерти.

– Ох... – произнес Фервайт с оторопелым видом человека, уронившего горящий факел в огромную бочку осветительного масла. – Как неловко! Как глупо с моей стороны! Мне уже доводилось бывать в Каморре по делам, но я ни сном ни духом... Я оскорбил вас. Я обратился к вам с невыполнимой просьбой.

– Ну это как посмотреть... – проговорил Сальвара вновь потеплевшим голосом и побарабанил пальцами правой руки по эфесу рапиры. – Вы прибыли к нам по поручению бель Аустеров. У вас с собой груз, с которым вы не расстаетесь ни на минуту. У вас явно есть план, так или иначе касающийся дона Джакобо, но сначала вам необходимо получить у него аудиенцию. Правильно ли я понял, что названный господин не знает ни о вашем прибытии, ни о вашем намерении встретиться с ним?

– Я... гм... прошу прощения... но мне бы не хотелось распространяться о моем деле...

– По какому делу вы здесь, представляется совершенно очевидным, – сказал дон Сальвара, теперь уже положительно веселым тоном. – И разве несколько минут назад вы, господин Фервайт, не повторили неоднократно, что в долгу передо мной? Разве не отклонили решительнейшим образом все мои заверения в обратном? Или теперь вы отступаете от своих слов?

– Я... при всем моем желании, сударь... черт!.. – Фервайт тяжело вздохнул и стиснул кулаки. – Мне очень стыдно, дон Сальвара. Сейчас я должен либо отречься от долга благодарности перед человеком, спасшим мне жизнь, либо нарушить клятвенное обещание блюсти секретность, данное бель Аустерам.

– Ни первое, ни второе вовсе не обязательно, – возразил Лоренцо. – И возможно, я сумею помочь вам выполнить поручение ваших хозяев. Ужели вы не понимаете? Если дон Джакобо не знает о вашем прибытии, у вас нет перед ним никаких обязательств, верно? Ясно, что вы здесь по важному делу. У вас есть какой-то план, какой-то расчет, какое-то торговое предложение. Вы определенно собираетесь затеять некое новое предприятие, иначе у вас уже имелись бы налаженные деловые связи в Каморре. Не браните себя, господин Фервайт, вы ни словом не проболтались. Я просто рассуждаю логически. И ведь я прав, да?

Фервайт потупил взор и неохотно кивнул.

– Ага! В таком случае скажу вам следующее. Хотя я и не столь богат, как дон Джакобо, но все же располагаю значительными средствами, и у нас с вами взаимодополняющие деловые интересы, так? Отобедайте со мной завтра на моей барке, в Плавучем цирке. Сделайте свое

предложение *мне*, и мы с вами все обстоятельно обсудим. – В глазах дон Сальвары плясали злорадные огоньки, явственно различимые даже при ярком свете полуденного солнца. – Раз уж вы в долгу передо мной, оплатите мне всего-навсего своим согласием посетить меня завтра. А потом, уже свободные от всяких обязательств друг перед другом, мы договоримся о взаимовыгодных условиях. Как вы прекрасно понимаете, я кровно заинтересован в том, чтобы перехватить у Джакомо многообещающую сделку, даже если он никогда об этом не узнает. *Тем паче* если он никогда об этом не узнает! Или я недостаточно решителен, на ваш взгляд? Могу поклясться, лицо у вас вдруг вытянулось, будто по волшебству. Что такое? Что не так?

– О, вы здесь совершенно ни при чем, дон Лоренцо. Просто Подводные Длани опять невесть почему явили мне безмерную милость. У нас, вадранцев, есть пословица: незаслуженное счастье чревато опасностью.

– Не берите в голову, господин Фервайт. Если вы готовы обсудить со мной поистине стоящее дело, нам с вами еще предстоит изрядно потрудиться и решить множество сложных вопросов. Так мы условились? Вы отобедаете со мной завтра в Плавучем цирке? И мы все толком обговорим?

Фервайт, сглотнув, посмотрел прямо в глаза дону Сальваре и решительно кивнул:

– Ваше предложение звучит весьма разумно. И обещает большую выгоду для нас обоих. Я принимаю ваше приглашение и готов посвятить вас в дело. Значит, завтра? С нетерпением буду ждать нашей встречи.

– Было очень приятно с вами познакомиться, господин Фервайт. – Дон Сальвара учтиво наклонил голову. – А теперь позвольте нам поднять вашего друга из грязи и проводить вас до гостиницы, дабы удостовериться, что вы добрались без дальнейших злоключений.

– Я с радостью воспользуюсь вашей великодушной услугой, если только вы немного подождете – приглядите за бедным Грауманном и моим грузом, – пока я схожу в храм, чтобы сделать приношение. – Локк вытащил объемистый кожаный кошелек из поклажи, навьюченной на лошадь. – Пожертвование будет более щедрым, нежели предполагалось поначалу. Но мои хозяева хорошо понимают, что в нашем деле благодарственные приношения богам суть неизбежная статья расходов.

7

Обратный путь до гостиницы «Фрегат» занял много времени, ибо Жан еле тащился, с успехом изображая головокружение, телесные страдания и легкое затмение ума. Если кто-то из прохожих и испытывал удивление при виде двух перепачканных в грязи, не по погоде наряженных чужеземцев в сопровождении каморрского аристократа, его слуги и трех лошадей, то чувства свои они никак не выражали и лишь оглядывались вослед странной компании. По дороге эти четверо встретились с Кало, теперь одетым простым рабочим. Он подал руками череду быстрых, незаметных знаков: мол, Клоп бесследно пропал, буду ждать его в условленном месте и молиться, чтоб все обошлось.

– Лукас! Глазам своим не верю! Лукас Фервайт собственной персоной!

Едва Кало растворился в толпе, как перед ними возник Галдо, облаченный в яркие шелка и атласы: ни дать ни взять преуспевающий каморрский купец. Один его роскошный сборчатый дублет с разрезными рукавами стоил не меньше, чем барка, в которой Благородные Канальи плыли по реке сегодня утром. Сейчас, с открытым лицом и тщательно зализанными волосами под круглой шапочкой, он нисколько не походил на головореза, с которым дон Сальвара и Конте столкнулись немногим ранее в глухом проулке. Поигрывая лакированной тросточкой и широко улыбаясь, он приблизился к ним.

– Ба, да это ж Эванте! – воскликнул Локк – Фервайт и застыл как вкопанный, с притворным изумлением вытаращив глаза. Потом протянул руку и обменялся с Галдо крепким рукопожатием. – Какой приятный сюрприз!

– Да уж, Лукас, поистине приятный. Но что с тобой стряслось, скажи на милость? И с тобой, Грауманн? Выглядите вы оба так, будто ввязались в большую драку и проиграли.

– Ты недалек от истины. – Локк потер глаза под очками. – Ох, ну и утречко выдалось у меня сегодня, Эванте! Мы с Грау уже и с жизнью распростились бы, наверное, если бы не наш замечательный провожатый. – Локк повел рукой в сторону аристократа. – Господин Сальвара, позвольте представить вам Эванте Эккари, стряпчего из Рацины. Эванте, перед тобой дон Лоренцо Сальвара. Владелец накоццанских виноградников – если ты все еще интересуешься теми землями.

– Боги милостивые! – Галдо сдернул с головы шапочку и поклонился в пояс. – Благородный дон. Как же я вас сразу не узнал, сударь! Тысяча извинений. Эванте Эккари, полностью к вашим услугам.

– Очень приятно, господин Эккари. – Дон Сальвара поклонился с надлежащей учтивостью, хотя и несколько небрежно, а потом шагнул вперед и пожал руку мнимому стряпчему, таким образом давая понять, что в дальнейших поклонах и расшаркиваниях нет нужды. – Так, значит, вы знакомы с господином Фервайтом?

– О, мы с Лукасом уже давно знаем, сударь. – Галдо суетливо отряхнул засохшую грязь с рукава черного камзола Локка. – Я работаю с банкирским домом Мераджо, занимаюсь преимущественно таможенными пошлинами и трудовыми разрешениями для наших северных друзей. Лукас – один из лучших служащих бель Аустеров, блестящего ума человек.

– Ты мне льстишь. – Локк кашлянул и смущенно улыбнулся. – Эванте великолепно знает все важнейшие законы и постановления вашего государства и весьма доходчиво перелагает их на теринский. Он уже не раз оказывал мне поистине неоценимую помощь в моих торговых делах здесь. Похоже, у меня дар находить неприятности в Каморре – и дар находить добрых каморрцев, выручающих меня из передраг.

– Не многие клиенты отозвались бы о моей работе в столь похвальных выражениях, Лукас. Но что же все-таки стряслось? Почему вы с Грауманном все в грязи и синяках? Ты говоришь, на вас напали?

– Да. В вашем городе водятся очень... гм... предприимчивые грабители. Дон Сальвара и его слуга недавно обратили в бегство двоих из них. Боюсь, мы с Грауманном не сумели оказать достойного сопротивления негодяям.

Галдо подошел к Жану и дружески похлопал по спине. Здоровяк страдальчески скривился, проявив недюжинные актерские способности.

– Позвольте выразить восхищение вашим поступком, дон Сальвара! Лукас человек, каких мало, – так сказать, высшей пробы человек, – пускай у него и не хватает ума сменить свой дурацкий зимний наряд на платье полегче. Я глубоко обязан вам за то, что вы сделали, и...

– Полноте, сударь, полноте. – Дон Сальвара вскинул ладонь, а другую руку заложил за пояс. – Я сделал всего лишь то, чего требовала моя честь. А изъявлений признательности я получил сегодня уже с избытком.

Дон Лоренцо и «господин Эккари» еще пару минут обменивались изысканными любезностями. В конце концов Галдо внял наивежливейшей из всех возможных версии фразы «Спасибо, но отвяжись уже от меня, а?» и с сокрушенным вздохом промолвил:

– Что ж, я безмерно рад был с вами встретиться, сударь, но, к сожалению, меня ждет клиент. Да и у вас с Лукасом определенно какие-то дела, от которых мне не следует отвлекать вас. С вашего позволения...

– Конечно, конечно. Приятно было познакомиться, господин Эккари.

– А уж как мне приятно, сударь! Лукас, если у тебя выдастся свободный часок, ты знаешь, где меня найти. И если вдруг возникнет надобность в моих скромных умениях, я всегда к твоим услугам...

– Разумеется, Эванте! – Локк обеими руками схватил правую руку Галдо и с воодушевлением потряс. – Полагаю, рано или поздно нам придется обратиться к тебе за помощью.

Он приложил палец к носу сбоку, и Галдо кивнул. Затем последовал общий обмен поклонами, рукопожатиями и прочими прощальными любезностями. Напоследок Галдо подал товарищам несколько условных знаков, так и этак поправив шапочку на голове: мол, о Клопе ничего не знаю; отправляюсь на поиски.

Дон Сальвара проводил мнимого стряпчего задумчивым взглядом, потом вновь повернулся к Локку, и маленькая компания продолжила путь к гостинице «Фрегат». Светская беседа сама собой сошла на нет. Локк – Фервайт без труда изобразил, как радость от встречи с «Эккари» постепенно угасает в нем. Вскоре он являл собою воплощенное уныние, каковое свое настроение объяснил головной болью, разыгравшейся вследствие долгого удушья от удавки. В цитрусовом саду перед гостиницей дон Сальвара и Конте распрощались с двумя Благородными Канальями, настоятельно посоветовав обоим хорошенько отоспаться и отложить все дела до завтра.

Как только Локк и Жан (несший на плечах выюки с «ценным товаром») оказались в своем номере, они мигом скинули измазанные в грязи богатые наряды, надели простое неприметное платье и поспешили к условленному месту встречи, чтобы там ждать известий о Клопе (если таковые вообще появятся).

На сей раз никто из них не заметил странной черной тени, которая бесшумно следовала за ними, стремительно перелетая с крыши на крышу.

8

Лжесвет постепенно угасал. Насыщенный болотным туманом Ветер Палача пропитывал влагой одежду, неприятно липнущую к телу, и не рассеивал, а, казалось, напротив, сгущал серые клубы табачного дыма, окутывавшие Кало и Галдо. Близнецы в низко надвинутых капюшонах сидели, обливаясь потом, в глубокой дверной нише одной из ссудных лавок на севере Старокрепостного квартала. Ломбард был уже заперт на ночь – засовы заложены, ставни закрыты, – и семья владельца, по всей видимости, предавалась веселым возлияниям двумя этажами выше.

– Первый шаг удался, я считаю, – сказал Кало.

– Ага, что верно, то верно.

– Лучшее наше выступление. Нам ведь с тобой обличье изменить ой как непросто, таким видным красавцам.

– Признаться, я не думал, что ты и меня держишь за красавца.

– Брось, не умаляй свои достоинства. Внешне ты ничем мне не уступаешь. Чего тебе не хватает, так это моих способностей к наукам. И моего беспечного бесстрашия. И моего дара обольщения женщин.

– Если ты говоришь о легкости, с которой швыряешься деньгами во время гулянок с девками, то ты прав, конечно. Для каморрских шлюх ты щедрейший благотворитель и жертвователь.

– Зря ты так, – насупился Кало.

– Твоя правда – зря. – Несколько секунд близнецы молчали. – Извини. Просто на душе мутно. Как подумаю о мальце, так под ложечкой холодеет. Видал, что творится на улицах?

– Ага. Усиленные патрули. Все злые как черти. Свистят непрерывно. Интересно знать, что там Клоп выкинул и почему.

– Вероятно, у него были свои причины. Если первый шаг у нас и впрямь удался, так только благодаря мальчишке. Надеюсь, он жив-здоров, и мы сможем со спокойной совестью задать ему взбучку.

В слабо подсвеченном тумане неясными тенями проплывали редкие прохожие. На Старокрепостном острове почти не было Древнего стекла, поэтому бледное сияние лилось изда-лека. Откуда-то с юга донесся приближающийся стук копыт.

Локк сейчас, несомненно, затаился где-то около Дворца Терпения и пристально следит за патрульными стражниками, снующими взад-вперед по Черному мосту: не ведут ли они знакомого маленького пленника или не тащат ли знакомое маленькое тело. А Жан наверняка ждет в другом условленном месте, взволнованно ходит взад-вперед, хрустя пальцами. В храм Переландро Клоп сегодня точно не вернется и к гостинице «Фрегат» близко не сунется. Старшим Благородным Канальям остается ждать его на улице, в парной духоте каморрской ночи.

Загрохотали деревянные колеса, раздраженно всхрапнула лошадь. Едва различимая в тумане повозка со скрипом остановилась футах в двадцати от братьев Санца.

– Авендандо? – раздался громкий, но неуверенный голос.

Кало и Галдо разом вскочили на ноги – имя Авендандо служило тайным сигналом, оповещающим о непредусмотренной встрече.

– Здесь я! – крикнул Кало, бросив окурок и забыв притоптать.

Из тумана возник плешивый бородатый мужик, с мощными ручищами мастерового и солидным брюшком горожанина среднего достатка.

– Я не шибко понимаю в ваших делах, – пророкотал незнакомец, – но если один из вас Авендандо, то мне было обещано, что я получу десять солонов, коли доставлю к этому ломбарду вон ту бочку. – Он ткнул большим пальцем в сторону телеги.

– Бочка! Ну да! – С колотящимся сердцем Галдо полез за кошельком. – А что в бочке-то?

– Не вино, – ответил мужик. – И не самый вежливый на свете мальчишка. Но он мне посулил десять серебряков.

– Конечно, конечно. – Галдо быстро отсчитал в ладонь мастерового блестящие монеты. – Вот десять за бочку. И еще одна за то, чтобы вы напрочь забыли о нашей встрече. Лады?

– Черт, совсем башка дырявая стала: уже и не помню, за что вы мне платите.

– Вот и славно.

Галдо сунул кошелек обратно под плащ и поспешил на помощь брату, который забрался на телегу и стоял над средних размеров деревянной бочкой. Затычка в крышке отсутствовала, и через маленькое круглое отверстие внутрь поступал воздух. Кало трижды стукнул по крышке, и в ответ изнутри послышалось три слабых удара. Радостно ухмыляясь, близнецы Санца сгрузили бочку на землю и кивнули возчику на прощанье. Мужик уселся на передок телеги и, весело насвистывая, укатил в темноту; в кармане у него позвякивали монеты на общую сумму, двадцатикратно превосходившую продажную стоимость бочки.

– Сдается мне, это вино еще слишком молодое и резкое, чтобы разливать по бутылкам, – сказал Кало, когда они откатали бочку к своему укрытию в дверной нише.

– Выдержать, что ли, в погребе еще лет пятьдесят-шестьдесят?

– Я думал просто в реку вылить.

– Вот как? – Галдо побарабанил пальцами по бочке. – Чем же река заслужила такое наказание?

Из бочки донеслись невнятные звуки протеста. Оба брата наклонились к отверстию в крышке.

– Я уверен, Клоп, – начал Кало, – что ты в состоянии удовлетворительно объяснить, почему ты сидишь там в бочке, а мы торчим здесь на улице, сходя с ума от тревоги за тебя.

– Объясню все в лучшем виде. – Голос Клопа звучал сипло и гулко. – Останетесь довольны. Только сперва скажите, как все прошло?

– Просто великолепно, – ответил Галдо.

– Через три недели, самое большее, мы приберем к рукам все состояние Сальвары, вплоть до последних шелковых панталон его супружницы, – добавил Кало.

Мальчик испустил стон облегчения:

– Здорово! А со мной вот какая история приключилась: гляжу, по улице топает целая толпа желтокурточников, прямиком к вашему переулку. Я их отвлек, само собой, да таким манером, что они люто разозлились и погнались за мной. А я, значит, помчался во все лопатки в Старокрепостной квартал, к знакомому бондарю. Он ведет дела с винодельнями выше по реке, и у него во дворе полно пустых бочек. Ну, я запрыгнул в одну из них и сказал, мол, если он разрешит мне посидеть в ней, а после Лжесвета доставит меня сюда, то заработает восемь солонов.

– Восемь? – Кало поскреб подбородок. – Этот пройдоха запросил десять, а получил одиннадцать.

– Ну... ничего страшного. – Клоп кашлянул. – Когда мне совсем наскучило сидеть без дела в тесноте и темноте, я тихонько выбрался и стянул у него кошелек. Там на два солона медяков. Получается, часть денег мы вернули.

– Я уже собирался посочувствовать тебе, бедному, полдня проторчавшему в бочке, – сказал Галдо. – А тебя, болвана, следует хорошенько отругать за дурость.

– Да ладно тебе! – В голосе Клопа послышалась обида. – Мужик-то уверен, что я все время просидел в бочке, а потому на меня ну никак не подумает. А ты сейчас отвалил ему кучу денег, так что и тебя он всяко подозревать не станет. Все отлично вышло. Локк наверняка оценит мою проделку.

– Клоп, – сурово промолвил Кало, – Локк нам как брат, и наша любовь к нему безгранична. Но самые роковые слова из всех, существующих на теринском наречии, – это «Локк наверняка оценит мою проделку».

– Соперничать с ними могут лишь слова «Локк научил меня новому трюку».

– Ибо единственный на свете человек, которому сходят с рук фокусы, измышленные Локком Ламорой...

– ...это сам Локк Ламора...

– ...поскольку, по нашему мнению, боги берегут его для какой-нибудь поистине впечатляющей смерти. С дыбой, клещами и раскаленным железом...

– ...и многотысячной толпой улюлюкающих зрителей.

Братья одновременно кашлянули.

– Ну, как бы там ни было, – после долгой паузы проговорил Клоп, – кошелек я стянул и мне все сошло с рук. Может, теперь уже домой двинемся?

– Домой, – задумчиво повторил Кало. – А и пожалуй. Локк с Жаном будут рыдать от счастья, как любящие бабульки, когда увидят тебя живым-здоровым.

– Думаю, вылезать тебе не стоит, – сказал Галдо. – Ножки у тебя небось совсем одеревенели, и шагу ступить не сможешь.

– Так и есть! – жалобно проскулил мальчишка. – Но вам нет нужды тащить меня на руках всю дорогу...

– Золотые твои слова, Клоп. Ты прав, как никогда.

Галдо встал с одной стороны бочки и кивнул брату. В унисон насвистывая, близнецы покатали бочку по булыжной мостовой, и нельзя сказать, что они выбрали самый короткий или самый ровный путь до Храмового квартала.

Интерлюдия Локк объясняет

– Это случайно вышло, – наконец заговорил Локк. – Оба раза случайно.

– Прошу прощения? Должно быть, я ослышался. – Отец Цеппи сузил глаза и уставился на Локка, тускло освещенного красным огоньком маленькой глиняной лампы. – Могу поклясться, ты сейчас сказал: «Швырните меня через парашют, пожалуйста. Я никчемный маленький засранец и готов умереть сию же минуту».

Цеппи пожелал продолжить беседу с Локком на крыше храма, где они удобно расположились под высоким парашютом, который должны были бы увивать декоративные растения. Давно запущенный висячий сад храма Переландро служил дополнительным и весьма существенным штрихом к жертвенной трагедии Безглазого священника: еще одна деталь общей декорации, призванная вызывать сострадание, измеряемое в звонкой монете.

По небу ползли плотные низкие облака, бледно подсвеченные разноцветными огнями Каморра, и ни звезд, ни лун не было видно. Ветер Палача обтекал вялыми душными струями священника и Локка, сейчас торопливо пытавшегося пояснить свои слова.

– Нет, нет! Я просто хотел навредить им, вот и все. Я же не знал... не думал, что так получится.

– Положим, в это я почти готов поверить. – Цеппи легко постучал пальцем правой руки по ладони левой, каковой жест у каморрских купцов означал «ближе к делу». – Давай-ка по порядку. Это мое «почти» – главная твоя беда. Объясни мне все внятно и толково, а начни с первого мальчика.

– Веслин, – прошептал Локк. – Еще Грегор, но Веслин первый.

– Ага, Веслин, – кивнул Цеппи. – Бедняге перерезал глотку не кто иной, как твой бывший хозяин. Старику пришлось купить у капы акулий зуб и использовать оный по назначению. С чего вдруг?

– Ну, некоторые старшие мальчики и девочки из наших перестали выходить на работу. – Локк уставился на свои тесно сплетенные пальцы, словно ожидая от них подсказки. – Они просто забирали у нас всю добычу, когда мы возвращались из города, все до последней мелочи вытрясали. И отчитывались за нас перед Наставником, но кое-какие вещи к рукам прибирали.

– Все правильно, – кивнул Цеппи. – Привилегия старших по возрасту, более сильных, более искушенных в подхалимстве. Если останешься в живых после сегодняшнего нашего разговора, то скоро поймешь, что это обычное дело почти во всех крупных шайках. Почти во всех.

– И там был один парень, Веслин. Он не только забирал у нас всю добычу, а еще и бил больно, отнимал всякую одежду, какая приглянется, заставлял работать за него по хозяйству. Он часто отдавал хозяину меньше половины того, что мы приносили, а вещи, которые присваивал, потом дарил старшим девочкам из домушников. И все мы из-за него получали меньше еды, особенно заманухи. – Маленькие руки Локка расцепились и медленно сжались в кулаки. – А когда мы пытались пожаловаться хозяину, он просто смеялся, как будто без нас все знал и потешался над нами. А Веслин после каждой нашей жалобы... вообще как с цепи срывался.

Цеппи кивнул и снова постучал пальцем по ладони.

– Я думал, как нам быть. Много думал. Ни один из нас не мог дать Веслину отпор, он был гораздо старше и сильнее. Ни у кого из нас не было на холме старших, сильных друзей. А если бы мы набросились на Веслина всем скопом, к нему на подмогу прибежали бы все его друзья, и нам бы не поздоровилось... Каждый день Веслин выходил в город с одним из своих товарищей, и они поблизости от нас отирались. Работать не мешали, но наблюдали за нами, понимаете? И Веслин постоянно говорил разные гадости. – Тонкие губы Локка искривились в злобном оскале, который выглядел бы комично на лице другого ребенка, не такого грязного, не такого

тощего и изможденного. Сейчас мальчик походил на костлявую горгулью, приготовившуюся к прыжку. – Говорил гадости, когда мы домой возвращались. Мол, и неуклюжие мы, и ленивые, и добычи мало приносим. И опять бил нас, опять обижал по-всякому, опять обкрадывал. А я все ломал голову, что же нам делать.

– А идея, стоившая Веслину жизни? – спросил Цеппи. – Ты сам до нее додумался?

– Ага, – с живостью кивнул мальчик. – Со мной рядом никого из наших не было, когда меня осенило. Я увидел патрульных желтокурточников и подумал... подумал, вот у них дубинки, мечи... А что, если бы *они* поколотили Веслина? Что, если бы разозлились на него за что-нибудь? – Локк перевел дыхание и продолжал: – Потом я стал думать дальше, но так и не сумел сообразить, как бы такое устроить. И тогда я подумал: ну ладно, пускай сами стражники на Веслина не разозлятся – но может, получится сделать так, чтобы из-за них на Веслина разозлился хозяин?

Цеппи понимающе кивнул.

– И где же ты раздобыл беложелезную монету?

Локк вздохнул:

– Так в городе и раздобыл. Все мы, кто имел зуб на Веслина, воровали сверх положенного. Смотрели в оба, обчищали карманы у господ поважнее, старались изо всех сил. Несколько недель работали без устали. Целую вечность! Мне позарез нужна была беложелезная монета, и наконец я украл одну у толстяка во всем черном. В смешном таком суконном камзоле и дурацком галстуке.

– Вадранец. – Цеппи выглядел удивленным, даже озадаченным. – Вероятно, купец, прибывший в Каморр по торговым делам. Они слишком высокомерны, чтобы сразу переодеться по погоде, а порой просто слишком скарены, чтобы заказать платье у местного портного. Значит, ты раздобыл беложелезную монету. Полную крону.

– Ага. Всем хотелось взглянуть на нее, в руках подержать. Я позволил, но взял с ребят обещание держать язык за зубами. Сказал, мол, если будете помалкивать, мы сумеем поквитаться с Веслином.

– И что же ты сделал с монетой?

– Положил в кошелек, в маленький кожаный кошелек, какие мы постоянно крали. А кошелек спрятал в городе, чтоб не отобрали. В одном надежном месте, о котором старшие не знали. Через несколько дней, когда Веслин со своими приятелями был в городе, я вернулся на холм пораньше. Медяки и хлеб я отдал проверяющим девчонкам, а беложелезная монета была у меня в башмаке спрятана. – Локк нерешительно умолк, повертел в руках маленькую лампу, и красные блики заплескали у него на лице. – В общем, я подбросил монету в комнату Веслина – где они с Грегором ночевали. Хороший сухой склеп, в самой середине холма. Я выковырял из пола камень, который плохо держался, и спрятал под ним кошелек. А потом, когда убедился, что меня никто не видел, попросил разрешения поговорить с хозяином. Я сказал, что мы видели Веслина около одного сторожевого поста. Что он там брал деньги у желтокурточников, а потом похвастался перед нами монетой и пригрозился сдать нас властям, если мы донесем на него Наставнику.

– Поразительно. – Цеппи поскреб в бороде. – Ты не замечал, что перестаешь мямлить и заикаться, когда начинаешь рассказывать, как обмишулил кого-нибудь?

Локк недоуменно моргнул, потом вскинул подбородок и настороженно уставился на священника. Тот рассмеялся:

– Это не укор, сынок, и я вовсе не хотел остановить поток твоего красноречия. Продолжай свой рассказ. Откуда ты знал, что хозяин рассердится? Желтокурточники когда-нибудь предлагали деньги тебе или твоим друзьям?

– Нет. Зато я точно знал, что *хозяин* дает деньги желтокурточникам. За услуги там разные, за сведения. Мы не раз видели, как он раскладывает монеты по кошелькам. Потому мне и пришло в голову не стражников натравить на Веслина, а хозяина.

– Понятно.

Порывшись в складках рясы, Цеппи достал плоскую кожаную коробочку, в красноватом полумраке имевшую цвет обожженного кирпича. Оттуда он вытащил полоску бумаги, насыпал на нее из другого угла коробочки немного темного порошка, потом ловко свернул самокрутку и с аристократическим изяществом прикурил от лампы. Призрачные серые клубы дыма поплыли к призрачным серым облакам; в воздухе разлился запах горячей сосновой смолы.

– Извини. – Цеппи передвинулся немного вправо, чтобы выдыхаемый дым не попадал на мальчика. – Позволяю себе всего две сигарки за вечер. С крепким табаком – перед ужином и со слабым – после.

– Так я останусь на ужин?

– Ах ты, нахальный маленький двурушник! Скажем так, в настоящую минуту ситуация остается неопределенной. Давай досказывай свою историю. Ты сообщил хозяину, что Веслин работает тайным осведомителем в знаменитой охранной службе Каморра. Старик, надо полагать, пришел в бешенство.

– Ага. Сказал, что убьет меня, если я вру. – Локк тоже передвинулся вправо, подальше от дыма. – Но я сказал, что Веслин схоронил монету в своей комнате... то есть своей и Грегоровой. И хозяин там настоящий погром учинил. Я спрятал монету очень хорошо, но в конце концов он ее нашел, как и следовало ожидать.

– Хм... Ну и как ты представлял себе дальнейшие события?

– Я не думал, что хозяин убьет их! – В возбужденном голосе мальчика Цеппи не услышал ни малейшей печали, лишь удивление и досаду. – Я думал, он как-нибудь накажет Веслина при всех. Мы же почти всегда ужинали вместе, всем братством. И обычно провинившиеся развлекали нас по-всякому... или прислуживали, а потом все за нами убирали. Иногда получали порку. Пили имбирное масло. Я думал, Веслину грозит что-нибудь такое. Или все сразу.

– Ну что ж... – Отведя глаза от мальчика, Цеппи глубоко затянулся и на несколько долгих секунд задержал дым в легких, словно так думалось яснее и соображалось лучше. Наконец он выпустил череду дрожащих дымных колечек, которые проплыли в воздухе несколько футов и растаяли в тонком ночном тумане. Потом громко хмыкнул и опять взглянул на Локка. – Что ж, теперь ты понял, куда ведут благие намерения, верно? Порка. Обслуживание и уборка. Хе-хе. Бедного Веслина знатно обслужили и убрали. И как же твой бывший хозяин сделал это?

– Он ушел с холма на пару часов, а когда вернулся – стал ждать в комнате Веслина. Когда позже вечером Веслин с Грегором возвратились из города, их сразу окружили старшие мальчики, так что убежать они уже никак не могли. А потом... хозяин просто убил обоих. Перерезал горло Веслину, и... ребята рассказывали, он повернулся к Грегору и долго-долго смотрел на него, смотрел и ничего не говорил, а потом... – Локк чиркнул двумя пальцами по горлу, как немногим ранее делал Цеппи. – Потом он прикончил и Грегора тоже.

– Оно и понятно! Бедный Грегор. Грегор Фосс, кажется? Один из счастливицов, осиротевших в достаточно сознательном возрасте, чтобы уже помнить свою фамилию. Вроде тебя. Разумеется, твой хозяин и Грегора прикончил. Они же с Веслином были закадычные друзья. Не разлей вода, как говорится. Если один из них прячет под камнем целое состояние, естественно предположить, что другой об этом знает. – Цеппи вздохнул и потер глаза. – Все проще простого. Ну ладно, а теперь, когда ты завершил свой рассказ, позволь мне объяснить, где именно ты дал маху и почему твои маленькие друзья из уличников, помогавшие тебе, не доживут до рассвета.

Глава 2

Второй шаг и акульи бои

1

Праздный день, одиннадцатый час утра, Плавающий цирк. Ослепительно-белое солнце, подобное объятому пламенем алмазу, снова вершило свой огненный путь в безоблачном небе, изливая жгучий зной. Локк, облаченный в платье и манеры Лукаса Фервайта, стоял под шелковым навесом на прогулочной барке донна Сальвары и наблюдал, как собираются зрители и участники представления.

На плоту неподалеку выступала труппа танцоров с веревками. Четверо человек стояли по углам своего плавающего помоста на расстоянии футов пятнадцати друг от друга, и разноцветные шелковые шнуры, обвязанные у них вокруг кистей, груди, шеи и соединяющие каждого со всеми остальными партнерами, образовывали затейливые перекрестные узоры, как в детской игре в ниточку. Каждый танцор, казалось, работал сразу с четырьмя или пятью шнурами одновременно. В паутине шнуров, на хитроумных скользящих креплениях, висели всевозможные предметы – мечи, кинжалы, плащи, сапоги, стеклянные статуэтки, блестящие безделушки, – и все они медленно и непрерывно двигались в разных направлениях, в то время как танцоры плавно вращали руками, грациозно покачивались и переступали ногами, расплетая старые узоры и сплетая новые.

Восхитительное, но далеко не самое чудесное зрелище на реке, полной чудес, не последним из которых являлась прогулочная барка донна и донья Сальвара. Многие аристократы переносили декоративные растения в горшках из своих садов на барки и обратно, но супруги Сальвара первыми пошли дальше. Их прогулочное судно представляло собой постоянный плавающий сад. Прочный деревянный корпус барки – прямоугольный, шагов пятьдесят в длину и двадцать в ширину – был наполнен землей, дававшей питание дюжине дубов и олив. Одинаковые густо-черные стволы деревьев и роскошные изумрудно-зеленые кроны с блестящими как лакированные крупными листьями наглядно свидетельствовали о замечательных достижениях алхимической ботаники.

Вокруг нескольких деревьев спиралью обвивались лестницы, испещренные сквозными тенями листвы; все они вели в расположенную среди ветвей смотровую беседку с шелковым навесом, откуда открывался прекрасный вид. С одной и с другой стороны от этого великолепного плавающего сада, на длинных, тяжелых выносных скамьях, значительно повышающих остойчивость судна, сидело по двадцать наемных гребцов.

В смотровой беседке, рассчитанной на двадцать человек, нынче утром находились лишь Локк и Жан, дон и донья да вечно бдительный Конте, который сейчас заправлял у затейливо устроенного питейного шкафа, больше напоминавшего аптекарскую лабораторию. Локк вновь устремил задумчивый взгляд на «веревочных» танцоров, чувствуя странное сродство с ними. Не одни они сегодня утром одним неосторожным шагом могли загубить искусное представление.

– Господин Фервайт, ваше платье! – Донья София Сальвара встала рядом с Локком у передней ограды беседки, положив ладони на поручень всего в паре дюймов от его рук. – Вы выглядели бы прекрасно зимой в Эмберлене, но зачем же носить такой наряд летом в Каморре? Вы в нем сомлеете и раскраснеетесь, как роза! Почему бы вам не снять хотя бы камзол?

– О... уверяю вас, сударыня... я вполне хорошо себя чувствую.

Милостивые Тринадцать, да она с ним заигрывает! Легкая улыбка, скользнувшая по лицу донна Сальвары, говорила о том, что супруги заранее условились, как донья Софии держаться

с гостем. Немного женского внимания, чтобы взволновать и смутить неуклюжего торговца. Превосходная уловка – и старая как мир. Проба сил перед решительной схваткой, так сказать.

– Какое бы неудобство ни доставляла мне моя одежда в вашем... весьма необычном климате, я нахожу, что оно служит мне лишь на пользу. Не позволяет ни на минуту забывать о деле. Не дает расслабиться, знаете ли, потерять деловой нюх.

Стоявший неподалеку Жан вовремя прикусил язык. Напускать на Локка Ламору белокурых женщин – все равно что пытаться скормить акуле салатные листья, а донья София ну очень белокура – одна из редких уроженок Терина, наделенных кожей цвета каленого янтаря и волосами цвета миндального масла. Глаза у нее глубокие и проницательные; соблазнительные изгибы тела искусно подчеркиваются кроєм темно-оранжевого открытого платья, из-под подола которого чуть выглядывает нежно-кремовая нижняя юбка. Что ж, супругам Сальвара просто не повезло наткнуться на вора, имеющего чертовски странные предпочтения по части женского пола. Впрочем, Жан готов восхищаться доньей за них обоих, ибо в силу сегодняшней своей незначительной роли, да и полученных накануне «телесных повреждений», он все равно лишен возможности заняться чем-нибудь иным.

– У господина Фервайта железный характер, моя дорогая. – Дон Лоренцо стоял в ленивой позе у ограды поодаль от них – в просторных белых шелках, темно-оранжевом безрукавном дублете, застегнутом только на нижнюю застежку, и белом шейном платке с небрежно распушенными концами. – Вчера он подвергся жестокому нападению, а сегодня бросает вызов каморрскому солнцу, нарядившись в одежды, на изготовление которых пошло столько шерсти, что и на пять камзолов хватило бы. Должен сказать, Лукас, я все больше и больше радуюсь, что перехватил вас у Джакобо.

Локк поблагодарил молодого аристократа за лестные слова легким поклоном и смущенной улыбкой.

– Ну, по крайней мере, выпейте чего-нибудь, господин Фервайт.

Донья София положила ладонь на руку Локка, буквально на мгновение, но он успел ощутить жесткие мозоли и рубцы от химических ожогов, которые не скрыть никакими ухищрениями. Значит, она и впрямь самый что ни на есть настоящий алхимик-ботаник и этот великолепный плавучий сад является не только плодом ее замысла, но и непосредственным творением ее рук. Столь незаурядные способности предполагают холодный, расчетливый ум. Лоренцо определенно человек горячий и порывистый, но, будучи еще и человеком явно неглупым, он наверняка прислушается к мнению жены, прежде чем соглашаться на какие-либо предложения Лукаса Фервайта. Посему Локк застенчиво улыбнулся донье Софии и неловко кашлянул. Пускай она думает, что ее чары на него действуют.

– Я бы с превеликим удовольствием, любезная донья София, – сказал он, – когда бы мог вам поручиться, что не захмелею. Я не в первый раз в Каморре по торговым надобностям и хорошо знаю, как у вас здесь пьют в ходе деловых переговоров.

– Утро для потения, ночь для сожаления, – проговорил дон Сальвара, отступая от ограды и подавая знак слуге. – Конте, сдается мне, наш гость сейчас заказал не что иное, как «имбирный огонь».

Конте сноровисто принялся за дело: выбрал узкий хрустальный бокал, налил в него на два пальца чистейшего имбирного масла цвета прокаленной корицы, потом щедро плеснул мутно-белого грушевого бренди, а затем добавил прозрачного крепкого ликера под названием «адженто», который на самом деле был не ликером в подлинном смысле слова, а кулинарным вином, настоящим на редисе. Далее Конте обернул левую руку мокрой салфеткой, а правой вытащил из закрытой тлеющей жаровни, стоявшей рядом с питейным шкафом, тонкий железный пруток с докрасна раскаленным кончиком. Пруток этот он на секунду сунул в бокал – раздалось громкое шипение, пыхнуло облачкопряного пара, – после чего взболтал напиток тремя резкими движениями и подал гостю на тонком серебряном блюдечке.

В своей жизни Локку неоднократно приходилось участвовать в подобных ритуалах, но всякий раз, когда «имбирный огонь» опалял его губы и десны язвящим холодным жаром (еще даже прежде, чем обжигал язык и горло), он невольно вспоминал Сумеречный холм и жестокие уроки Воровского наставника; вспоминал жидкий пламень, словно бы проникавший в носовые пазухи и горевший за глазами яблоками столь жарко, что их хотелось вырвать. Достоверно изобразить не самые приятные ощущения от первого глотка «имбирного огня» было гораздо проще, чем изображать интерес к донье.

– Бесподобно... – Локк закашлялся и легонько подергал за черный шейный платок, чтобы чуть-чуть ослабить; супруги Сальвара очаровательно улыбнулись. – Я в очередной раз вспомнил, почему моя торговля более слабыми напитками идет в Каморре столь успешно.

2

Один день в месяц – каждый четвертый Праздный день – Плавающий рынок превращался в Плавающий цирк. Торговые суда не заходили в огромный круглый водоем, примыкающий к Анжеvine, но стояли на якоре или лежали в дрейфе поблизости от него, в то время как добрая половина города собиралась там на представление.

В Каморре никогда не было большого каменного или стеклянного амфитеатра, поэтому здесь сложилась необычная традиция сооружать его плавающее подобие раз в месяц. В заводь заходили громадные многоярусные барки на буксирной тяге и надежно причаливались к каменным волнорезам. Всякая такая барка, подобная вырезанной из стадиона трибуне, обслуживалась отдельной семьей или сборной купеческой командой, одетыми каждая в свое форменное платье. Все они яростно боролись за зрителей, да и между постоянными зрителями нередко вспыхивали шумные споры за места на излюбленных «трибунах».

Выстроенные должным порядком, многоярусные барки занимали примерно половину окружности Плавающего рынка. Для судов, заплывающих в заводь, оставлялся узкий проход, а на другой стороне водоема становились полукругом прогулочные барки знати, которых обычно насчитывалось около сотни, а по праздникам – в полтора раза больше. Сегодня был как раз праздник: до летнего солнцестояния и Дня Перемен оставалось меньше трех недель.

Еще даже до начала представления заводь являла собой увлекательное зрелище: неисчислимое множество людей, бедных и богатых, толпящихся на волнорезах и теснящихся на плавающих трибунах, меряющихся силами в традиционной борьбе за лучшие места, главная прелесть которой состоит в полном отсутствии правил. Желтокурточники всегда присутствовали здесь в изрядном количестве, но скорее для того, чтобы пресекать самые бурные ссоры, грозящие перейти в кровавое мордобитие, нежели для того, чтобы предотвращать вообще любые беспорядки. Ежемесячные цирковые представления были чем-то вроде шумной, буйной общегородской гулянки, которую герцог охотно оплачивал из собственной казны, ибо подобные мероприятия давали народу возможность выплескивать накопленную агрессию и утолять низменные страсти безопасным для властей образом.

Шелковый навес беседки уже не спасал от палящего зноя предполуденного солнца, а «имбирный огонь» лишь усугублял положение Локка и четы Сальвара, которые неспешно потягивали из своих бокалов, глядя сквозь дрожащее жаркое марево на тысячи каморрцев, постепенно заполнявших многоярусные барки для простого люда. Конте приготовил для своих хозяев такие же напитки (хотя, возможно, с меньшим количеством имбирного масла), но подал их «Грауманн», как предписывали правила каморрского этикета в подобных обстоятельствах. Локк уже наполовину опустошил свой бокал; выпитое ощущалось тяжелым горячим комом, распирающим желудок, и жгучим жжением в горле, до боли памятным.

– Итак, о деле, – наконец промолвил он. – Вы оба чрезвычайно добры к нам с Грау. И в отплату за вашу доброту я готов поведать, с каким поручением прибыл в Каморр. Давайте поговорим об этом, если вы не против.

– У вас никогда еще не было столь внимательных слушателей, господин Фервайт!

Наемные гребцы уже завели барку доня Сальвары в заводь, и теперь роскошный плавучий сад приближался к выстроенным полукругом баркам попроще, на иных из которых толпились дюжины, а то и сотни гостей. Глаза молодого аристократа горели жадным любопытством.

– Так поведайте же!

– Ни для кого не секрет, – со вздохом сказал Локк, – что королевство Семи Сущностей трещит по швам.

Супруги Сальвара невозмутимо потягивали из своих бокалов, не произнося ни слова.

– Эмберленский кантон держится в стороне от борьбы за власть. Но граф фон Эмберлен и Черный стол стараются – всяк по-своему – завлечь нас на губительный путь.

– Черный стол? – переспросил дон Лоренцо.

– О, прошу прощения. – Локк отпил очередной крохотный глоток из бокала, и огненная струйка вновь скользнула по языку. – Черным столом у нас называется совет из самых влиятельных эмберленских торговцев, в число которых входят и мои хозяева, бель Аустеры. Они заправляют всеми делами в Эмберлене, за исключением военных и налоговых. И все они до смерти устали от графа, устали от Торговых гильдий других шести кантонов, устали от бесконечных ограничений. Эмберлен богатеет за счет новых способов торговли и предпринимательства. А старые гильдии для Черного стола что камень на шее.

– Странно, что вы говорите «для Черного стола», а не «для всех нас», – заметила донья София. – Это существенно?

– Вы в самую точку попали, сударыня. – Еще один крохотный глоточек; несколько мгновений притворного волнения. – Дом бель Аустеров признает, что гильдии себя изжили, что торговые правила минувших веков, закрепленные гильдейским законом, подлежат пересмотру. Но мы далеко не уверены... – Локк снова отпил из бокала и поскреб в затылке. – Далеко не уверены, что... гм... графа фон Эмберлена следует низложить, когда он покинет кантон со своим войском, чтобы выступить на стороне своих кузенов в Парлее и Сомнее.

– Святые Двенадцать! – Дон Сальвара потряс головой, словно не веря своим ушам. – Да не может быть, чтобы они это серьезно! Ваш кантон меньше Каморрского герцогства! И с двух сторон открыт с моря! Там же невозможно держать оборону!

– Тем не менее подготовка ведется. Годовой оборот торговых и банкирских домов Эмберлена вчетверо превышает доходы самого богатого после него кантона в Семи Сущностях. Черный стол видит в этом залог успеха. Да, деньги действительно дают дополнительные возможности, и немалые, но Черный стол ошибочно полагает, будто они являются силой сами по себе. – Одним длинным, медленным глотком Локк осушил бокал до дна. – Так или иначе, через два месяца разразится гражданская война. Кто придет к власти, предсказать невозможно. Страды и Дворимы, Разулы и Стриги – все сейчас точат ножи и муштруют солдат. А эмберленские купцы в эту самую минуту готовятся арестовать оставшихся аристократов, пользуясь отсутствием герцога. Заручиться поддержкой флота. Начать рекрутские наборы среди «свободных граждан». Сколотить отряды наемников. Одним словом, они сейчас попытаются отделиться от Семи Сущностей. Неминуемо попытаются.

– И какое именно отношение имеет ко всему этому ваш приезд в Каморр?

Донья София сжимала бокал с такой силой, что костяшки побелели. Она сразу поняла, что означает рассказ Фервайта. Грядет большая война, крупнейшая за последние несколько веков. Кровопролитная гражданская война, возможно сопровождаемая хозяйственной катастрофой.

– По мнению моих хозяев, бель Аустеров, у трюмных крыс нет возможности встать к штурвалу корабля, несущегося на рифы. Но они запросто могут сбежать с корабля.

3

Посреди Плавучего цирка в воде стояло множество высоких железных клеток. Многие из них служили опорами для деревянных площадок, на которых размещались артисты, жертвы, бойцы и служители. В нескольких особенно прочных клетках зловеще кружили темные силуэты, смутно различимые в полупрозрачной серой воде. Вокруг вереницей двигались большие весельные лодки с помостами, где выступали «веревочные» танцоры, метатели ножей, акробаты, жонглеры, силачи и прочие диковинные артисты. Возбужденные крики зазывал с длинными медными рупорами отражались от водной глади слабым эхом.

Начиналось каждое представление с Искупительных боев, в которых мелкие преступники из Дворца Терпения могли сразиться с заведомо более сильным противником в обмен на сокращение тюремного срока или незначительное улучшение условий содержания. И сейчас могучий мускулистый *никавеццо* («карающая рука»), один из герцогских гвардейцев, уже избивал своих несчастных жертв. Он был в черных кожаных доспехах с блестящим стальным нагрудником и в стальном шлеме, украшенном гребнем из свежестриженного плавника гигантской летучей рыбы. Чешуйки и иглы ярко посверкивали на солнце, когда солдат переступал взад-вперед, с видимой небрежностью нанося удары окованной дубинкой.

Никавеццо стоял на маленькой, но прочной и устойчивой площадке, а вокруг него, на расстоянии вытянутой руки, теснились круглые шаткие плотики, на которых кое-как удерживались два десятка тощих, грязных узников, вооруженных палками. Возможно, они и справились бы со своим облаченным в доспехи мучителем, когда бы набросились на него всем скопом, но похоже, действовать совместными усилиями бедолаги просто не умели. Приближаясь к никавеццо поодиночке или по двое, по трое, они один за другим получали сокрушительный удар дубинкой по голове и падали в воду. Служители на маленьких лодках быстро вытаскивали бесчувственных узников из воды, пока те не пошли ко дну: герцог в великом своем милосердии требовал по возможности предотвращать смертельные исходы в Искупительных боях.

– Мм... – Локк на миг отвел в сторону руку с пустым бокалом, и Конте тотчас выхватил его у него из пальцев со стремительной грацией фехтовальщика, разоружающего своего противника.

Когда слуга двинулся к питейному шкафу, Локк кашлянул:

– Нет надобности прямо сейчас наполнять мой бокал, Конте. Вы очень добры, благодарю вас. – Затем он повернулся к хозяевам. – С вашего позволения, сударь и сударыня, я хотел бы преподнести вам пару скромных подарков. Один просто в знак сердечной признательности вам за вашу доброту. А другой... впрочем, вы сами увидите. Грауманн! – Локк щелкнул пальцами.

Жан кивнул, подошел к деревянному столу рядом с питейным шкафом и взял с него две увесистые кожаные сумки с металлическими уголками и железными замочками, вделанными в откидные крышки. Поставив сумки так, чтобы супруги Сальвара хорошо их видели, Жан отступил назад, а Локк отпер замки изящным ключиком слоновой кости. Из первой сумки он извлек бочоночек из светлого ароматного дерева, около фута в высоту и с полфута в поперечнике, и протянул дону Сальваре для обозрения. Черное торговое клеймо, выжженное на боку бочоночка, гласило: «Брендвин аустерсалинский 502».

Дон Лоренцо со свистом втянул воздух сквозь зубы, и ноздри его раздулись. Локк хранил на лице Лукаса Фервайта выражение вежливое и невозмутимое.

– Двенадцать богов, Пятьсот второй! Лукас, если вчера я позволил себе добродушно посмеиваться над вашим решительным нежеланием расставаться со своим товаром, прошу вас принять мои глубочайшие...

– Вам нет нужды извиняться, сударь. – Локк изящно повел ладонью, словно отметая слова хозяина прочь. – В знак благодарности за ваше вчерашнее отважное заступничество, дон Сальвара, и за ваше сегодняшнее любезное гостеприимство, прекрасная донья, разрешите преподнести вам сей скромный дар для украшения ваших погребов.

– Скромный?! – Дон Сальвара взял бочоночек и прижал к груди столь нежно и бережно, будто это был младенец пяти минут от роду. – Я... у меня есть Пятьсот шестой и пара Пятьсот четвертых. Насколько я знаю, Пятьсот второго в Каморре нет ни у кого... ну, кроме разве герцога.

– С тех пор как пошел слух о высоких достоинствах Пятьсот второго, бель Аустеры всегда держат изрядные запасы этого напитка. Мы используем его, чтобы, так сказать, растапливать лед в ходе особенно важных деловых переговоров.

На самом деле бочоночек обошелся Локку почти в восемьсот полных крон, включая расходы на морское путешествие в Ашмир, где они с Жаном в нечистой карточной игре сумели выиграть сосуд с редким напитком у чудаковатого мелкого аристократа. Причем львиная доля денег ушла на то, чтобы откупиться от головорезов, посланных стариком за своей утраченной собственностью. Можно сказать, этот Пятьсот второй был слишком дорогим, чтобы просто взять его да выпить.

– Какой щедрый жест! – Донья Сальвара взяла мужа под руку и покровительственно улыбнулась ему. – Лоренцо, дорогой, тебе следует почаще спасать незнакомцев из Эмберлена. Они невероятно очаровательны!

– О... вы мне льстите, сударыня. – Локк смущенно кашлянул и переступил с ноги на ногу. – А теперь, дон Сальвара...

– Прошу вас, зовите меня просто Лоренцо.

– А теперь, дон Лоренцо, я покажу вам нечто, имеющее непосредственное отношение к делу, приведшему меня в ваш город.

Из второй сумки Локк извлек такой же бочоночек, но помеченный одной затейливой буквой «А», вписанной в изящную виньетку.

– Это продукт прошлогодней перегонки, – промолвил он. – Пятьсот пятьдесят девятый. Дон Сальвара выронил бочоночек Пятьсот второго.

Его жена с девичьим проворством выставила вперед правую ногу и приняла деревянный сосуд на подъем ступни, откуда он упал на палубу – со слабым глухим стуком, а не с громким хрустким треском. Сильно пошатнувшись, донья выронила свой «имбирный огонь»: бокал полетел за борт и уже через считанные секунды покоился на глубине двадцати футов. Супруги Сальвара помогли друг другу восстановить равновесие, после чего Лоренцо дрожащими руками поднял с палубы бочоночек Пятьсот второго.

– Лукас... да вы шутите, должно быть, – прерывистым голосом проговорил он.

4

Необходимость наблюдать во время обеда, как джерештийский морской дьявол рвет на части барахтающихся в воде мужчин, не доставляла ни малейшего удовольствия, однако Локк рассудил, что мнимому эмберленскому купцу в ходе многочисленных вымышленных путешествий доводилось видеть и не такое, а потому никак не обнаружил своих подлинных чувств.

Было уже хорошо за полдень. Искупительные бои закончились, и теперь устроители представления перешли к Судебным взысканиям, каковым иносказательным выражением именовалась жестокая и зрелищная казнь дюжины убийц, насильников, работоторговцев и поджигателей. Формально все они были вооружены, и, если бы им каким-то чудом удалось убить водную тварь, против них выставленную, власти сократили бы всем выжившим срок заключения. Но

водных тварей всегда привозили столь ужасных, а оружие выдавали столь смехотворное, что иначе, чем казнью, происходящее нельзя было назвать.

Щупальца морского дьявола имели в длину около двенадцати футов – столько же, сколько и черно-серое полосатое тело. Чудовище находилось в кругу диаметром шестьдесят футов, ограниченном тесно сомкнутыми клетками и плавучими платформами. Там же с отчаянными воплями барахтались мужчины, большинство которых уже давно потеряло свои короткие тонкие кинжалы. Опасливые стражники с арбалетами и копьями, стоящие на платформах, сталкивали обратно в воду всех, кто пытался выбраться. Время от времени морской дьявол переворачивался в кипящей красной воде брюхом вверх, и Локк мельком видел безвекий черный глаз размером с суповую миску – примерно такую, какую он сейчас держал в руках.

– Изволите еще, господин Фервайт?

Рядом возник Конте с серебряной супницей охлажденного томатного супа с белыми креветками, обильно приправленного луком и жгучим перцем. У супругов Сальвара было весьма странное чувство юмора.

– Нет, Конте, благодарю вас, но я пока что сыт.

Локк поставил миску рядом с початым бочоночком Пятьсот пятьдесят девятого (на самом деле неприятельного пятидесятикронового Пятьсот пятидесятого, щедро разбавленного крепчайшим ромом, какой только удалось раздобыть Жану) и отпил из пузатого бокала глоточек янтарного напитка. Даже несмотря на изрядную примесь сомнительного, хотя и далеко не дешевого пойла, вкус у подделки был превосходный. Грауманн в предупредительной позе замер позади хозяев, сидевших напротив Локка за столиком из промасленного серебряного дерева. Донья София задумчиво трогала ложечкой тончайшие ломтики апельсинового желе, выложенные на тарелке в виде тюльпана. Дон Лоренцо по-прежнему зачарованно смотрел на свой бокал бренди.

– Это кажется почти... святотатством! – Невзирая на такие свои чувства, он наконец отхлебнул порядочный глоток, и по лицу его разлилось блаженство; в отдалении позади него над водой взлетело что-то похожее на истерзанный человеческий торс и с плеском упало обратно, под восторженный рев толпы.

Как всем известно, аустерсалинский бренди после перегонки и купажа выдерживался не менее семи лет, и до истечения этого срока никто из посторонних не имел ни малейшей возможности заполучить хотя бы один бочоночек. Торговым представителям дома бель Аустеров запрещалось даже упоминать о партиях товара, еще не готовых к продаже. Местонахождение погребов для выдержки держалось в глубокой тайне, для сохранности которой, по слухам, виноторговцы при необходимости прибегали к услугам наемных убийц. Дон Лоренцо просто остолбенел от изумления, когда Локк небрежно преподнес ему бочоночек Пятьсот пятьдесят девятого, и едва не грянулся в обморок, когда Локк равно небрежно вскрыл сургучную пробку и предложил распить бесценный напиток за обедом.

– Это вы верно заметили, – усмехнулся Локк. – Бренди, можно сказать, религия дома бель Аустеров. Столько правил, столько ритуалов, столько наказаний! – Уже без улыбки, он выразительно чиркнул пальцем по горлу. – Возможно, мы с вами – единственные в истории люди, которым довелось пить невыдержанный бренди за обедом. Я подумал, вам будет приятно.

– О, я просто в восторге! – Дон Сальвара легонько взболтал напиток и с минуту неподвижно смотрел в бокал, словно замороженный янтарной прозрачностью жидкости. Потом поднял глаза на собеседника. – И мне не терпится узнать, какой же план вы замыслили.

– Что ж... – Локк тоже взболтал свой бренди, несколько театральным жестом. – За последние двести пятьдесят лет Эмберлен трижды подвергался вторжению. Будем говорить прямо: вопросы престолонаследия в королевстве Семи Сущностей всегда решаются в первую очередь войнами и кровопролитием, время благословений и пиров наступает позже. Когда между графами разгорается усобица, Аустерсалинские горы – единственная преграда на пути

захватчиков в Эмберлен – неизменно становятся местом ожесточенных боев, которые всякий раз прокатываются вниз по восточным склонам, прямо через виноградники бель Аустеров. И сейчас неминуемо повторится то же самое. Тысячи пеших и верховых солдат пройдут через перевалы. Вытопчут виноградники. Разграбят все дочиста. Теперь, когда у нас появилось горячее масло, дело может обернуться еще хуже, и через полгода от наших виноградников останутся одни пепелища.

– Да уж, виноградники не упакуешь и с собой не возьмешь, когда... гм... бежишь с корабля, – заметил дон Лоренцо.

– Вы правы, – вздохнул Локк. – Аустерсалинский бренди невозможен без аустерсалинских почв. Потеря виноградников неизбежно означает длительный перерыв в производстве. Десять, двадцать... возможно, даже тридцать лет. Или больше. Но и это еще не все. Положение наше, прямо скажем, хуже некуда. Если в королевстве разразится гражданская война, граф не допустит, чтобы морские порты и богатства нашего кантона достались противнику, и в ближайшее же время захватит Эмберлен при помощи своих союзников. Они перебьют всех участников Черного стола и изымут в казну их земельные владения и денежные средства. Дом бель Аустеров тоже не пощадят... В настоящее время Черный стол действует тихо, но решительно. Мы с Грау отплыли из Эмберлена пять дней назад, за двенадцать часов до закрытия порта. Сейчас кораблям под эмберленскими флагами запрещено выходить в море – все они стоят у причалов на «ремонте» или «карантине». Аристократы, по-прежнему хранящие верность графу, сидят под домашним арестом, а стража их разоружена. Наши вклады в банкирские дома Эмберлена временно заморожены. Торговые дома Черного стола по общему согласию пошли на такой шаг, чтобы ни один из них не смог сбежать из кантона со своими деньгами и товарами. Сейчас мы с Грау пользуемся кредитом, несколько лет назад открытым нам здесь банкирским домом Мераджо. Мои хозяева... ну, мы просто никогда не хранили средства за пределами Эмберлена. Так, немножко тут, немножко там – на всякий непредвиденный случай.

Локк пристально следил за тем, какое впечатление производят его слова на слушателей. В своем рассказе о положении дел в Эмберлене он по возможности опирался на самые свежие и достоверные сведения. Однако не исключено, что у дона Сальвара имеются свои надежные источники новостей, не выявленные Благородными Канальями в ходе предварительного наблюдения и подготовки. Все, что касалось Черного стола и предстоящей гражданской войны, относилось к разряду разумных и обоснованных предположений, а вот история про внезапное закрытие портов и домашние аресты была чистой воды выдумкой. Сам Локк с уверенностью полагал, что настоящая заваруха в Эмберлене начнется не раньше чем через несколько месяцев. Если дон Сальвара осведомлен об истинном положении вещей, весь план того и гляди с треском провалится. Конте уже через считанные секунды попытается пригвоздить Локка к столу своими стилетами, а Жан тогда выхватит топоры, спрятанные под камзолом, и всем пятерым в беседке под шелковым навесом придется очень и очень несладко.

Но супруги Сальвара не произносили ни слова, лишь смотрели на него напряженным, выжидательным взглядом, всем своим видом выражая нетерпеливое любопытство. Приободрившись, Локк продолжил:

– Нынешние наши обстоятельства совершенно невыносимы. Мы не хотим стать ни заложниками политики Черного стола, которую не одобряем, ни жертвами мести, которую осуществит граф по своем неминуемом возвращении. Посему мы решили пойти на... гм... довольно рискованный шаг. Но здесь нам потребуется существенная помощь какого-нибудь каморрского аристократа. Ваша, дон Сальвара, если вы располагаете достаточными средствами.

Супруги Сальвара пожали друг другу руки под столом. Лоренцо возбужденно взмахнул ладонью, призывая Локка продолжать.

– Мы готовы отказаться от попыток спасти наши деньги, тем самым выиграв время для дальнейших действий. И мы вполне уверены, что при старании сумеем нажать столько же, сколько потеряли, и даже больше, дай только время. Мы даже готовы... – Локк скрипнул зубами. – Мы даже готовы пожертвовать нашими виноградниками. Сами спалим их дотла, чтоб никому не достались. В конце концов, почву для них мы обогащаем секретными алхимическими составами, известными лишь нашим мастерам-виноградарям.

– Аустерсалинская метода, – выдохнула донья София, уже не в силах скрывать свое волнение.

– Конечно же вы о ней слышали, – кивнул Локк. – Ну что я могу сказать... У нас никогда не работает больше трех мастеров-виноградарей одновременно, и аустерсалинская метода слишком сложна, чтобы непосвященный мог разобраться в ней, просто исследуя нашу почву; такое не по силам даже столь одаренным ученым, как вы, сударыня. Многие составы, используемые нашими алхимиками, на самом деле не оказывают на почву никакого питательного воздействия и служат лишь для отвода глаз, вот так-то... Единственное, что мы никак не можем оставить в Эмберлене, так это огромный запас недодержанного бренди, разлитого по бочкам за последние шесть лет. А равно редкие сорта и пробные образцы купажей. Аустерсалинский бренди мы храним в тридцатидвухгаллонных бочках, и таких бочек у нас без малого шесть тысяч. Мы должны во что бы то ни стало вывезти их из Эмберлена, и сделать это необходимо в ближайшие несколько недель – прежде чем Черный стол ужесточит надзорные меры и прежде чем граф начнет осаду своего кантона. А все наши суда сейчас, считай, арестованы, и у нас нет доступа к нашим денежным средствам.

– Так вы... вы намереваетесь вывезти все эти бочки из Эмберлена? Все до единой? – Дон Сальвара аж задохнулся от возбуждения.

– Как можно больше, во всяком случае, – ответил Локк.

– И чем же мы можем помочь вам? – Донья София нетерпеливо поерзала на стуле.

– Суда под эмберленскими флагами, как я уже говорил, в настоящее время не могут ни покинуть порт, ни зайти в него, если не хотят надолго там задержаться. Но, скажем, небольшая флотилия каморрских кораблей с каморрскими командами, снаряженная на деньги какого-нибудь каморрского аристократа... – Локк поставил свой бокал на стол и развел руки в стороны.

– То есть вы предлагаете мне снарядить морскую экспедицию?

– Двух-трех больших галеонов нам хватит. Речь идет о грузе общим весом около тысячи тонн. Команды в пятьдесят-шестьдесят человек на корабль будет вполне достаточно. Мы выберем причалы, найдем надежных капитанов. Само путешествие на север займет шесть-семь дней; еще какое-то время уйдет на то, чтобы нанять корабли и собрать команды, – думаю, меньше недели. Вы со мной согласны?

– Меньше недели... да, пожалуй. Но... вы предлагаете мне вложить деньги в это предприятие?

– Все ваши траты окупятся сторицей, уверяю вас.

– При условии, что все пройдет гладко... да, конечно. И мы чуть позже вернемся к вопросу моей выгоды. Но чтобы так быстро найти два галеона, хороших капитанов, собрать надежные команды и...

– И еще наполнить трюмы съестными продуктами, – подхватил Локк. – Дешевое зерно, сухой сыр, самые простые свежие фрукты. Ничего особенного. Но Эмберлену скоро предстоит осада, а посему Черный стол премного обрадуется возможности пополнить запасы городского продовольствия. Положение Эмберлена сейчас слишком шатко, чтобы отказываться от помощи суверенного Каморра, тем самым проявляя к нему неуважение. Вот почему мои хозяева рассчитывают, что на ваши корабли запретительные меры не распространятся.

– Хорошо... – задумчиво проговорил дон Сальвара, пощипывая нижнюю губу. – Значит, два галеона, две команды, груз дешевых продуктов. Смотрители за грузом, по десять-двенадцать человек на корабль... В это время года желающие занять такую должность толпами ошиваются у Виконтовых ворот. Еще хотелось бы по небольшому отряду вооруженных охранников на каждый галеон, во избежание всяких... ну, осложнений.

Локк согласно кивнул.

– А каким образом мы на глазах у всех перевезем ваши драгоценные бочки из погребов в порт?

– О, тут самая простая хитрость, – улыбнулся Локк. – У нас есть несколько пивоварен с пивными погребами... так сказать, побочное развлечение наших мастеров купажа. Пиво хранится в точно таких же тридцатидвухгаллонных бочках, и местонахождение наших пивных складов всем хорошо известно. Все время, пока мы с Грау плыли на юг, в Каморр, мои работники потихоньку перевозили бочки аустерсалинского бренди в пивные погреба и выжигали на них другие клейма. И они будут делать это все время, пока мы здесь ведем переговоры, и вплоть до прибытия ваших кораблей в Эмберлен.

– Значит, вам не придется тайно грузить на борт бренди! – Донья София взволнованно стиснула руки. – Вы будете открыто грузить обычное пиво!

– Именно так, сударыня. Даже самая крупная партия пива не вызовет таких подозрений, какие вызвала бы любая партия бочек с невыдержанным бренди. Это будет выглядеть как успешная торговая сделка, и мы станем первыми, кто обойдет запрет на выход эмберленских кораблей в море. Мы доставим в Эмберлен запасы продовольствия, жизненно необходимые кантону ввиду предстоящей осады, и извлечем из этого хорошую прибыль. По завершении погрузки мы сразу же покинем порт, взяв с собой еще шестьдесят-семьдесят человек – семейство бель Аустер и их наемных работников, которые помогут нам наладить новое предприятие в Каморре. Обман наш, конечно, рано или поздно раскроется, но это уже не будет иметь для нас ровным счетом никакого значения.

– И все это нужно устроить в самое ближайшее время... – Дон Лоренцо глубоко задумался. – Пятнадцать тысяч крон, по моим прикидкам. Возможно, двадцать.

– Да, где-то так, согласен с вами, сударь. Ну и еще тысяч пять на взятки и прочие сопутствующие расходы. – Локк пожал плечами. – Как ни хороша наша хитрость с бочками, но иные чиновники все-таки должны смотреть в сторону, пока мы занимаемся нашими делами в Эмберлене.

– Значит, двадцать пять тысяч. Черт! – Дон Лоренцо одним глотком допил свой бренди, отставил бокал и сцепил руки на столе. – Это больше половины моего состояния. Вы мне нравитесь, Лукас, но сейчас настало время обсудить другую сторону вашего предложения.

– Разумеется. – Локк умолк и взялся за бочоночек, чтобы налить собеседнику еще поддельного «невыдержанного».

Дон Сальвара сначала отрицательно повел ладонью, но потом желание вновь насладиться вкусом бесценного напитка возоблаговало над здравым смыслом, и он протянул свой бокал. Донья София последовала примеру мужа, и Жан поспешил взять у нее бокал и передать Локку. Обслужив супругов Сальвара, Локк изрядно плеснул и себе самому, после чего продолжил:

– Во-первых, вы должны ясно понимать, на что бель Аустеры готовы пойти и на что не пойдут ни под каким видом. Секретов аустерсалинской методы вы никогда не узнаете – они по-прежнему будут передаваться только из уст в уста, исключительно среди представителей дома. Мы не сможем предложить вам ничего из нашей земельной собственности ни в качестве поручительства, ни в качестве платы за ваше содействие, ибо мы, вероятно, лишимся всех наших владений, когда сбежим из Эмберлена. Само собой, мы постараемся вернуть себе виноградники, но прибегать к вашей помощи здесь не собираемся. Любая ваша попытка выведать секреты нашей методы – скажем, путем подкупа каких-либо представителей дома бель Аусте-

ров – будет рассматриваться как вопиющее нарушение договоренности. – Локк отпил маленький глоточек бренди. – Я понятия не имею, какие именно наказательные меры мы примем в знак своего недовольства, но выражено оно будет во всей полноте, уж поверьте. Мне поручено недвусмысленно предупредить об этом.

– И мы вняли предупреждению. – Донья София положила руку на плечо мужа. – Но вы все говорите об ограничительных условиях, а не о самом предложении.

– Простите великодушно, любезная донья София, что мне приходится разговаривать с вами в таком духе. Но вы должны понимать: речь идет о важнейшем решении из всех, какие когда-либо доводилось принимать дому бель Аустеров. Мы с Грау сейчас держим будущее всего нашего сообщества в своих легкоуязвимых руках. В данную минуту я говорю с вами не как ваш благодарный гость Лукас Фервайт, но как доверенное лицо дома бель Аустеров. И вы прекрасно понимаете, что о некоторых вещах мы говорить не можем и не будем, даже тончайшими намеками.

Супруги Сальвара согласно кивнули – София чуть помедленнее, чем Лоренцо.

– Итак, вернемся к нашим обстоятельствам. В Эмберлене вот-вот разразится война. Наши виноградники и прочие наши владения почитай что потеряны. А без виноградников производство аустерсалинского бренди остановится на... одним только Сущностям известно, на какой срок. Десять лет? Двадцать? Тридцать? И даже когда мы вернем виноградники в свою собственность, нам понадобится не один год, чтобы восстановить почву. В нашей истории такое случалось уже трижды. А значит, в следующие много, много лет единственным источником настоящего аустерсалинского бренди будет та часть шести тысяч бочек, какую мы сумеем тайно вывезти из Эмберлена – действуя, как тати в ночи. Но вообразите, как поднимется спрос! Как взлетят цены!

Дон Сальвара непроизвольно пошевелил губами, подсчитывая возможную прибыль. Донья София уставилась куда-то вдаль, хмурия брови. Аустерсалинский бренди был самым качественным и самым востребованным хмельным напитком из всех известных; даже веррарские алхимические вина, во всем своем многообразии, не могли тягаться с ним в цене. Одна полугаллонная бутылка самого молодого аустерсалинского бренди в розницу стоила тридцать полных крон, а выдержанный бренди стоил гораздо, гораздо дороже. Внезапная нехватка спрового товара, ограниченные запасы одного, ясное понимание, что аустерсалинские виноградники в обозримом будущем не дадут урожая...

– Ох, твою мать!.. – невольно вырвалось у Конте, когда перед его мысленным взором проплыли цифры предполагаемого дохода. – Прошу прощения, сударыня.

– И правильно делаешь. – Донья София осушила свой бокал одним быстрым глотком, совсем не по-женски. – Ибо твои подсчеты неверны. На самом деле тут тянет по меньшей мере на «трижды твою мать».

– Дом бель Аустеров, – продолжал Локк, – желает основать в Каморре товарищество, чтобы хранить и продавать аустерсалинский бренди во время... неизбежного перерыва в производстве. В обмен на вашу помощь, оказанную нам в отчаянную минуту, мы готовы предложить вам пятьдесят процентов выручки от продажи любой партии товара, какую вам удастся вывезти из Эмберлена. Опять-таки примите во внимание положение дел на питейном рынке и неминуемый рост цен на аустерсалинский бренди. Ваши вложения десятикратно окупятся в первый же год. А за пять-десять лет...

– Да... – Дон Лоренцо покрутил в руках очки. – Но знаете, Лукас, почему-то вы выглядите... гм... не особенно удрученным сейчас, когда сидите здесь передо мной, рассуждая о возможном разорении дома бель Аустеров и вынужденном переселении в город, расположенный в пятистах милях к югу от ваших родных мест.

Локк улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой, которую когда-то несколько недель краду репетировал перед зеркалом.

– Когда мои хозяева осознали свое нынешнее положение, иные из них сказали, что нам следовало создать искусственную нехватку бренди на рынке еще много лет назад. Так или иначе, мы твердо уверены, что сумеем обратить прискорбную неудачу в блистательный успех. Шесть тысяч бочек, проданных по заоблачным ценам в течение пяти-десяти лет... Мы вернемся в Эмберлен с состоянием, по сравнению с которым все, от чего нам придется отказаться сейчас, покажется сущей мелочью. Что же касается до вас...

– Речь идет не о сотнях тысяч крон, – очнулась от задумчивости донья София. – Речь идет о миллионах.

– Было бы неразумно рассчитывать на слишком многое, но да... не исключено, что совокупный доход от продаж достигнет таких цифр. Мои хозяева готовы также по своему возвращении в Эмберлен и после восстановления виноградников предложить вам еще одно, последнее вознаграждение: постоянное участие во всех прибылях дома бель Аустеров. Разумеется, ничего близкого к контрольной доле, но что-нибудь вполне достойное. Процентов десять-пятнадцать. Вы станете первыми и, надеюсь, единственными иноземцами, удостоенными столь высокой чести.

Наступила пауза.

– Это... очень заманчивое предложение, – наконец проговорил дон Сальвара. – Как подумаешь, что такая удача должна была неожиданно свалиться на Джакобо! Клянусь богами, Лукас, если мне когда-нибудь случится снова встретиться со вчерашними грабителями, я сердечно поблагодарю их за то, что они устроили наше знакомство.

– Ну, я лично считаю, что прошлое должно оставаться в прошлом, – усмехнулся Локк. – А вот Грау наверняка держится иного мнения. И факт остается фактом: хотя я чувствую, что очень скоро у нас появится повод поздравить друг друга, нам еще предстоит снарядить корабли, совершить путешествие на север и быстро схватить наш приз. Положение дел сейчас сродни туго натянутому грузовому канату, в котором рвется каболка за каболкой. – Локк отсалютовал супругам Сальвара своим пузатым бокалом. – И канат этот вот-вот с треском лопнет.

Морской дьявол вышел из схватки победителем, и в награду за службу стражники утыкали его отравленными арбалетными стрелами. Заталкивать чудовище, выполнившее свое назначение, обратно в клетку не стали, просто оттащили с помощью багров и цепей к краю водоема. Красная кровь морского дьявола, смешиваясь с кровью истерзанных жертв, расплылась в воде огромным темным облаком, которому предстояло сыграть свою роль в следующем действе.

5

Магистры Теринского коллегия, проживающие в безопасном удалении от Железного моря, сказали бы вам, что волчья акула – прекрасное и поистине удивительное создание, с мощной мускулатурой, более развитой, чем у самого сильного быка, и толстой наждачно-шершавой кожей, испещренной полосами всех оттенков – от тусклой зелени старой патины до густой черноты грозовой тучи. Однако любой рыбак, промышляющий в прибрежных водах Каморра, скажет вам, что волчьи акулы – огромные злые твари, причем страшно прыгучие.

Запертые в прочные клетки, голодные и обезумевшие от запаха крови, волчьи акулы – гвоздь каждого представления Плавающего цирка. В одних городах устраиваются гладиаторские бои, в других – смертельные схватки людей с дикими зверями. Но только в Каморре можно увидеть, как особым образом вооруженный гладиатор (контрареквиалла) сражается со свирепой прыгающей акулой; и по давней каморрской традиции контрареквиаллами становятся лишь женщины.

Это зрелище и называется акульими боями.

6

Пригожи ли собой четверо женщин-контрареквиалл, сказать было трудно, но в целом выглядели они великолепно, ничего не скажешь. Смуглокожие каморрки, по-крестьянски статные и крепкие, с внушительной мускулатурой, хорошо видной даже на расстоянии. Все их одеяние состояло из коротеньких черных жилеток, борцовских набедренных повязок и тонких кожаных перчаток. Длинные черные волосы, спереди убранные под традиционные красные косынки, были заплетены в косы, сплошь унизанные медными и серебряными кольцами, ярко сверкавшими на солнце. Предназначение колец оставалось вопросом спорным: одни утверждали, что они слепят морских хищников, и без того слабых зрением; другие считали, что блеск украшений, напротив, помогает чудовищным тварям высматривать своих жертв.

Каждая контрареквиалла держала в левой руке дротик, а в правой – особый боевой топор: с полной гардой на рукояти (для надежности хвата) и двойным лезвием – с одной стороны в виде привычного полумесяца, а с другой – в виде длинного изогнутого шипа, как у кирки. Искусные воительницы обычно старались начисто отрубить плавники и хвост, прежде чем приканчивали морскую хищницу, а самые лучшие из них, считанные единицы, могли убить одним только шипом, хотя кожа у волчьей акулы по толщине и прочности зачастую не уступала коре столетнего дерева.

Локк рассматривал суровых контрареквиалл со своего рода меланхолическим восхищением. Он всегда полагал, что женщины эти столь же безумны, сколь отважны.

– Крайняя слева – Цицилия де Рикюра, – указал дон Лоренцо своему гостю, решив ненадолго прервать оживленные переговоры, которые длились уже больше часа. – Неплохой боец. Рядом с ней Аганесса – она известна тем, что никогда не пользуется дротиком. Другие две, должно быть, новенькие. По крайней мере, здесь у нас они впервые.

– Очень жаль что сегодня нет сестер Беранджа, господин Фервайт, – сказала донья София. – Они лучшие.

– Вероятно, лучшие из всех, кто выступал когда-либо. – Дон Лоренцо прищурился от блеска воды, сиюсь оценить размеры акул, чьи темные силуэты едва различались в клетках. – Или будет выступать когда-либо. Но они вот уже несколько месяцев не появляются на представлениях.

Локк кивнул и задумчиво пожевал щеку. Как Локк Ламора, гарриста Благородных Каналей и уважаемый вор, он был лично знаком с двойняшками Беранджа и доподлинно знал, где они провели последние месяцы.

Первая воительница уже выходила на свою позицию. Сражались контрареквиаллы на выстроенных квадратной сеткой деревянных площадках, каждая из которых имела размеры два на два фута и выступала над водой на полфута. Площадки располагались на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга, и громадные рыбы могли свободно проплывать между ними. Женщинам предстояло проворно перескакивать с одной площадки на другую, нанося удары топором или дротиком и одновременно уворачиваясь от акул, выпрыгивающих из воды. Падение в воду обычно означало конец схватки.

Позади клеток с акулами (открывавшихся посредством цепной лебедки с барки поодаль) стояла лодка с высокооплачиваемыми добровольными гребцами и тремя традиционными наблюдателями за акульими боями. Там находился, во-первых, священник бога Иона в своих бирюзовых одеяниях, отделанных серебром; затем жрица Азы Гийи – повелительницы Долгого безмолвия, Богини Смерти, – облаченная в черный балахон и прячущая лицо под серебряной маской; и наконец, лекарь, чье присутствие всегда казалось Локку проявлением совершенно безосновательного оптимизма.

– Каморр! – Молодая женщина – видимо, Цицилия де Рикюра – вскинула над головой оружие. Гул толпы стих; наступила тишина, нарушаемая лишь слабым плеском воды о борта лодок и волнорезы. Пятнадцать тысяч зрителей как один затаили дыхание. – Я посвящаю эту смерть герцогу Никованте, нашему господину и покровителю!

То было традиционное приветствие контрареквиаллы, и слова «эта смерть» могли относиться к любой из двух участниц сражения.

Грянули трубы, радостно взревела толпа, и служитель на барке поодаль повернул ворот лебедки, выпуская на волю первую акулу. Десятифутровая рыбина, уже обезумевшая от запаха крови, молниеносно выскользнула из клетки и стремительно поплыла вокруг скопления деревянных площадок, рассекая воду зловещим серым плавником. Цицилия присела на одной ноге, а другой несколько раз ударила по воде, выкрикивая проклятья и угрозы противнице. Акула тотчас приняла вызов и уже через пару секунд металась взад-вперед между площадками, подобная громадному зубастому маятнику.

– Эта терять времени не станет! – Дон Сальвара возбужденно стиснул руки. – Бьюсь об заклад, она сейчас прыгнет.

Едва он успел договорить, как акула взметнулась из воды в фонтане сверкающих брызг, бросаясь на пригнувшуюся контрареквиаллу. Правда, взлетела она невысоко, и Цицилия легко увернулась, перескочив на площадку справа. В прыжке женщина успела метнуть дротик; острое вонзилось акуле в бок, древко мелко задрожало, а уже мгновение спустя этот свирепый обтекаемый сгусток мышц с плеском ушел под воду. Зрители завопили, кто восторженно, кто неодобрительно: бросок был замечательно ловким, но недостаточно сильным. Акула только еще больше разъярилась, а Цицилия потеряла копые.

– Ах, как опрометчиво! – Донья София поцокала языком. – Девушке нужно научиться терпению. Посмотрим, оставит ли ей новая подруга такую возможность.

Вспенивая и взбрызгивая розоватую воду мощными ударами хвостового плавника, акула следовала за тенью контрареквиаллы, готовая к следующему нападению. Цицилия прыгала с площадки на площадку, держа топор шипом наружу.

– Господин Фервайт... – Дон Лоренцо повертел в руках очки, которые снял, чтобы наблюдать за схваткой. Похоже, вдаль он видел хорошо. – Я готов согласиться на ваше предложение, но вы должны принять во внимание, что именно на меня приходится основная доля начального риска, особенно если учесть общую сумму моих наличных средств. Посему я ставлю условием, чтобы прибыль от продажи аустерсалинского бренди делилась в соотношении пятьдесят пять на сорок пять процентов – в мою пользу.

Локк сделал вид, будто обдумывает требование. Цицилия тем временем длинными прыжками неслась по площадкам, резко отмахивая локтями; хищный серый плавник рассекал воду в каком-нибудь футе позади нее.

– Ну что ж... Я уполномочен пойти на подобную уступку. Однако в таком случае ваша доля в доходах от аустерсалинских виноградников составит пять процентов.

– Идет! – улыбнулся дон Лоренцо. – Я предоставляю деньги на два галеона, команды и капитанов, на все необходимые взятки и прочие подготовительные расходы, на груз продовольствия, который мы повезем на север. Я буду надзирать за порядком на одном галеоне, вы – на другом. На каждый корабль я самолично наберу охрану из наемников, для пушей безопасности. Конте поплывет с вами, ваш Грауманн может сопровождать меня. Любые издержки сверх оговоренных двадцати пяти тысяч каморрских крон останутся на мое усмотрение.

Акула прыгнула еще раз и опять промахнулась. Цицилия стремительно выполнила стойку на одной руке, размахивая топором. Под оглушительный рев толпы акула неуклюже развернулась и поплыла следом за своей убегающей противницей, готовясь к очередной атаке.

– Решено! – кивнул Локк. – Одинаковые экземпляры договора, заверенные подписями, будут храниться у вас и у меня. Третий экземпляр, на теринском, отдадим на хранение неза-

висимому стряпчему, выбранному по обоюдному согласию; он вскроет и изучит документ в течение месяца, если вдруг с одним из нас при перевозке бочек приключится... какой-нибудь несчастный случай. Четвертый экземпляр, на вадранском, тоже подписанный должным образом, я доверю знакомому торговому посреднику для последующей доставки моим хозяевам. Сегодня вечером, в гостинице «Фрегат», мне понадобится опытный составитель договоров. И мне нужен от вас заемный вексель на пять тысяч крон, чтобы завтра с утра получить по нему деньги в банкирском доме Мераджо. Тогда я смогу безотлагательно приступить к работе.

– Это все?

– Все.

Несколько секунд дон Сальвара молчал, потом решительно произнес:

– Ладно, черт с ним, я согласен! Давайте ударим по рукам и попытаем счастья.

На водной арене Цицилия остановилась и замерла с приподнятым топором, выбирая время для удара. Акула, волнообразно изгибая тело, подплывала к площадке справа, слишком медленно для высокого прыжка. Но в тот самый миг, когда девушка подалась вперед и занесла топор шипом вниз, акула резко выгнула спину, сложившись чуть ли не пополам, и мощным броском нырнула в глубину. Взметнувшийся в воздух хвост хлестнул контрареквиаллу по ногам, чуть ниже коленей. Пронзительно вскрикнув – не столько от боли, сколько от неожиданности, – Цицилия де Рикору навзничь упала в воду.

Остальное было делом нескольких секунд. Акула стремительно всплыла, схватила девушку за ногу, возможно за обе, и бешено завертелась на месте, не выпуская из зубов жертву. Локк мельком видел то отчаянно бьющееся женское тело, то темный шершавый бок рыбы – белое, серое, белое, серое. Через считанные мгновения розовая пена на воде вновь стала темно-красной, и две извивающиеся тени скрылись в глубине под деревянными площадками. Половина зрителей взревела в кровожадном восторге; а другая половина склонила головы в почти-тельном молчании, которое продлится ровно до тех пор, пока на красную от крови водную арену не выйдет следующая девушка.

– О боги! – Донья София пристально смотрела на расплывающееся на воде темное пятно; три оставшиеся контрареквиаллы неподвижно стояли с опущенными головами; священник Ионе и жрица Азы Гийи воздели руки в благословляющем жесте. – Просто невероятно! Чтобы попасться на такую нехитрую уловку – и так быстро. Мой отец всегда говорил: одна-единственная оплошность, допущенная на арене Плавучего цирка, опаснее десятка ошибок, совершенных в любом другом месте.

Локк низко поклонился и поцеловал ей руку:

– И я с ним полностью согласен, сударыня. Полностью.

С любезной улыбкой он поклонился еще раз, а потом повернулся к дону Сальваре и обменялся с ним рукопожатием.

Интерлюдия

Локк остается на ужин

1

– Что?! – Локк чуть не вскочил с места. – Да что вы такое говорите?

– Мальчик мой, – промолвил Цеппи. – Милый мой мальчик с редкими проблесками ума, ты не видишь дальше собственного носа. Ты достаточно смышлен, чтобы одурачить кого-нибудь, но совершенно не умеешь просчитывать хоть сколько-либо отдаленные последствия. Так вот, пока ты не научишься предусматривать любые возможные последствия своих действий, ты постоянно будешь подвергать опасности себя и всех окружающих. Да, ты еще юн летами, и тут ничего поделаешь, однако даже в твоём возрасте вопиющая глупость не имеет оправдания. Поэтому слушай меня внимательно... Первая твоя ошибка заключалась в том, что ты не удосужился выяснить, какое наказание полагается вору, взявшему деньги у стражника. Подобное правонарушение карается не побоями, а смертью. Ясно тебе? Здесь, в Каморре, стражники берут деньги у нас, но никак не наоборот. Это незыблемое правило, не допускающее исключений. Всякий и любой вор, его нарушивший, приговаривается к смерти. Получает ножом по горлу, отправляется на корм акулам, предстает перед богами. Ясно?

Локк кивнул.

– Таким образом, желая вырыть Веслину яму, ты вырыл могилу. Но ошибку свою ты усугубил тем, что использовал беложелезную монету. Знаешь, сколько в точности стоит полная крона?

– Много.

– Ха! «Много» – это не «в точности». Ты не в ладах с теринским или в самом деле не знаешь?

– Ну... в самом деле не знаю.

– Так вот, этот блестящий кругляшок белого железа – если чертова монета не спилена, конечно, – стоит сорок серебряных солонов. Понятно? Двести сорок медяков. Ага, у тебя глаза на лоб полезли. Значит, соображаешь, какие это большие деньги, да?

– Да. Ух ты!

– Вот именно, «ух ты!». Теперь давай посмотрим на дело шире. Обычный желтокурточник – один из наших бескорыстных и бесконечно преданных долгу городских стражников – зарабатывает такую сумму за два месяца каждодневной службы. А стражникам платят очень даже неплохо по сравнению с простыми горожанами, и жалование они получают уж всяко не белым железом.

– О...

– Выходит, Веслин взял не просто деньги, а слишком большие деньги. Полную крону! Да чья угодно смерть обойдется много дешевле, в том числе и твоя.

– А... сколько вы заплатили за мою? – Локк похлопал по мешочку с меткой смерти, по-прежнему висевшему у него на груди под рубашкой.

– Не хотелось бы уязвлять твое самолюбие, но я до сих пор не уверен, что разумно потратил эти два медяка. – Глядя на вытянувшееся лицо мальчика, Цеппи от души расхохотался, но затем вновь посерьезнел. – Оставлю тебя в неведении на сей счет, сынок. Но вернемся к нашему предмету. За гораздо меньшие деньги можно нанять опытных, надежных людей для важной работы. Можно купить главные паи в пяти-шести деловых предприятиях, если ты понимаешь, о чем я. Поэтому твоя беложелезная монета, подброшенная Веслину...

– Это слишком много за... какую-то простую работу?

– В самую точку. Невероятно, невысказанно много за сведения или обычные услуги. Ни один человек в здравом уме не даст паршивому кладбищенскому оборванцу полную крону. Если только этому паршивому оборванцу не поручают какое-нибудь дело величайшей важности. Убить твоего бывшего хозяина, к примеру. Сдать властям всех до единого обитателей Сумеречного холма. Бедный старик и так страшно расстроился, когда узнал, что Веслина подкупили. Можешь представить, что он почувствовал, когда обнаружил, о каких деньгах идет речь.

Локк усиленно закивал.

– Итак, это две твои ошибки. Третья же заключалась в том, что ты впутал в дело Грегора. Или ты хотел, чтобы и Грегору досталось на орехи?

– Нет, хотя он тоже мне не нравился. Я думал отомстить только Веслину. Ну, может, хотел, чтобы и Грегору немного влетело, но не так сильно, как Веслину.

– Вот именно. Ты наметил жертву, придумал хитрую каверзу против нее, но не предусмотрел побочных последствий. Поэтому, хотя злоумышлял ты против одного Веслина, несчастный Грегор Фосс тоже получил ножом по горлу.

– Я же так и сказал – нет, что ли?! С Грегором случайно получилось, я же признал.

– О, теперь ты злишься? Ну да, конечно... злишься, что дал маху. Злишься, что оказался не таким умным, как воображал. Злишься, что боги наделили тебя умом не исключительным, а самым что ни на есть заурядным. Вот досада-то, да?

Локк резко задул лампу и перекинул через парапет, подбросив как можно выше. Стук ее падения потонул в оживленном гуле вечернего Каморра. Мальчишка скрестил руки на груди и насутился.

– Замечательно, что ты избавился от лампы, представлявшей для нас угрозу, дружок. – Цеппи сделал последнюю затяжку и растер окурочку о каменный парапет. – Она ведь наушничала на нас герцогу, да? Замышляла нас убить?

Локк молчал, стиснув зубы и выпятив нижнюю губу. Grimаса, выдающая раздражение; мимический язык малолетнего ребенка. Цеппи хмыкнул:

– Я верю твоему рассказу, Локк, потому что, перед тем как купить тебя, я долго разговаривал с твоим бывшим хозяином, и он тоже все мне рассказал. Сообщил среди всего прочего о твоей последней и самой большой ошибке, которая окончательно утвердила его в решении избавиться от тебя. Догадываешься, о чем речь?

Локк помотал головой.

– Не знаешь или не хочешь говорить?

– Не знаю, честно. – Мальчишка потупил взгляд. – Я... я об этом не думал.

– Ты показывал беложелезную монету другим детям из уличников. Нескольким из них ты объяснил, зачем она тебе нужна. И велел им держать язык за зубами. Но с чего ты взял, что они тебя послушают?

Глаза у Локка расширились. Он снова выпятил губу, но уже без раздражения, и после короткой паузы неуверенно проговорил:

– Они... они тоже ненавидели Веслина. И хотели, чтоб хозяин поколотил его.

– Разумеется. И возможно, пару дней твои приятели и впрямь помалкивали. Ну а потом? После того, как твой хозяин убил Веслина, убил Грегора, поостыл немного и получил возможность хорошенько все обдумать? Что, если он начал задавать вопросы про некоего Ламору? Что, если отвел в сторонку кого-нибудь из твоих друзей и ласково спросил, а не замышлял ли в последнее время Локк Ламора что-нибудь этакое... необычное? Необычное даже для него?

– Ох! – Мальчишка вздрогнул. – Ох!..

– О-хо-хо! – Цеппи подался вперед и потрепал его по плечу. – Озарение! Оно всегда как обухом по голове, верно?

– Пожалуй.

– Ну вот, теперь ты сам видишь, почему у тебя все пошло не так, как задумывалось. Сколько всего детей живет на Холме, Локк? Сто? Сто двадцать? Со сколькими из них, по твоему, Наставник сумеет справиться, если они вдруг нападут на него? С одним-двумя – легко. А с четырьмя? С восьмью? Со всеми?

– Мы... э-э... да нам никогда такое в голову не приходило.

– А знаешь почему? Потому что власть твоего бывшего хозяина основана не на здравом смысле, а на страхе. Из страха перед ним старшие огольцы ходят по струнке. А мелюзга вроде тебя ходит по струнке из страха и перед ним, и перед ними. Все, что ослабляет этот страх, угрожает положению Воровского наставника. И тут появляется Локк Ламора, который гордится своими дурацкими проделками и считает себя умнее всех на свете.

– Я вовсе... я не считаю себя умнее всех на свете.

– Еще три минуты назад – считал. Послушай, Локк, вот я – гарриста, то есть предводитель шайки, пускай и маленькой. Твой бывший хозяин тоже гарриста – гарриста Сумеречного холма. А когда способность предводителя крепко держать вожжи в руках ставится под сомнение, в ход идут ножи. Ну подумай сам: разве сумел бы Воровской наставник сохранить непрерываемую власть на Сумеречном холме, если бы пошли слухи, что ты его так ловко одурачил? Обвел вокруг пальца, точно несмышленного ребенка? Старик уже никогда не смог бы держать своих сирот в полном повиновении. Они с каждым днем распоясывались бы все больше – и дело неминуемо закончилось бы кровопролитием.

– Поэтому он и избавился от меня? Но что насчет уличников? Что насчет ребят, которые помогали мне покататься с Веслином?

– Хорошие вопросы. Простые ответы. Твой бывший хозяин берет под опеку малолетних беспризорных сирот, и обычно они живут на Сумеречном холме до тринадцати-четырнадцати лет. Он обучает детей азам ремесла – воровским приемам и воровскому языку, умению заводить знакомства среди Путных людей и уживаться в шайке, всем хитростям и уловкам, позволяющим избежать виселицы. Обученных воришек он продает в крупные шайки, в настоящие шайки. Понимаешь? Он принимает заказы. Скажем, Серолицым требуется девчонка-домушница. Или Арсенальным нужен крепкий мальчишка, умеющий драться. Шайкам от Воровского наставника одна выгода: он поставляет им новых работников, уже владеющих всеми необходимыми навыками.

– Ага, я знаю. Вот почему... он меня продал вам.

– Да. Потому что ты – случай из ряда вон. У тебя недюжинные способности, хотя ты и направил их на дурное дело. Но твои маленькие друзья из уличников? Они ведь особыми дарованиями не отличались. Обычные воришки-карманники, заурядные малолетние заманухи. Еще не созревшие для настоящей работы. Никто за них и медяка не дал бы, кроме работоторговцев, но у твоего бывшего хозяина, как ни странно, осталась крупница совести: он не продаст в рабство ни одного своего воспитанника даже за все богатства Каморра.

– То есть... он должен был что-то сделать со всеми нами? Со всеми, кто знал про монету и мог проболтаться? И я единственный, кого он продал?

– Совершенно верно. Что же до остальных... – Цеппи пожал плечами. – Через две-три недели никто уже и имен их не вспомнит. Сам знаешь, как оно бывает на Холме.

– Получается, это я убил их?

– Да, так и есть. – Цеппи не счел нужным смягчить голос. – Пытаясь навредить Веслину, ты в придачу к нему убил Грегора и четырех-пятерых своих товарищей.

– Ох, черт...

– Теперь ты понимаешь, что такое последствия? Почему нужно действовать без спешки, продумывать все заранее, учитывать все обстоятельства? Почему сейчас тебе надо уgomониться и подождать, когда в тебе разовьется здравый смысл, достойный твоего плутовского дара? Впереди у нас годы совместной работы, Локк. Годы спокойной, усердной работы с тобой и осталь-

ными моими проказниками. Если ты хочешь остаться здесь, накрепко усвой одно правило: никаких самовольных мошенств, никаких плутней, никаких надувательств, вообще ничего без моего приказа. Когда молодцы вроде тебя лезут на рожон, обстоятельства ополчаются против них. А тогда обычно страдают другие люди. Все ясно?

Локк кивнул.

– Итак... – Цеппи резко расправил плечи, покрутил головой из стороны в сторону, и внутри у него что-то захрустело и затрещало. – Ты знаешь, что такое посмертное приношение?

– Нет.

– Это то, что все мы делаем для Великого Благодетеля и друг для друга. То, что делают не только посвященные служители Тринадцатого, но все воры и мошенники, все Путные люди Каморра. Когда мы теряем близкого человека, мы должны добыть что-нибудь ценное и расстаться с добычей – выбросить в море, скажем, или кинуть в огонь. Мы делаем это, чтобы помочь нашим друзьям на их пути в иные пределы. Ясно?

– Ага. Но мой бывший хозяин...

– Он тоже так делает, поверь мне. Он страшный скупердяй, но все равно втайне от вас он совершает посмертное приношение за всех до единого своих подопечных, которых теряет. Просто не считает нужным говорить вам об этом. Но тут вот какое дело... существует одно строгое правило: в дар Великому Благодетелю нельзя приносить вещь или деньги, тебе уже принадлежащие. Понятно? Ты обязательно должен пойти и украсть что-нибудь – не взять с ведома и позволения владельца, а именно украсть. Смекаешь? Добыть воровством, и никак иначе.

– Да, конечно.

Отец Цеппи хрустнул пальцами:

– Так вот, Локк, ты совершишь посмертные приношения за всех детей, тобой убитых. За Веслина, за Грегора, за каждого из своих маленьких друзей. Точное их число я узнаю через день-другой.

– Но я... они не...

– Разумеется, они твои друзья, Локк. И друзья очень хорошие. Потому что они помогут тебе понять очень важную вещь: если убиваешь, жди последствий. Одно дело – убить на дуэли, убить при самообороне, убить из мести. И совсем другое дело – убить просто по беспечности, по недомыслию. Смерти эти будут служить тебе постоянным напоминанием и предостережением до тех пор, пока ты не станешь таким осмотрительным, таким благоразумным, что Переландровы угодники будут плакать от умиления, на тебя глядячи. Твое посмертное приношение составит тысячу полных крон за голову. Украденных по всем правилам, тобой собственноручно.

– Но я... что?! Тысяча крон? За каждого? Тысяча?!

– Ты снимешь метку смерти с шеи, только когда отдашь Великому Благодетелю последнюю монету – и ни секундой раньше.

– Но это же невозможно! На это уйдет... целая вечность!

– Не один год, если точнее. Но здесь, в моем храме, мы воры, а не убийцы. Если хочешь остаться жить со мной, отдай дань уважения мертвым – таково мое требование. Эти мальчики и девочки – твои жертвы. Уясни себе это хорошенько. Ты им кое-что должен в глазах богов. И останешься здесь единственно в том случае, если поклянешься на крови, что долг свой отдашь. Готов ли ты принести клятву?

Локк ненадолго задумался, потом тряхнул головой, словно прогоняя неприятные мысли, и решительно кивнул.

– Тогда дай мне левую руку.

Локк повиновался. Цеппи достал из складок рясы тонкий черненый стилет и провел острием по своей левой ладони. Затем крепко взял протянутую руку мальчика и сделал неглу-

бокий, но болезненный надрез между большим и указательным пальцем. Потом они двое крепко сцепили руки и не расцепляли, пока перемешанная кровь не растеклась у них по ладоням.

– Ну вот, теперь ты один из нас, Благородных Каналий. Я твой гарриста, а ты мой пезон, мой маленький солдат. Так ты клянешься сделать то, что я велел? Совершить посмертные приношения за детей, погибших по твоей вине?

– Я все сделаю, – сказал Локк.

– Хорошо. В таком случае можешь остаться на ужин. Пойдем вниз.

2

За занавешенной дверью в глубине святилища оказался грязный коридор, ведущий к нескольким равно грязным кельям. Царство сырости, плесени и нищеты. Лампы под колпаками из масляной бумаги сочили мутно-желтый свет, позволявший разглядеть грубые дощатые нары с разбросанными на них свитками и книгами, а также сомнительной чистоты рысы, висящие на стенных крючках.

– Эта вся херотень для отвода глаз. – Цеппи провел Локка в ближайшую к занавешенной двери каморку и плавно развел руками, словно хвастаясь перед гостем роскошным дворцом. – Мы иногда принимаем здесь попечителей или странствующих священников ордена Переландро, а они должны видеть то, что ожидали увидеть.

Нары самого священника (ибо Локк заметил, что цепи из святилища ни до одной другой кельи не дотянутся) стояли на цельной каменной плите, выступающей из стены подобием широкой ступени. Цеппи засунул руку под несвежие одеяла, что-то повернул там с металлическим щелчком и поднял свою постель, точно крышку гроба. Оказывается, одеяла крепились на деревянной панели, которая откидывалась на вделанных в камень петлях. Из прямоугольного проема в каменной плите полился манящий золотистый свет и потянулись пряные запахи перворазрядной каморрской кухни. Локк принял: да, именно такие ароматы порой прилетали с ветром из квартала Альсегранте и плыли из богатых гостиниц и домов.

– Давай, спускайся туда! – махнул рукой Цеппи; заглянув в отверстие, мальчик увидел каменный колодец чуть шире могучих плеч священника, прочную деревянную лестницу, ведущую футов на двадцать вниз, и дощатый пол, вроде бы полированный. – Шевелись, хватит глазами хлопать!

Локк подчинился. Расстояние между широкими нестругаными ступеньками не превышало полуфута, и спускаться было легко. Уже через несколько секунд Локк стоял в просторной галерее, словно бы перенесенной сюда из башни самого герцога. Пол и впрямь оказался полированным: длинные, ровные золотисто-коричневые доски приятно поскрипывали под ногами. Сводчатый потолок и стены покрывал толстый слой молочно-золотистого стекла, источавшего слабое сияние, подобное дымчатому сиянию зимнего солнца, что еле пробивается сквозь плотные облака. Свет шел ниоткуда и отовсюду: светились сами стены. Шумно кряхтя, тяжело стуча ногами и позвякивая джутовым мешком с собранными за день пожертвованиями, Цеппи спустился следом за мальчиком и грузно спрыгнул с последней ступеньки. Он дернул за веревку, привязанную к лестничной тетиве, и крышка люка, замаскированная под нары, со щелчком захлопнулась.

– Ну вот. Здесь поуютней будет, верно?

– Ага. – Локк провел ладонью по безупречно гладкой стене, на удивление прохладной. – Это Древнее стекло, да?

– Да уж, знамо дело, не штукатурка. – Цеппи подтолкнул мальчика вперед по галерее, которая ярдов через пятнадцать-двадцать поворачивала налево. – Весь подвал окружен стеклом, словно бы запечатан в нем. А храм построен нарочно, чтобы закрыть к нему доступ, много

веков назад. Насколько я знаю, в стеклянной толще вокруг нет ни единого разлома, ни единой трещины, кроме пары тоннелей, ведущих в места не менее любопытные. Подвал надежно защищен от наводнений, сюда не просачивается ни капли, даже когда на улицах воды по пояс. И сюда не пробраться ни крысам, ни тараканам, ни паукам, ни прочей дряни, если только сам не вступишь по невнимательности, когдаходишь и выходишь.

Приблизившись к повороту галереи, они услышали звон сковород и приглушенное хихиканье братьев Санца, а когда завернули за угол – оказались в превосходно обустроенной кухне с высокими буфетами и длинным столом ведьмина дерева, окруженным стульями. Локк аж глаза протер от удивления, увидев мягкие сиденья с черной бархатной обивкой и золотые листовенные узоры на высоких спинках.

Кало и Галдо хлопотали у кирпичной кухонной стойки, бойко стуча ножами и передвигая сковороды на огромной плите белого алхимического камня. Подобные белокаменные плиты, дававшие бездымный жар, если плеснуть на них водой, Локк видел не раз, но такую большую – впервые: она весила, наверное, не меньше, чем отец Цеппи. Пока мальчик смотрел, Кало (или Галдо?) поднял сковороду и вылил немного воды из стеклянного кувшина на шипящий камень. Над плитой пыхнуло облако пара, насыщенного столь аппетитными запахами, что рот у Локка мигом наполнился слюной.

Над столом ведьмина дерева сияла необычного вида люстра. Став постарше, Локк признает в ней армиллярную сферу, со стеклянными кольцами и осью из чистого золота. Алхимический шар в самом центре источал яркий бронзово-белый свет солнца; концентрические стеклянные кольца изображали орбиты родной планеты и всех ее небесных сестер, включая три луны; а вокруг сферы блестели сотни крохотных звездочек, похожих на брызги расплавленного стекла, чудом застывшие в воздухе. Свет играл и переливался на всех гранях люстры, однако что-то с ним было не так. Казалось, будто стекло потолка и стен вытягивает свет из алхимического солнца, поглощает его, впитывает и разносит по всему Древнему стеклу в этом диковинном подвале.

– Добро пожаловать в наш настоящий дом, в наш маленький храм Великого Благотелья. – Цеппи бросил на стол мешок с монетами. – Наш покровитель никогда не разделял пространственного мнения, что истинная набожность непременно предполагает отказ от мирских благ. Здесь, внизу, мы выражаем благодарность за земные радости, оные радости вкушая, если ты понимаешь, о чем я. Эй, ребята! Гляньте, кто жив остался после беседы со мной.

– Да мы и не сомневались, – сказал один из близнецов.

– Ни секунды, – подтвердил другой.

– Теперь-то можно узнать, за что его прогнали с Сумеречного холма? – почти в один голос спросили братья, видимо имевшие обыкновение говорить хором.

– Узнаете, когда старше станете. Гораздо старше. – Цеппи выразительно посмотрел на Локка и отрицательно покачал головой, приказывая помалкивать на сей счет. – Полагаю, Локк, сервировать стол ты не умеешь. Я прав?

Мальчик кивнул, и священник подвел его к высокому буфету слева от кухонной плиты. В нем стояли стопки белых фарфоровых тарелок. Взяв одну из них, Цеппи показал Локку изображенный на ней герб (рука в латной перчатке, сжимающая стрелу и виноградную лозу) и ярко-золотой узор по ободку.

– Позаимствовано, так сказать, на бессрочной основе у доньи Изабеллы Манечеццо, вдовой тетушки герцога Никованте, – пояснил священник. – Она умерла бездетной, а при жизни устраивала приемы крайне редко, так что тарелками этими почти не пользовалась. Видишь, как иные наши действия, на первый взгляд жестокие и преступные, оказываются вполне целесообразными, если посмотреть на них под правильным углом зрения? А способность правильно видеть вещи даруется Великим Благотельем; во всяком случае, нам нравится так думать. Ведь не будь его воля, мы не отличали бы доброе от дурного.

Цеппи протянул тарелку Локку. Тот с преувеличенной осторожностью взял ее и принялся внимательно разглядывать золотой узор на ободке.

– А это... – священник любовно провел ладонью по столу из ведьмина дерева, – это бывшая собственность Мариуса Кордо, веррарского негодяя. Стол стоял в кают-компании трехпалубного галеона. Громадный корабль! Восемьдесят шесть весел. У нас с Мариусом вышла небольшая размолвка, вот я кают-компанию и обчистил в знак своего недовольства. Все без остатка вынес: стулья, ковры, гобелены, одежду. Прямо с корабля. Деньги нарочно не взял, чтоб он понял, что не в них дело. А все украденное я утопил в Медном море, кроме этого вот стола... А вон та вещь! – Цеппи поднял палец, указывая на люстру в виде небесной сферы. – Ее везли в надежно охраняемом торговом обозе из Ашмира старому дону Левиане. И в ходе перевозки она непонятным образом превратилась в обычный ящик с соломой.

Священник достал из буфета еще три большие тарелки и вложил в руки Локку.

– Ух... – крикнул Локк под тяжестью изысканного фарфора.

– Ах да, – Цеппи махнул рукой в сторону стула во главе стола, – одну поставь там, для меня. Другую поставь слева, там будешь сидеть ты. А справа – две тарелки для Кало и Галдо. Будь ты моим слугой, я бы сейчас приказал тебе сделать повседневную сервировку. А ну-ка, повтори.

– Повседневная сервировка.

– Умница! Так накрывают стол знатные господа, когда обедают в тесном семейном кругу, ну, может, еще с одним-двумя близкими друзьями. – Значительным взглядом и равно значительным тоном Цеппи дал понять, что Локк должен намотать себе это на ус, а затем принялся знакомить мальчика с затейливым многообразием бокалов, льняных салфеток и серебряных столовых приборов.

– Что за нож такой? – Локк недоуменно повертел в руках нож для масла, со скругленным лезвием. – Он же никуда не годится: ни пырнуть толком, ни зарезать.

– Да, зарезать таким непросто, согласен с тобой, дружок. – Цеппи стал показывать, как раскладываются столовые приборы и расставляются различные блюда и миски. – Но за столом у знатных господ считается невежливым убивать чем-либо, помимо ядов. А этот нож предназначен для того, чтобы намазывать масло, а не перерезать глотки.

– Сколько хлопот, чтобы просто пожарить!

– Ну, на Сумеречном холме вы могли есть холодный бекон да горелые пироги хоть с задниц друг у дружки – твоего бывшего хозяина вопросы этикета не заботят. Но ты теперь Благородный Каналья. Повторяю, *благородный*, а значит, обладающий изысканными манерами. Ты должен научиться есть и обслуживать своих гостей, как принято в приличном обществе.

– Но зачем?

– Да затем, Локк Ламора, что когда-нибудь тебе придется обедать с баронами, графами и герцогами. С купцами, адмиралами, генералами и знатными дамами. И когда такое случится... – Цеппи двумя пальцами приподнял за подбородок голову Локка, чтобы посмотреть прямо в глаза. – Когда такое случится, никто из этих болванов даже не заподозрит, что сидит за одним столом с вором.

3

– Ну не славно ли?

Священник отсалютовал пустым бокалом трем своим подопечным, занявшим места за роскошно накрытым столом, на котором дымились медные чаши и тяжелые фаянсовые супницы с плодами кулинарных усилий Кало и Галдо. Локк, усаженный на дополнительную подушку, чтобы локти находились на уровне столешницы, смотрел на чудесные яства и богатое столовое убранство широко раскрытыми глазами. У него просто в голове не укладывалось, что

за каких-то несколько часов он навсегда распрощался со своей старой жизнью и начал новую, в обществе этих на удивление милых чудаков.

Цеппи взял бутылку с темной, густой, как ртуть, жидкостью, которую назвал алхимическим вином. Когда он вытащил пробку, в воздухе разлился терпкий можжевелевый запах, на мгновение перебивший пряные ароматы главных блюд. Священник до половины наполнил бокал – в ярком свете люстры тягучая струя блестела расплавленным серебром, – а затем поднял его на уровень глаз и торжественно возгласил:

– Этот бокал наполнен для того, кто незримо присутствует за нашим столом: для нашего покровителя и защитника, Многохитрого Стража, Отца уловок и плутней.

– Благодарение за полные карманы без пригляда, – хором сказали близнецы, и Локк подивился серьезности их тона.

– Благодарение за стражу, спящую на посту, – произнес Цеппи.

– Благодарение за город, кормящий нас, и за темную ночь, нас укрывающую, – отозвались братья.

– Благодарение за друзей, помогающих нам тратить добытое! – Священник поставил наполовину наполненный бокал на середину стола, а потом взял другой бокал, поменьше, и налил в него на палец жидкого серебра.

– Этот бокал наполнен для нашего отсутствующего друга. Мы желаем Сабете удачи и молимся за ее благополучное возвращение.

– Хорошо бы, однако, чтобы сумасбродства у нее поубавилось, – сказал один из близнецов, которого Локк для удобства мысленно поименовал Кало.

– А скромности поприбавилось. – Галдо кивнул. – Да, скромность – это было бы просто здорово.

– Братья Санца желают Сабете удачи. – Цеппи неподвижно держал бокал в поднятой руке и сурово смотрел на братьев. – И молятся о ее благополучном возвращении.

– Да, мы желаем ей удачи.

– Благополучное возвращение – это было бы просто здорово.

– Кто такая Сабета? – тихонько спросил Локк у священника.

– Украшение нашей маленькой шайки. Единственная среди нас представительница прекрасного пола, в настоящее время отсутствующая по делам... скажем так, образовательного свойства. – Цеппи поставил второй бокал рядом с первым, наполненным для Великого Благодетеля, а затем взял бокал Локка. – Тоже особое приобретение, доставшееся мне от твоего бывшего хозяина. Как и ты, мой мальчик, она одарена необычайной способностью выводить из терпения окружающих.

– Под «окружающими» он разумеет нас двоих, – пояснил Кало.

– А скоро в число этих несчастных войдешь и ты, – ухмыльнулся Галдо.

– Хватит болтать, балаболки! – Цеппи плеснул серебристого вина в бокал и передал его Локку. – Еще один тост и еще одна молитва. За Локка Ламору, нашего нового брата! Моего нового пезона. Мы сердечно приветствуем его и желаем всяческой удачи. И мы просим Великого Благодетеля ниспослать Локку Ламоре благоразумия.

Изящными движениями он налил вина Кало и Галдо, а потом почти до краев наполнил свой бокал. Цеппи и братья Санца подняли бокалы, и Локк быстро последовал их примеру. Серебро играло и мерцало под золотом.

– Добро пожаловать в общество благородных Каналий! – Цеппи притронулся своим бокалом к бокалу Локка; раздался нежный звон, тихо растаявший в воздухе.

– Лучше бы ты выбрал смерть, – улыбнулся Галдо.

– Он же предлагал тебе такой выбор, верно? – хихикнул Кало.

Братья чокнулись и одновременно потянулись через стол, чтобы чокнуться с Локком.

– Смейтесь, ребята, смейтесь. – Цеппи отпил глоточек вина. – Только помяните мое слово: если этот тощий мальчонка останется в живых, вы уже через год превратитесь в дрессированных мартышек, готовых скакать и кувыркаться перед ним за виноградинку. Давай, Локк, пей!

Заглянув в бокал, мальчик увидел на серебристой поверхности напитка зыбкое, но вполне отчетливое отражение собственного лица и ярко освещенного потолка; ноздри защекотал дымчатый аромат можжевельника и аниса. Он поднес свое крохотное отражение к губам и отпил немного. Прохладное вино, казалось, пошло двумя путями: приятно щекочущая струйка тепла потекла вниз по горлу, а ледяные шупальца скользнули вверх по нёбу, прямо в носовые пазухи. Глаза у Локка полезли из орбит, он закашлялся и вытер ладонью внезапно онемевшие губы.

– Это зеркальное вино из Тал-Веррара. Превосходный напиток. Быстренько закуси чем-нибудь, иначе в голову ударит так, что закачаешься.

Кало и Галдо проворно сдернули влажные салфетки с сервировочных блюд и мисок, впервые явив взорам все многообразие поданных на стол кушаний. Были здесь и колбасы, аккуратно нарезанные и обжаренные в масле вместе с четвертинками груш; и красные перцы, фаршированные миндальной пастой с мелко нарубленным шпинатом; и куриные грудки, завернутые в тончайшее тесто, прожаренное до бумажной прозрачности; и холодные черные бобы в горчично-винном соусе. Братья Санца принялись накладывать Локку в тарелку всего понемногу с такой скоростью, что он не успевал следить за ними.

Неуклюже орудуя серебряной двузубой вилкой и одним из скругленных ножей, недавно вызвавших у него насмешливое недоумение, Локк начал запихивать в рот пищу, и богатейший вкусовой букет жарко расцвел у него на языке. Куриные грудки в тесте были сдобрены имбирем и молотой апельсиновой цедрой. Винный соус бобового салата согрел нёбо, а летучие пары горчицы обжигали горло. Локк жадно прихлебывал зеркальное вино, спеша погасить каждый очередной пожар, вспыхивавший во рту.

К немалому удивлению мальчика, братья Санца не принялись за еду после того, как обслужили его. Они сидели, сцепив руки, и выжидательно смотрели на своего наставника. Убедившись, что Локк уписывает за обе щеки, Цеппи обратил взгляд на Кало:

– Ты – вадранский аристократ. Скажем, вассальный граф одного из наименее значимых кантонов Семи Сущностей. Ты находишься на званом обеде в Тал-Верраре. Здесь присутствует равное число мужчин и женщин; места за столом распределены заранее. Гости входят в столовую залу. Твоя дама идет об руку с тобой, вы ведете светскую беседу. Твои дальнейшие действия?

– На званом обеде в Вадране я бы выдвинул для нее стул, не дожидаясь приглашения, – ответил Кало без тени улыбки. – Но веррарская дама остановится подле стула, показывая тем самым своему кавалеру, что позволяет его выдвинуть. Оказывать услуги по собственному почину считается невежливым. Поэтому я подожду, пока она не сделает первый шаг.

– Молодец. Так, теперь ты. – Цеппи ткнул пальцем в Галдо, другой рукой накладывая себе в тарелку. – Сколько будет семнадцать помножить на девятнадцать?

Галдо на несколько секунд закрыл глаза, счисляя в уме ответ:

– Э-э... триста двадцать три.

– Правильно. Какова разница между вадранской и теринской морскими лигами?

– Вадранская лига длиннее теринской на сто... э-э... на сто пятьдесят ярдов.

– Молодец. Ну ладно, довольно с вас. Приступайте к еде.

Братья Санца, позабыв о приличиях, принялись сражаться за обладание сервировочными блюдами, а Цеппи повернулся к Локку, уже наполовину опустошившему свою тарелку:

– Через несколько дней я и тебе начну задавать подобные вопросы – проверять твои знания. У нас, понимаешь ли, кто не учится, тот не ест.

– А чему я должен научиться? Ну, кроме того, как на стол накрывать?

– Да всему! – Цеппи выглядел чрезвычайно довольным собой. – Решительно всему, мой мальчик. Как драться, как воровать, как лгать с честными глазами. Как стряпать такие вот кушанья! Как изменять свое обличье. Ты должен научиться говорить, как аристократ, писать, как священник, пускать слюни, как полудурок.

– Последнее у Кало знатно получается, – сказал Галдо.

– А-мна-на-мну-ба, – промычал Кало с набитым ртом.

– Помнишь, я говорил, что мы работаем не так, как обычные воры? Мы воры новой разновидности, Локк. Мы актеры, лицедеи. Вот я сижу здесь и изображаю священника Переландро, и на протяжении многих лет люди несут мне деньги. Из каких средств, по-твоему, я плачу за обстановку этой роскошной берлоги, за эту восхитительную еду? Мне пятьдесят три года. В таком возрасте лазить по крышам да колдовать над замками уже поздно. Своей мнимой слепотой я зарабатываю гораздо больше, чем в былые дни зарабатывал проворством и смекалкой. И я стал слишком тучен и неповоротлив для любой подвижной работы. – Цеппи осушил бокал и налил себе еще. – Но вы четверо – ты, Кало, Галдо и Сабета... у вас будут все преимущества, каких не было у меня. Вы получите всестороннее и глубокое образование. Я передам вам все свои знания, все свои практические навыки, кои вы отточите до совершенства. И по завершении образования вы четверо будете проворачивать такие дела, рядом с которыми мое маленькое мошенничество с храмом Переландро покажется невинной детской проделкой.

– Звучит заманчиво, – сказал Локк, уже порядком захмелевший. Теплый туман счастливого удовлетворения нисходил на него, заглушая тревожную настороженность, свойственную любому кладбищенскому сироте. – И с чего мы начнем?

– Ну, сегодня вечером – если ты не будешь занят извержением из себя первого в твоей жизни приличного ужина – Кало и Галдо приготовят тебе горячую ванну. Отмывшись от грязи и дивного запаха, ляжешь спать. Завтра нарядим тебя служкой, будешь сидеть с нами на ступенях, собирать подаяние. А вечером... Цеппи поскреб в бороде и отхлебнул из бокала. – Вечером пойдешь со мной к очень важному человеку. Капе Барсави. Ему не терпится взглянуть на тебя.

Глава 3

Вымышленные люди

1

Уже во второй раз за последние два дня дон Лоренцо Сальвара столкнулся в самом неожиданном месте с незнакомцами в масках и низко надвинутых капюшонах. На сей раз дело происходило сразу после полуночи, и двое незваных гостей поджидали Сальвару в его собственном кабинете.

– Закройте дверь, сударь, – велел один из них, пониже ростом. Говорил он на чистейшем каморрском, хрипловатым резким голосом, избличавшим в нем человека, привычного к беспрекословному повиновению окружающих. – Присаживайтесь, сударь, и не трудитесь звать слугу. Он сейчас... гм... обездвижен.

– Кто вы такие, черт возьми? – Сальвара непроизвольно потянулся за рапирой, но рапиры при нем не было. Он закрыл за собой дверь, однако с места не сдвинулся. – Как вы сюда попали?

Незнакомец стянул вниз черный платок, закрывавший нос и рот, и откинул назад капюшон. У него было худое угловатое лицо, аккуратно подстриженные темные усики и черные волосы; правую щеку пересекал белый шрам. Порывшись в складках великолепно скроенного черного плаща, мужчина достал черный кожаный бумажник и раскрыл, показывая содержимое: маленький золотой полумесяц, вделанный в затейливо вырезанное матовое стекло.

– О боги! – Потрясенный Сальвара без дальнейших колебаний отошел от двери и упал в кресло. – Так вы Полуночники!

– Совершенно верно. – Незнакомец захлопнул бумажник и спрятал обратно в карман. Второй незваный гость, по-прежнему в маске и надвинутом капюшоне, неторопливо обошел дона Лоренцо и встал между ним и дверью. – Просим прощения за ночное вторжение. Но мы здесь по делу весьма щекотливого свойства.

– Я что, чем-то вызвал недовольство его светлости?

– Нет, насколько мне известно, сударь. Собственно говоря, мы здесь как раз для того, чтобы удержать вас от действий, которые вызовут недовольство герцога.

– Я... ну... положим. Гм... А что вы сделали с Конте?

– Просто дали ему кой-чего, чтоб уснул ненадолго. Мы знаем, что ваш телохранитель безмерно вам предан, и знаем, что он человек опасный. Нам хотелось бы избежать возможных... недоразумений.

В подтверждение последних слов второй мужчина приблизился к столу и аккуратно положил на него боевые клинки Конте.

– Понятно. Надеюсь, с ним все будет в порядке. – Пристально глядя на незнакомца со шрамом, дон Сальвара побарабанил пальцами по столу. – В противном случае я буду крайне раздосадован.

– Он цел и невредим. Слово герцогского слуги.

– Удовольствуюсь вашим заверением. Пока что.

Мужчина со шрамом вздохнул и потер переносицу двумя пальцами в перчатке:

– Нам нет необходимости начинать разговор в таком тоне, сударь. Еще раз приношу извинения, что явились без приглашения и проникли в ваш дом тайно, но вы скоро поймете, что наш хозяин печется в первую очередь о вашем благополучии. Мне поручено спросить, хорошо ли вы провели время сегодня в Плавучем цирке?

– Вполне хорошо. – Дон Сальвара осторожно выбирал слова, как если бы разговаривал со стряпчим или судейским писцом. – Полагаю, именно так можно оценить мое сегодняшнее времяпрепровождение.

– Прекрасно. Вы ведь были там не один?

– С доньей Софией.

– Я имею в виду еще кое-кого. Не из числа подданных его светлости. Не каморрца.

– А, мой гость. Торговец по имени Лукас Фервайт, из Эмберлена.

– Из Эмберлена. Ну конечно. – Незнакомец со шрамом скрестил руки на груди и обвел глазами кабинет, на мгновение задержав взгляд на двух небольших портретах в траурных рамках, где были изображены покойные дон и донья Сальвара. – Так вот, сударь, человек этот такой же эмберленский торговец, как вы или я. Он обманщик. Мошенник.

– Что?.. – Дон Сальвара чуть было не вскочил на ноги, но вовремя спохватился, вспомнив про стоящего у него за спиной мужчину. – Но это невозможно! Он...

– Прошу прощения, сударь. – Собеседник растянул губы в неприятной деланой улыбке, какой улыбаются старые холостяки, когда пытаются успокоить плачущее дитя. – Но позвольте поинтересоваться, доводилось ли вам слышать о человеке по прозвищу Каморрский Шип?

2

– Я ворую потому лишь, что иначе мне не прокормить мою любимую семью! – провозгласил Локк Ламора, подняв бокал с вином.

Вместе с остальными Благородными Канальями он сидел за столом ведьмина дерева в роскошном логове под храмом Переландро. Кало и Галдо размещались справа от него, Жан и Клоп – слева. Стол ломился от яств, над головой сияла знакомым золотистым светом люстра в виде небесной сферы. Слова Локка были встречены свистом и смехом.

– Лжец! – хором выкрикнули его друзья.

– Я ворую потому лишь, что жестокий мир не дает мне возможности зарабатывать на жизнь честным трудом! – громко произнес Кало, поднимая бокал.

– Лжец!

– Я ворую потому лишь, что вынужден содержать своего бездельника-брата, чья лень разбила сердце нашей матушки! – объявил Галдо, толкая локтем Кало.

– Лжец!

– Я ворую потому лишь, что связался с дурной компанией, – сказал Жан.

– Лжец!

Наконец очередь дошла до Клопа, впервые принимавшего участие в этом ритуале. Подняв бокал слегка дрожащей рукой, мальчик возбужденно прокричал:

– Я ворую потому лишь, что это страсть как забавно!

– Каналья!

С веселыми возгласами пятеро воров звонко сдвинули бокалы над столом. Золотой свет играл на хрустале и пронизывал мутно-зеленые глубины веррарского мятного вина. Четверо мужчин единым духом осушили бокалы и стукнули ими о стол. Клоп, уже малость окосевший, проявил больше осторожности в обращении со своим бокалом.

– Господа, у меня в руках первые плоды наших многонедельных исследований и усилий. – Локк поднял над головой пергаментный свиток, перевязанный ленточкой и скрепленный голубой восковой печатью представителя низшей каморрской знати. – Заемный вексель на пять тысяч полных крон, которые завтра нам выплатят из средств дона Сальвары, хранящихся в банкирском доме Мераджо. Первый наш успех, достигнутый при помощи нового и самого юного участника нашего сообщества.

– Мальца из бочки! – хором проорали братья Санца, и в следующий миг в Клопа полетела обсыпанная миндалем булочка, которая угодила парнишке прямо между глаз и упала в его пустую тарелку.

Разломив булочку пополам, Клоп ответил тем же самым – и не промахнулся, даром что голова слегка кружилась от выпитого. Пока Галдо сердито моргал и тер глаза, выгоняя из них крошки, Локк продолжал:

– Второй шаг к цели, сделанный сегодня, особой сложности не представлял. Но мы не продвинулись бы так далеко за один-единственный день, если бы не вчерашние стремительные действия Клопа. Какой глупый, безрассудный, нелепый, чертовски рискованный поступок! У меня нет слов, чтобы выразить свое восхищение. – Не переставая говорить, Локк ухитрился проделать удивительный фокус с бутылкой: никто и не заметил, каким образом все бокалы оказались вновь наполненными. – За Клопа! За новую головную боль каморрской стражи!

После того как все выпили и старшие товарищи похлопали Клопа по спине, да так крепко, что тот едва на стуле удержался, Локк поставил на стол еще один бокал, самый большой, и медленно его наполнил.

– И последнее, прежде чем приступить к трапезе. – Он поднял бокал, и остальные разом умолкли. – Этот бокал наполнен для нашего отсутствующего друга. – Все мы тоскуем по славному старому Цеппи и молимся за упокой его души. Пусть Многохитрый страж неусыпно хранит своего многохитрого слугу. Он был человеком добрым и в своем роде совестливым.

Локк осторожно поставил бокал на середину стола и накрыл квадратным лоскутом черной ткани.

– Он гордился бы тобой, Клоп.

– Надеюсь. – Мальчик неподвижно смотрел на накрытый бокал в окружении великолепного столового хрусталя и золота. – Жаль, мне не довелось с ним встретиться.

– Ты стал бы для него утешением и радостью на склоне лет. – Жан прикоснулся губами к тыльной стороне своей левой ладони – то был благословляющий жест посвященных служителей Безымянного Тринадцатого. – Вожделенным отдохновением после многих мучений, кои он претерпел, взрачивая нас четверых.

– Жан просто не хочет задеть никого из присутствующих. На самом деле мы с ним были кроткими овечками. А вот из-за братьев Санца бедный старик ночами не спал, все молился. – Локк потянулся к блюду, накрытому салфеткой. – Ну ладно, давайте есть, господа.

– А молился он, разумеется, о том, чтобы вы с Жаном выросли такими же смышленными и пригожими, как мы с братом. – Галдо быстро перехватил руку своего гарристы. – Ты ничего не забыл?

– О чем ты?

Кало, Галдо и Жан молча уставились на него. Клоп с преувеличенным интересом разглядывал люстру.

– Ох, черт...

Локк со вздохом поднялся с позолоченного стула и направился к буфету. Вернулся он с крохотным, чуть поболее наперстка, дегустационным бокалом, куда плеснул несколько капель мятного вина. Поднимать его Локк не стал, просто подтолкнул по столу к большому бокалу, накрытому черным лоскутом.

– Вот бокал, наполненный еще для одного отсутствующего. Где она сейчас, мне неизвестно, и чтоб всем вам подавиться, кроме Клопа, чертовски благодарен за внимание.

– Не слишком-то благочестивая молитва, особенно для священника. – Кало поцеловал свою левую руку и поводил ею над бокальчиком. – Она была одной из нас еще до твоего появления здесь, гарриста.

– Знаете, о чем молюсь? – Локк сжал кулаки на столе так, что костяшки побелели. – О том, чтобы в один прекрасный день вы поняли, что настоящая любовь гнездится не в области гульфика, а гораздо выше.

– Вина за разбитое сердце всегда лежит на двоих. – Галдо мягко положил ладонь на запястье товарища. – Я что-то не припомню, чтобы она рушила ваши отношения без твоей умелой помощи.

– И смею заметить, – сказал Кало, – что у всех нас сильно полегчает на душе, если ты наконец любезно согласишься сходить к шлюхам, развлечься в полное удовольствие. Боги мои, возьми сразу трех! В деньгах-то у нас недостатка нет, верно?

– А я смею заметить, что мне давно осточертели подобные разговоры! – Локк возвысил голос почти до крика, и Жан твердо взял его за левую руку выше локтя, без труда обхватив пальцами бицепс.

– Она была нам другом, Локк. И до сих пор таковым остается. Она заслуживает более сердечной молитвы.

Он потянулся за бутылкой и долил в маленький бокал вина до краев. Потом поднял его к свету и отпустил руку Локка.

– Этот бокал наполнен для нашего отсутствующего друга. Мы желаем Сабете удачи. А нам самим – братского взаимопонимания и согласия.

Локк пристально смотрел на него несколько секунд, которые показались минутами, потом глубоко вздохнул:

– Прошу прощения. Я не хотел портить праздничный ужин. Тост действительно был плохой, и я... искренне о нем сожалею. Мне следовало отнестись к своим обязанностям серьезнее.

– Я тоже прошу прощения, – смущенно ухмыльнулся Галдо. – Мы понимаем твои чувства и не виним тебя. Мы знаем, что она... она не подарок, чего греха таить.

– Ну а я за свое предложение сходить к шлюхам извиняться не стану. – Кало пожал плечами. – Я серьезно, приятель. Возьми женщину. Обмакни свой фитиль. Брось свой якорь. Вложи свой кинжал в ножны, и тебе сразу полегчает.

– Да я и так на седьмом небе от счастья, разве не видно? Хотите, чтоб я совсем от радости обезумел? Нам ведь с вами еще предстоит поработать позже вечером. Многохитрого стража ради, давайте просто покончим с этой темой и бросим ее чертов труп в залив, а?

– Ну извини, – чуть погодя проговорил Кало, поймав на себе испепеляющий взгляд Жана. – Извини. Ты же знаешь, мы тебе только добра желаем. Прости, если мы слишком настойчивы. Но она в Парлее, а мы в Каморре, и совершенно очевидно, что ты...

Фраза осталась незаконченной, поскольку в переносицу Кало ударила миндальная булочка, и он осекся, вздрогнув. Вторая булочка угодила в лоб Галдо, третья упала на колени Жана, и Локк едва успел вскинуть руку, чтобы отбить четвертую, брошенную в него.

– Ну честное слово! – Клоп нахватал еще булочек и сейчас угрожающе целился в товарищей. – Неужто я тоже таким скучным стану, когда вырасту? Я думал, мы тут празднуем наш успех, веселимся и ликуем, что мы богаче и умнее всех на свете!

Несколько мгновений Локк молча смотрел на мальчика, а потом улыбнулся и взял из руки Жана маленький бокал, наполненный до краев.

– Клоп прав. Хватит дурацких разговоров, давайте ужинать. – Он поднял бокал к свету люстры, возможно выше. – За нас – самых богатых и самых умных на свете!

– Самые богатых и умных на свете! – хором повторили все остальные.

– За отсутствующих друзей, благодаря которым мы стали такими, какие есть. Мы скучаем по ним. – Локк чуть пригубил вина и поставил бокал на середину стола.

– И по-прежнему любим, – тихо добавил он.

3

– Каморрский Шип – это нелепейшая выдумка, измышленный праздными умами персонаж, разговоры о котором заходят за столом всякий раз, когда какие-нибудь чрезмерно впечатлительные господа не разбавляют свое вино должным образом.

– Каморрский Шип, – любезно промолвил мужчина со шрамом, – несколько часов назад покинул вашу прогулочную барку с подписанным вами заемным векселем на пять тысяч белых железных крон.

– Кто? Лукас Фервайт?

– Именно.

– Лукас Фервайт – вадранец. Моя мать была вадранкой, и я хорошо знаю вадранский язык! Лукас – эмберленец до мозга костей. Ходит по жару в шерстяном платье и шарахается от каждого женского взгляда! – Дон Лоренцо раздраженно сдернул очки и положил на стол. – Да этот человек без раздумий поставит жизнь своих детей против денег, которые сможет выручить за бочку селедочных потрохов! С такими людьми я столько раз имел дело, что и не счесть. Лукас Фервайт не каморрец – и уж в любом случае не ваш мифический вор.

– Сударь, вам двадцать четыре года, верно?

– В настоящее время – да. А при чем здесь мой возраст?

– Несомненно, за годы, минувшие с кончины ваших родителей – да пребудет с ними покой Долгого безмолвия! – вам довелось общаться со многими торговцами. И многие из них были вадранцами, так ведь?

– Именно так.

– Если бы некий человек, очень умный и хитрый, захотел, чтобы вы приняли его за торговца... Кем бы он нарядился и представился перед вами? Рыбаком? Наемным лучником?

– Не понимаю, о чем вы.

– Я о том, сударь, что против вас использовали собственные ваши ожидания. Безусловно, у вас острое чутье на деловых людей. Вы втрое умножили семейное состояние за недолгое время, что ведете дела самостоятельно. Посему самое разумное, – что может сделать мошенник, желающий заманить вас в ловушку, это прикинуться многоопытным торговцем. Ответить всем вашим ожиданиям. Явить вашему взору ровно то, что вы ожидаете и хотите увидеть.

– Но если согласиться с вашими доводами, – медленно проговорил дон Лоренцо, – то получается, что самоочевидная истинность любой вещи может служить доказательством ее ложности. Я утверждаю, что Лукас Фервайт – эмберленский торговец, поскольку он по всем признакам таковым является; а вы в ответ говорите, что как раз эти признаки и изобличают в нем обманщика. Нет, мне требуются более разумные доказательства.

– В таком случае, сударь, позвольте мне отклониться в сторону и задать вам другой вопрос. – Мужчина со шрамом сцепил руки под плащом и пристально взглянул на молодого аристократа. – Будь вы вором, выбирающим своих жертв только среди знати Мирного герцогства Каморр, как бы вы скрывали ваши дела?

– Только среди знати? Опять вы о своем Каморрском Шипе. Да нет такого вора и быть не может! Существуют определенные соглашения... Тайный уговор. С любым, кто осмелился бы его нарушить, мигом разделались бы другие воры.

– А если наш вор неуловим? Если наш вор успешно скрывает свою личность от собратьев по ремеслу?

– Если... если... По слухам, Каморрский Шип обкрадывает богатых... – дон Сальвара приложил ладонь к груди, – и все до последнего медяка отдает бедным. Но доводилось ли вам слышать о мешках золота, брошенных на улице в Горелище? Об угольщиках или старьевщиках, внезапно обзаведшихся шелковыми камзолами и расшитыми башмаками? Я вас умоляю! Ваш

Шип – плод досужих вымыслов, герой дурацких застольных баек. Искусный фехтовальщик, дамский соблазнитель, призрак, проходящий сквозь стены. Смешно, право слово.

– Двери вашего дома крепко заперты, окна закрыты ставнями – однако мы с моим напарником здесь, в вашем кабинете.

– Гм... положим. Но все же вы обычные люди из плоти и крови.

– Да, ходят такие слухи. Впрочем, мы отвлеклись от темы. Так вот, сударь, наш вор не прикладывал бы усилий к тому, чтобы скрыть свои преступления, а предоставил бы своим жертвам сделать все за него. Допустим, Лукас Фервайт не кто иной, как Каморрский Шип, и вам стало известно, что он обчистил ваши сундуки. Как вы поступите? Поднимете на ноги стражу? Открыто возопите о помощи, явившись ко двору его светлости? Расскажите о случившемся в присутствии дона Палери Джакобо?

– Я... я... Вот, значит, как вы вопрос повернули. Не знаю даже...

– Захотите ли вы, чтобы весь Каморр узнал, что вам натянули нос? Что вас оставили в дураках? Смогут ли деловые люди полагаться на ваше здравое суждение после такого? Удастся ли вам когда-нибудь полностью восстановить репутацию?

– Думаю, это было бы весьма непросто.

Правая рука собеседника вновь выпросталась из-под плаща – без перчатки, бледная на фоне темной ткани. Мужчина поднял указательный палец:

– Четыре года назад ее светлость донья Розалина де Марре лишилась десяти тысяч крон, отдав означенную сумму за права на владение несуществующими садами выше по реке. – Он разогнул второй палец. – Два года назад дон и донья Фелучча потеряли вдвое больше. Они полагали, что финансируют переворот в Талишеме, после которого весь город станет их родовым владением. В прошлом году, – он разогнул третий палец, – дон Джаварриз заплатил пятнадцать тысяч крон прорицателю, пообещавшему вернуть к жизни его старшего сына. – Мужчина резко разогнул мизинец и помахал всей пятерней перед доном Лоренцо. – А теперь дон и донья Сальвара вовлечены в секретное деловое предприятие, сулящее огромную выгоду. Скажите, вы хоть краем уха слышали о неприятностях, постигших поименованных мной господ?

– Нет.

– Донья де Марре дважды в неделю навещает вашу супругу, дабы обсудить с ней вопросы алхимической ботаники. Вы не раз встречались за карточным столом с сыновьями дона Джаварриза. Но тем не менее вы впервые обо всем этом слышите?

– Да... и я потрясен, надо признать!

– Точно так же в свое время был потрясен и его светлость. Мой хозяин потратил четыре года на то, чтобы отыскать и проследить тончайшие нити улик, связывающие все эти преступления. Подумать только! Огромные состояния, не меньше вашего, бесследно улетучивались, но потребовался прямой приказ герцога, чтобы развязать язык потерпевшим! Гордость при- нуждала их к молчанию.

Дон Лоренцо надолго задумался, уставившись в стол, потом наконец заговорил:

– Но... Фервайт снимает номер во «Фрегате». У него слуга, превосходное платье, очки стоимостью в сотню крон. А также... секретная собственность торгового дома бель Аустеров. – Молодой человек поднял глаза и посмотрел на собеседника так, как если бы обращался к строгому учителю за помощью в решении сложной задачи. – Откуда у обычного вора взяться всему этому?

– Ужели добротная одежда не по карману человеку, имеющему в своем распоряжении свыше сорока тысяч украденных крон? А что до бочонка невыдержанного бренди... откуда вам, мне, да и вообще любому, кто не посвящен в секреты дома бель Аустеров, откуда всем нам знать, как должен выглядеть напиток? Какой вкус у него должен быть? Ваш бренди – просто подделка.

– Но Фервайта узнал на улице рацонский стряпчий, ведущий дела с банкирским домом Мераджо!

– Ничего удивительного. Наш друг начал создавать личность Лукаса Фервайта очень давно, вероятно еще до своего знакомства с доньей де Марре. Лукас Фервайт имеет самый настоящий счет у Мераджо, открытый пять лет назад на самые настоящие деньги. Лукас Фервайт обладает всеми внешними признаками человека зажиточного и преуспевающего, но на самом деле он призрак, фантом. Театральная роль, играемая для избранной узкой публики. Я знаю, о чем говорю, ибо слежу за ним уже много месяцев.

– Но мы с Софией люди вполне здравомыслящие. Если бы что-то было неладно, мы бы наверняка заметили.

– *Что-то* неладно? Да здесь неладно все от начала до конца! Прошу вас, господин Сальвара, выслушайте меня внимательно! Вы занимаетесь поставками первосортных крепких напитков. Каждую неделю молитесь за упокой души своей матери в вадранском храме. И вдруг наталкиваетесь у храма на вадранца, нуждающегося в вашей помощи, который – ну надо же! – оказывается купцом, торгующим тем же самым товаром, что и вы. Странное совпадение, вы не находите?

– А где еще, как не в храме Благоприятных Вод, молиться приезжему вадранцу?

– Негде, разумеется. Но посмотрите на это нагромождение случайностей. Вадранский питейный торговец на ваших глазах попадает в беду, причем как раз на своем пути к дону Джакобо – вашему заклятому врагу, которого, как всем хорошо известно, вы готовы уничтожить любым способом, не запрещенным герцогом.

– Вы что... следили тогда за нами?

– Да, и очень внимательно. Мы видели, как вы с вашим слугой бросились в проулок, чтобы спасти человека, которому, как вам показалось, угрожает смертельная опасность. И мы...

– Что значит «показалось»? Фервайта душил грабитель!

– Неужели? На самом деле разбойники в масках были его сообщниками, сударь. Сцену нападения мошенники разыграли с целью познакомить вас с мнимым купцом и его мнимым предприятием. И чтобы завлечь вас в ловушку, они сыграли на главных ваших струнах! На вашем теплом отношении к вадранцам, вашем чувстве долга и пылкой отваге, вашем деловом интересе к качественным крепким напиткам, вашем страстном желании насолить дону Джакобо. Ну разве не подозрительно, что план Фервайта должен оставаться в глубокой тайне? Что осуществить всю затею необходимо в кратчайшие сроки? Что предложенная сделка распаляет все ваши честолюбивые желания?

С минуту молодой человек молчал, уставившись в стену напротив и барабанив пальцами по столу все быстрее и быстрее.

– Вы меня сразили наповал, – наконец произнес он тихим растерянным голосом.

– Сожалею, что пришлось огорчить вас, дон Сальвара. Правда очень неприятна, спору нет. Конечно же, Каморрский Шип не десяти футов ростом. Конечно же, он не может проходить сквозь стены. Но он существует на самом деле и в настоящее время прикидывается вадранцем по имени Лукас Фервайт. Он уже прикарманил ваши пять тысяч крон и рассчитывает выманить у вас еще двадцать тысяч.

– Надо срочно послать кого-нибудь к Мераджо, чтобы отменить выплату по векселю! – спохватился дон Лоренцо.

– Со всем уважением к вам, сударь, но ничего подобного делать не следует. Я получил ясные и четкие распоряжения. Нам нужен не только сам Шип, но и его сообщники. Все его пособники, осведомители и соглядатаи. Сейчас он у нас на виду, и мы можем следить за всеми его передвижениями. Но стоит лишь Шипу почуять что-то неладное – он мигом от нас скроется, а потом ищи-свищи. И неизвестно, представится ли нам еще когда-нибудь другая такая

возможность. Его светлость герцог Никованте недвусмысленно приказал, чтобы все до единого соучастники этих преступлений были установлены и арестованы. Поэтому мы от имени герцога просим и требуем вашего полного сотрудничества с нами.

– В таком случае что я должен делать?

– Продолжайте вести себя так, будто безоговорочно верите истории Фервайта. Пусть он получит деньги по векселю. Пусть насладится первым успехом. А когда он вернется и попросит еще денег...

– Да?

– Дайте ему все, что он попросит, сударь.

4

По завершении трапезы со стола убрали, и подзахмелевший Клоп получил задание вымыть всю посуду до блеска горячей водой и тонким белым песком. «Чрезвычайно полезно для твоего нравственного воспитания!» – воскликнул Жан, нагромоздив гору фарфора и хрусталя перед мальчиком. Локк с Кало сразу после ужина удалились в гардеробную, чтобы подготовиться к третьему и самому важному шагу в своем мошенническом предприятии.

Подвал под храмом Переландро состоял из трех помещений: в одном находилась кухня, другое делилось деревянными перегородками на спальни, а третье служило гардеробной.

Вдоль всех стен гардеробной тянулись длинные вешалки, на которых висели сотни нарядов, упорядоченных по здешним и чужеземным модам, по сезону, по покрою, по размеру и по сословной принадлежности. Чего здесь только не было! И дерюжные рубахи, и рабочие блузы, и мясницкие фартуки в пятнах засохшей крови. И плащи самого разного вида – толстые зимние и тонкие летние, грубоотканые и искусно пошитые, ничем не украшенные и украшенные всем, чем только можно, вплоть до золота, жемчуга и павлиньих перьев. И одеяния почти всех теринских священнических орденов – Переландро, Морганте, Нары, Сендовани, Ионо и прочих. И шелковые сорочки, и дублеты с хитроумно вшитыми с исподу защитными пластинами, и перчатки, и шейные платки, и галстуки всех фасонов. А также палки и трости в таком количестве, что можно снарядить целую армию хромых стариков.

Коллекцию эту Цеппи начал собирать более двадцати лет назад, а его ученики постоянно пополняли на деньги, добытые мошенничеством. Изношенные вещи Благородные Канальи почти никогда не выбрасывали; даже самые грязные, провонявшие потом летние одежды тщательно стирались, обсыпались алхимическими ароматическими порошками и аккуратно вешались на вешалку – мало ли пригодятся. А в случае необходимости их всегда можно будет опять испачкать.

Посреди гардеробной находилось большое ростовое зеркало, а еще одно, поменьше, висело на таях, закрепленных на потолке, и могло перемещаться и устанавливаться в любом нужном положении. Сейчас Локк стоял перед зеркалом, в густо-черном бархатном дублете и таких же бриджах, в чулках цвета крови на багряной закатной воде и в простом каморрском галстуке похожего оттенка.

– Не слишком ли театрально мы вырядились? – Кало был одет точно так же, только чулки и галстук не красные, а серые. Он поддернул рукава к локтю и скрепил зажимами, украшенными черным жемчугом.

– В самый раз, – ответил Локк, поправляя галстук. – Мы Полуночники, мы полны сомнения. Какой уважающий себя тайный сыщик вторгнется среди ночи в чужой дом, одетый в зеленое, оранжевое или белое?

– Да такой, который просто подойдет к двери и постучит.

– Я все понимаю, но не хочу отступать от плана. После насыщенного приятного событиями дня дон Сальвара должен испытать глубочайшее потрясение. А лиловые и карминные оттенки недостаточно сильно впечатляют.

– Ну, если так посмотреть на дело, пожалуй.

– Чертов дублет жмет в спине, – пробормотал Локк. – Жан! Жа-а-ан!

– Что там такое? – гулко донеслось до них мгновение спустя.

– Что-что... Наверное, мне просто нравится произносить твое имя! Иди сюда!

Через несколько секунд в гардеробную неспешно вошел Жан, с бокалом бренди в одной руке и потрепанной книгой – в другой.

– Я думал, сегодняшний вечер у Грауманна выходной.

– Грауманн может отдыхать спокойно. – Локк раздраженно ткнул большим пальцем себе за спину. – А мне требуются услуги самой уродливой в Каморре швеи.

– Галдо занят: помогает Клопу мыть посуду.

– Живо хватай иголку с ниткой, очкарик.

Жан недовольно насупил брови над очками, но отложил книгу, отставил бокал и полез в маленький деревянный сундучок, стоявший у стены.

– Что читаешь? – Кало приколол к галстучному банту серебряную брошь с аметистом и сейчас одобрительно разглядывал себя в маленьком зеркале.

– Кимлартену, – ответил Жан, осторожно продевая черную нитку в белую костяную иглу.

– Коришийские рыцарские романы? – насмешливо фыркнул Локк. – Сентиментальная чушь. Вот уж не думал, что ты увлекаешься детскими сказками.

– К твоему сведению, эти, как ты выражаешься, сказки – важные литературные памятники эпохи Теринского владычества. – Жан подступил к Локку сзади, с распарывателем в одной руке и иголкой с ниткой в другой. – И вообще там зверь Вуаццо отрывает голову по меньшей мере трем рыцарям.

– Книга небось с картинками?

– Увы, самые интересные эпизоды не проиллюстрированы. – Жан принялся орудовать распарывателем с той же осторожностью, с какой вскрывал замки или лез в чужой карман.

– Ох, да не возись там особо, мне плевать, как дублет выглядит сзади: все равно под плащом не видно будет. Привести его в порядок мы всегда успеем.

– Мы? – усмехнулся Жан, ловко распарывая швы в нужных местах. – Скорее уж, я. Из тебя портной, как из собаки поэт.

– Не стану спорить. Ну вот, так гораздо лучше. Теперь есть место, где спрятать бумажник со значком тайного сыска и еще пару занятных вещиц на всякий случай.

– Как-то непривычно выпускать для тебя одежду, а не ушивать. – Жан убрал швейные принадлежности обратно в сундучок и закрыл крышку. – Смотри не забывай о тренировках: нам совсем ни к чему, чтобы ты набрал еще полфунта.

– Ну, положим, большую часть моего веса составляет мозг. – Локк подтянул рукава к локтю и скрепил зажимами, как немногим ранее сделал Кало.

– Ты на треть состоишь из дурных намерений, на треть – из алчности и на одну восьмую – из спеси. А все остальное – пожалуй, да: мозг.

– Раз уж ты здесь и раз уж ты про меня, бедного-несчастливого, досконально все знаешь, может, придвинешь гримерный шкафчик да пособишь мне преобразиться?

Прежде чем подтащить к зеркалу деревянный шкафчик с десятками выдвижных ящичков, Жан немного отхлебнул из бокала.

– С чего начнем? С волос? Тебе нужны черные, полагаю?

– Как смоль. Этого малого я буду изображать всего два-три раза.

Жан обернул плечи Локка белым полотенцем, которое скрепил на груди крохотным костяным зажимом. Затем открыл одну из многочисленных аптечных банок и обмакнул пальцы в содержимое – черную желеобразную мазь с резким цитрусовым ароматом.

– Хм... Цветом чернее угля, а пахнет апельсинами. Нет, мне никогда не понять юмора нашей Джессалины.

Он принялся втирать мазь в каштановые волосы товарища.

– Черным аптекарям тоже нужно как-то развлекаться, – улыбнулся Локк. – Помнишь усыпительную свечу с запахом говядины, которую она дала нам для чертова сторожевого пса дона Фелучча?

– Да уж, смеху не оберешься. – Кало нахмурился, поправляя галстук и одергивая дублет. – На запах сбежались бродячие кошки со всего Каморра да и попадали там одна за другой. Как вспомню, так вздрогну: вся улица устлана спящими кошками – шагу не ступить, а ветер поминутно меняется, и мы носимся взад-вперед, чтоб оставаться с наветренной стороны от дыма, не надышаться случайно...

– Прямо скажем, не лучшая минута в нашей жизни, – кивнул Жан, уже почти закончивший работу: мазь полностью впиталась в волосы Локка, придав им натуральный черный цвет – с влажным отливом, правда, но на него никто не обратит внимания, поскольку в Каморре многие мужчины пользуются разными маслами и помадами для укладки волос.

Вытерев пальцы о полотенце на плечах Локка, Жан окунул тряпицу в другую банку, с густой серовато-жемчужной жидкостью, и бесследно смыл с рук черную краску. Той же тряпичей он промокнул лоб и шею товарища, удаляя пятна и брызги, оставленные при окрашивании.

– Шрам? – спросил он затем.

– Ага. – Локк провел мизинцем по правой скуле. – Вот здесь чиркани, пожалуйста.

Жан достал из примерного шкафчика тонкий деревянный цилиндр с острым кончиком, похожим на мелок, и провел короткую линию там, где показал Локк. Белая полоса зашипела – Локк поморщился от боли – и через считанные секунды чуть вспучилась и застыла точным подобием зарубцевавшегося шрама.

В дверях гардеробной возник Клоп, раздумавшийся от выпитого за ужином вина. В руке он держал черный кожаный бумажник размером чуть поболее складных кошельков, в каких знатные господа хранят бумажные деньги.

– В кухне прибрано, – доложил паренек. – Галдо сказал, что бумажник ты непременно забудешь, коли не кинуть тебе под нос.

– Только не надо понимать это дословно. – Локк протянул руку за бумажником, в то время как Жан снял с него полотенце, убедившись предварительно, что волосы полностью высохли. – Разобьешь эту штуковину – я тебя до самого Эмберлена докачу в бочке. Собственно.

Хранившийся в бумажнике затейливый значок, выполненный из золота, хрусталя и матового стекла, был самым дорогостоящим реквизитом разыгрываемого спектакля – даже бочонок Пятсот второго обошелся дешевле. Изготовили эту вещь в Талишеме, расположенном в четырех днях пути к югу вдоль побережья. Никто из каморрских умельцев, независимо от уровня мастерства, не взялся бы подделать значок герцогского тайного сыска.

Стилизованный золотой паук поверх государственной печати Мирного герцогства – ни один из Благородных Каналий настоящих значков в глаза не видел, но Локк с уверенностью полагал, что не видел их и почти никто из низшей аристократии. Примерное описание наводящего ужас значка ходило среди Путных людей Каморра, вот на основании этого описания и была изготовлена подделка.

– Дюрант Колченог говорит, брешут люди, нет никакого паука, – сообщил Клоп, отдавая бумажник.

Трое старших товарищей сурово взглянули на мальчишку.

– Коль мозги твоего Дюранта опустить в наперсток с водой, они будут выглядеть там точно корабль в бескрайнем море, – сказал Жан.

– Полуночники существуют на самом деле, Клоп. – Локк осторожно провел рукой по волосам и убедился, что они не пачкаются. – Если ты когда-нибудь нарушишь Тайный уговор, молись о том, чтобы первым до тебя добрался капа, а не они. Барсави – воплощенное милосердие по сравнению с людьми, заправляющими во Дворце Терпения.

– Да я знаю, что Полуночники не выдумка, – сказал Клоп. – Я просто говорю, что про Паука брехня все.

– Паук тоже не выдумка, поверь. Жан, подбери мне какие-нибудь усы в тон к волосам. – Локк провел пальцем по гладко выбритой коже над губой. – Во главе Полуночников стоит кто-то из приближенных герцога. Мы с Жаном много лет пытались выяснить, кто именно, но все ведущие к нему ниточки рано или поздно обрываются.

– Даже мы с Галдо в полном тупике, – добавил Кало. – А значит, мы имеем дело с необычайно хитрым дьяволом.

– Тогда почему же вы уверены, что Паук взаправду существует?

– Объясню тебе так, Клоп... – Локк ненадолго умолк, разглядывая предложенные накладные усы, потом помотал головой, и Жан опять принялся копаться в гримерном шкафчике. – Когда капа Барсави расправляется с кем-то, мы об этом непременно узнаём, верно? Новости передаются из уст в уста и всегда доходят до нас через одних или других знакомых. Сам капа хочет, чтобы люди знали об учиненных расправах и наказаниях: такие устрашающие примеры призваны предотвратить новые преступления.

– А когда с кем-то расправляется герцог, – вставил Кало, – мы тоже всегда узнаём об этом по разным явным признакам. Ну там желтокурточники, Ночные дозорщики, указы, суды, оглашенные постановления.

– Но когда покарать кого-то решает Паук... – Локк коротко кивнул, одобряя вторые усы, предложенные Жаном. – Так вот, когда за дело берется Паук, его несчастная жертва просто исчезает с лица земли. А капа Барсави пикнуть не смеет. Понимаешь? Делает вид, будто ничего не произошло. А если учесть, что перед герцогом наш капа не трепещет – и даже смотрит на него немножко свысока, – вывод напрашивается один: есть кто-то другой, кого он боится до мокрых штанов.

– Кто-то еще, кроме Серого короля?

– Ой, да с ним будет покончено через пару месяцев, Клоп, – пренебрежительно фыркнул Кало. – Один безумец против трех тысяч кинжалов в подчинении у Барсави... Серый король, почитай, уже покойник. А вот от Паука так просто не избавиться.

– Вот почему мы рассчитываем, – подхватил Локк, – что дон Сальвара подпрыгнет на шесть футов, когда застанет нас в своем кабинете. Представителей голубой крови неожиданные визиты Полуночников радуют не больше, чем нас с тобой.

– Мне неудобно перебивать, – сказал Жан, – но ты побрился на сей раз? Ага. Хорошо.

Тонкой палочкой он нанес блестящий прозрачный клей на верхнюю губу Локка, сморщившегося от отвращения, а потом ловко приставил накладные усы и прижал пальцами. Уже через несколько секунд они приклеились так прочно, что не отличить от настоящих.

– Клей сварен из плавательных пузырей волчьей акулы, – пояснил Жан Клопу. – В последний раз мы забыли добавить в него немного растворителя...

– А мне потребовалось срочно избавиться от усов, – сказал Локк.

– Ох и орал же он, когда Жан взялся помочь, – ухмыльнулся Кало.

– Ага, прямо как братец Санца в пустом борделе. – Локк показал Кало непристойный жест, а Кало в ответ изобразил, будто стреляет в него из арбалета.

– Так... шрам, усы, волосы... Ну что, мы закончили? – Жан стал убирать в шкафчик гримировальные принадлежности.

– Да, все в порядке. – С минуту Локк придирчиво разглядывал свое отражение в зеркале. Когда же он снова заговорил, голос его звучал чуть ниже и резче, чем обычно, а в тоне слышалась равнодушная скука, с какой пожилой сержант стражи отчитывает тысячного мелкого правонарушителя, задержанного им за годы службы. – Ну ладно, пойдем сообщим человеку, что он попался на крючок к мошенникам.

5

– То есть вы хотите, – проговорил дон Сальвара, – чтобы я продолжал выдавать заемные векселя человеку, который слывет самым одаренным вором в Каморре?

– Со всем уважением к вам, господин Сальвара, но вы так поступали бы в любом случае, даже без нашего вмешательства.

В голосе и манерах Локка сейчас не осталось ничего от Лукаса Фервайта: ни малейшего намека на суховатую сдержанность и чопорное достоинство вадранского торговца. Новый персонаж опирался в своих действиях на вымышленные непререкаемые приказы герцога; такой человек мог себе позволить насмешливый тон в разговоре со знатым господином, неприкосновенность чьего дома он нарушил. Подобную дерзость нельзя просто изобразить – Локк должен был подлинно исполниться ею, вызвав из собственного существа, облачиться в высокомерие, словно в привычное старое платье. Настоящий Локк Ламора, вор и плут, стал бледной тенью для себя самого – теперь он был Полуночником, офицером герцогского тайного сыска. Изошренная ложь Локка обратилась простой правдой нового персонажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.